

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. Луковская С. С. Гречишкин
В. И. Морозов

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
СПЕРАНСКИЙ

(МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
Примечания к „Введению“	5
Глава I Эпохи Екатерины Великой и Павла I	6
Примечания к „Главе I“	20
Глава II Эпоха Александра I	26
Примечания к „Главе II“	76
Глава III Эпоха Николая I.....	91
К иллюстрациям	118

ВВЕДЕНИЕ

Имя графа Михаила Михайловича Сперанского (1772-1839), члена Государственного совета, действительного тайного советника, полного кавалера высших российских орденов, принадлежит к не столь уж пространному списку имен крупнейших государственных деятелей России за всю ее многовековую историю. Реформатор, сопоставлявшийся с титаническими фигурами Петра Великого и Александра II, государственный муж, служивший трем государям, непревзойденный кодификатор („русский Трибониан“), основатель российской юридической науки, теоретического правоведения и специального „законоведческого“ образования, фундатор современного русского юридического языка, Сперанский вызывал искреннее восхищение и столь же искренние неприязнь, отторжение (вплоть до ненависти) у современников и потомков. [1]

Люди, служившие под непосредственным руководством Сперанского, испытывали по отношению к патрону чувства, замешанные на восторге и преклонении (отсюда житийная слащавость у многих мемуаристов). Либеральные (до 1917 г.) исследователи, советские (в первую очередь) и постсоветские историки общественно-политической и правовой мысли, как правило, относились (относятся) к Сперанскому предвзято как к теоретику и практику бессмертной российской бюрократии, авторитетному пестователю чиновничества, творцу бесчисленных образцовых „бумаг“, осуществленных и неосуществленных государственных „проектов“, напроць забывая о том, что в конце XVIII - начале XIX столетий эти слова (бюрократия, чиновничество) не имели позднее приобретенного уничижительного лексического значения (оттенка). Исследователи, отдавая (иногда не отдавая) Сперанскому дань

справедливого уважения, любят рассуждать о том, что он не сделал, о сервильности и лукавом царедворстве „поповича - графа Российской Империи“. Главное в том, что Сперанский - вот уже 160 лет - „вечный“, живой и полнокровный персонаж отечественной истории, вызывающий горячие споры и полярно противоположные суждения и оценки.

Высочайшие всплески исследовательского и читательского интереса к необыкновенной личности и необыкновенной жизни (полной взлетов и падений) мыслителя и государственного деятеля отчетливо проявляются в переломные эпохи жизни нашего отечества (реформы Александра II - „выученика“ Сперанского в самом точном значении слова, модификация самодержавия после Первой русской революции, крушение советской империи и мучительное становление демократической России). Судьба реформатора явно и неявно проецировалась на судьбы его близких и далеких последователей.

Настало время детально, сухо, без эмоций изложить канву „баснословной“, выражаясь языком той эпохи, жизни (событийной и умственной) великого государственника (в величии ему не отказывают ни апологеты, ни ниспровергатели). В письме /конец 1840-х гг./ к современнику, соратнику К.Г.Репинскому М.А.Корф афористично, ярко, эмоционально, пронизательно сформулировал задачу, стоящую перед всеми биографами Сперанского: „Не одни результаты этой жизни, но и само ее течение будет привлекать внимание потомства, и нам надобно стараться уловить и изобразить ее черты /.../. Но в этом деле пристрастие сердца и чувств должно уступить беспристрастию историка, нам нужен Сперанский не в одних блестящих его качествах и действиях, но и в превратностях и слабостях, свойственных всякому земнородному. Нам нужна история - верная, точная, неумолимая в истине - а не панегирик. Задача большая и трудная, но, надеюсь, не невозможная“. [2]

Предлагаемое вниманию „жизнеописание“ основано, в первую очередь, на архивных материалах, содержащихся в богатейших личных фондах (около 5000 единиц хранения) М.М.Сперанского в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (фонд 731; далее - РНБ) и в Российском государственном историческом архиве (фонд 1251, оп. 1, 2; далее - РГИА).[3] Отдельные документы, цитировавшиеся ранее предшественниками (увы, с неточностями и искажениями), сверены и откорректированы по рукописным оригиналам.[4] В публикуемых архивных материалах (целиком или в извлечениях) сохранены все особенности авторского стиля; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1-2. СПб., 1861; *Новаковский В./И./* Михаил Михайлович Сперанский. 2-е изд. СПб., 1868 (1-е изд. - СПб., 1863); В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772-1872. СПб., 1872; *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1-2. СПб., 1872; *Флоринский Н.И.* Некоторые черты из жизни графа М.М.Сперанского. М., 1874; *Катетов И./В./* Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань., 1889; *Южаков С.Н.* М.М.Сперанский: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М.Сперанского. М., 1905; *Якушкин В.Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905; *Завитневич В.З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907; *Середонин С.М.* Граф М.М.Сперанский: Очерк государственной деятельности. СПб., 1909; *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский: Историческая монография. /СПб., 1910/; *Фатеев Ар.Н.* М.М.Сперанский (1809-1909): Биографический очерк. Харьков, 1910; *Его же.* Сперанский - генерал-губернатор Сибири. Т. 1-2. Прага, 1942; *Мещерский И.И.* Граф М.М.Сперанский: Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1911; *Калягин В.А.* Политические взгляды М.М.Сперанского. Саратов, 1973; *Макеева Г.П.* Сперанский и другие: Роман о первой русской перестройке. М., 1990; *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М.Сперанского. М., 1991; *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. 2-е изд. М., 1992 (1-е изд. - М., 1989); *Федоров В.А.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997; *Морозов В.И.* Государственно-правовые взгляды М.М.Сперанского. СПб., 1999; см. также: *Вознесенский С.В.* Библиография трудов М.М. Сперанского // Архив Российской Академии наук (разряд IV. Оп. 1. Ед. хр. 245).

[2] *Корф М.А.* Письма (37) к К.Г.Репинскому (1828-1861, б.д.) // РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 660. Л. 20. Первые биографические (во многом просто фантазийные) сведения о Сперанском появились за рубежом. См.: *Turgueneff N.* La Russie et les Russes. V. I. Bruxelles, 1847; *Schnitzler I.* Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas. P., 1847; *Gervinus G.* Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. V. II. Leipzig, 1856.

[3] См. прежде всего не привлекавшие должного внимания исследователей „послужные списки“ государственного мужа (РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719; РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 730, 732), а также „Формулярный список о службе действительного тайного советника графа Сперанского“ (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Ед. хр. 5935) и „Дело о службе члена Государственного совета действительного тайного советника графа Сперанского“ (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Ед. хр. 506).

[4] Бумаги, принадлежащие перу Сперанского и хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Санкт-Петербургском отделении Института истории РАН, образцово воспроизведены в книге: *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Подготовили к печати А.И.Копанев, М.В.Кукушкина; Под ред. С.Н.Валка. М.; Л., 1961.

ГЛАВА I

ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И ПАВЛА I

Михайло (Михайла) Сперанский родился 1 января 1772 года в селе Черкутине (редко пишут: Черкватино) Владимирской губернии, стоящем на берегу речки Тунгары - притока Ворши - в сорока верстах от губернского центра. Год рождения правоведа установлен его скрупулезным и вдумчивым биографом по „исповедным росписям“ Владимирской консистории (метрическое свидетельство не сохранилось).[1]

Сам реформатор полагал, что появился на свет годом ранее (это зафиксировано в его краткой „мемории“ „Эпохи (так !) М. Сперанского“: „Родился 1-го генв/аря/ 1771 года“.[2] Младенческий крик раздался в семье почтенного настоятеля черкутинской церкви, чей священнический род чуть ли не на протяжении двух столетий „окормлял“ деревенских жителей родовой вотчины рода Салтыковых, и его супруги Прасковьи Федоровны.

Итак, будущий потомственный дворянин, граф Российской империи, соратник и „наперсник“ императоров, сановник-„олимпиец“ родился в простой избе, отличавшейся от прочих разве что размерами, некоторой ухоженностью и атмосферой относительного достатка. Биографы Сперанского не обратили внимания на то обстоятельство, что отец Миши не был рядовым священником, единственным источником доходов которого являлись церковные „требы“, заказываемые селянами и оплачиваемые преимущественно продуктами, и примитивное крестьянское хозяйство. Михаил Васильевич являлся „благочинным“, т.е. административно-судебным лицом, осуществлявшим надзор за духовенством своего округа, имевшим право разрешения споров между духовными лицами, между ними и прихожанами. Любопытно, что в ту эпоху „благочинный“ выдавал подопечным священникам специальные разрешения отлучаться от прихода на расстояние, превышающее 25 верст (всегда на Руси было мало воли...). Разумеется, „благочинный“ получал и твердое жалование от государства.

Священник М.Ф.Третьяков, женатый на младшей сестре Сперанского Марфе (старшая - Мария), унаследовавший (через брак с ней) приход тестя, приводит в письме к своему единокровному брату Аркадию, архиепископу Пермскому и Верхотурскому от 25 ноября 1846 г. (вопреки ощутимо елейной интонации) уникальные сведения о родителях, деде и детских годах своего знаменитого родственника:

„Родитель графа действительно муж был сановитый и по тогдашнему времени, хотя в Семинарии не обучался, но был Благочинный много годов и в ведомстве у него значилось 40 сел. По старости своей должность благочинненскую за два года сдал, до уступления мне священнической деятельности. Четырехлетнее его со мной прожитие совершенно доказало его добродетели и совершенство благочестивых поступков - не пропускал он службы, будучи заштатным, ходил в церковь, пел на клиросе по способности голоса и сведения пения. И при старости был краса Церкви - благовидный, благоговейный, смиренный по времени, редкий священник.

А что принадлежит до родительницы графа М/ихаила/ М/ихайловича/ я добродетельной ее жизни достойно описать не могу, в продолжение 27-ми лет со мною ее прожития не заметив ней ничего, кроме благословенных трудов и неутомимого занятия в хозяйстве; а паче всего хождения в церковь Божию на молитву, не пропускала она дня. Стужа, грязь, разные погоды не удерживали ее - она всегда ходила с верой, любовью и твердым упованием во всем на Благость

Божью. Из редких редкая мать детям - бабушка внучатам - друг мужу - хозяйка дома - странноприимн/а/я - гостеприимная, со всеми с чистою любовью обращалась - лести и коварства не имела. Охотница была посещать святые места угодников Божиих.

По рождении графа М/ихаила/ М/ихайловича/ особенный обет имела сходить в Ростов для поклонения Св. Димитрию, по откормлении млеком своим оставила младенца М/ихаила/ М/ихайловича/ на руках няньки, а сама отправилась в путь для поклонения Св. Димитрию с твердою надеждою на благость Божию. Ходила в Троицу к преподобному Сергию - и в Суздаль - редкая весна у нее проходила, чтобы куда-либо не сходила на поклонение до самой престарелости. Всегда пешком и в самом одеянии простом и воздержании от пищи - жизнь христианки провела и кончина христианская. Апреля 24 дня при восхождении Солнца последние ее слова мне были сказаны: „Федорович! Поранее отслужи обедню и меня причасти, может, в последний раз. Что исполнись - действительно - 24-е число кончина ее. [3]

Граф М/ихаил/ М/ихайлович/ между великими его доблестями - могу Вас известить слышанное от няньки его девицы Елены Петровой Синицыной, которая еще жива, следующее /так !/. В младенчестве еще бывши, М/ихаил/ М/ихайлович/ провожал деда своего свящ/енника/ Василья Михайлова лишенаго зрения в церковь для слушания Литургии до самого вступления в Семинарию, а сам М/ихаил/ М/ихайлович/ читал Часы и Апостол, не могли держать в руках книги - клали на Аналой, а под ноги скамью. Бude же младенец М/ихаил/ М/ихайлович/ в чем ошибется или не противу силы скажет - слепой дед, услышав, поправит. Последние слова я сам слышал от М/ихаила/ М/ихайловича/ при первом моем свидании с ним в Черкутине между прочими родственными разговорами. Он изволил сказать мне: „Жалею, что вы, М/ихаил/ Ф/едорович/ не знали дедушки моего В/асилия/ М/ихайловича/, который имел строгий характер. Случалось неоднократно, когда я был в малолетстве и, в церкви читавши, в чем ошибусь, он не утерпит, в ту же минуту мою ошибку поправит. Спасибо ему, все его наставления помню“.[4]

Сперанский по рождению принадлежал ко второму (после первого - дворянства) привилегированному сословию Российской Империи - духовенству, которое в количественном отношении составляло четверть процента населения империи. Дворянство и духовенство именовались „неподатными“ сословиями, низшие сословия облагались разнообразными налогами (податями). Православное духовенство тогда (как и сейчас) делилось на „черное“ и „белое“. Представители „черного“ духовенства (монашествующие, высшие церковные иерархи-архиереи) уходили из „мира“, не имели семьи, собственности, поэтому особый социальный слой, о котором идет речь, образовывали лица, причислявшиеся к „белому“ духовенству: протоиереи, протопресвитеры, иереи, протодиакон, диаконы, псаломщики, пономари, причетники (и их жены, вдовы, дети, внуки).

В XVIII - начале XIX вв. это сословие характеризовалось особой замкнутостью: государство никоим образом не поощряло приток новых членов (как из высшего, так и из низших сословий). Существовал жесткий обычай (впрочем, никак не формализованный): наследование церковных приходов, когда священником обязательно становился либо сын, либо зять ушедшего на „покой“ иерея. Духовенство могло владеть недвижимостью (с запретом устраивать в домах питейные заведения) и землей без крепостных (исключение делалось для священников-дворян, принявших сан, а также награжденных орденами). Духовенству запрещалось заниматься коммерческой деятельностью, посещать увеселительные заведения, играть в карты и т.д. Потомки священнослужителей наследовали их сословную принадлежность.[5]

Главная привилегия духовенства заключалась в том, что сыновья священников (помимо освобождения от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний) могли учиться в относительно многочисленных духовных училищах (семинариях и академиях), получать систематическое образование (не только по богословским дисциплинам, программа была достаточно широка). Напомним, что в XVIII в. на всю Россию было пять светских учебных заведений: два университета (в Санкт-Петербурге - с 1725 г. - через несколько десятилетий

практически прекратил существование, в Москве - с 1755 г.) и три гимназии (в столицах и в Казани). Частное образование (преподаватели-иностранцы, пансионы) было в зачаточном состоянии и не отличалось высоким уровнем.

В годы юности Сперанского уволиться из духовного ведомства было весьма затруднительно. [6] Выход существовал один: поступление на гражданскую службу (процедура была существенно упрощена лишь в царствование Александра I). Несколько десятилетий спустя „поповские сыны“ (Сперанский - первая звезда в блестящей плеяде) мощно обогатили, расцвелили, реформировали русскую науку, культуру, литературу, искусство. Однако в свою эпоху Сперанский был редким исключением...

Вернемся к детству нашего героя. Деревенское житие маленького Миши было благостным и безмятежным. До Черкутина с огромным запозданием долетали лишь отзвуки грозы русско-турецкой войны 1768-1774 годов и крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Ребенок отличался исключительной религиозностью, слабой физической силой, хрупким здоровьем (мальчик вырос лишь после 15-ти лет, догнав и перегнав своих сверстников, но до конца дней сохранил болезненно-белый цвет лица). Очень рано овладев грамотой, Миша прочитал все печатные и рукописные книги, хранившиеся в священническом доме из поколения в поколение (разумеется, мирских практически не было). Миша избегал подвижных и шумных игр с деревенскими ровесниками, предпочитая вдумчивое чтение Библии, житий святых, церковных сказаний. Отец, видимо, не уделял мальчику особого внимания в отличие от деда и матери, благодарную память о которых тот хранил всю жизнь.[7]

Мальчику было шесть лет, когда в его жизни произошло событие, оказавшее провиденциальное влияние на дальнейшую жизнь: летом в Черкутино приехали владелец поместья Николай Иванович Салтыков (1736-1816; граф - с сентября 1796, светлейший князь - с 30 августа 1816 г.) и протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский (1740 - по другим сведениям - 1732-1815). Помещик (в молодости боевой генерал) был тогда гофмейстером двора наследника престола Павла Петровича, позже стал главным воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей (внуков Екатерины II). Священник в течение 18 лет служил настоятелем православного храма при русском посольстве в Лондоне, потом, в свою очередь, стал духовником и преподавателем английского языка у Александра и Константина. Все названные персонажи сыграют свою роль в жизни нашего героя.

Мог ли предположить екатерининский вельможа, который, конечно, не обратил никакого внимания на не по годам развитого сына своего сельского священника, что на закате жизни станет членом (с 1812 г. - председателем) придуманного и воплощенного тем в исторической реальности Государственного совета. Самборскому же мальчик очень понравился, он познакомился с его родителями, играл с ним, носил на руках, в шутку приглашал в Петербург. Через много лет в доме покровительствовавшего ему Самборского Сперанский встретится со своей невестой.

Однако все это произойдет в далеком будущем... Пока же закончилось деревенское детство. В семь лет мальчика отдали во Владимирскую семинарию. Это было совсем не просто устроить. В легкости зачисления Миши сыграли существенную роль и положение отца (благочинный), и влиятельное знакомство (Самборский), и родственные связи (муж тетки Сперанского был диаконом (позже принял сан) при Владимирском архиепископе).

В работе мы многократно упоминали фамилию нашего героя. Между тем она таит в себе некую загадку, ибо никакой родовой фамилии у Михаила просто не было (самый тривиальный случай у недворянина даже во второй половине XVIII века), т.е. и отец, и дед его не имели никакой фамилии в общепринятом современном смысле (Михайло, Михайлов сын; Михайло, Васильев сын; Василий, Михайлов сын). Фамилию Сперанский (от латинского глагола *sperare*, *sperare* - уповать, надеяться - вспомним русскую „кальку“ прославленной „семинарской“

фамилии - Надеждины) мальчику придумал при зачислении муж его тетки Матвей Богословский (у него была фамилия, ибо он закончил ту же семинарию, а отец и дед Миши нигде не учились; кстати, своему сыну - ровеснику нашего героя - дьякон сочинил фамилию Делекторский).[8]

Некоторые мемуаристы и биографы без должных оснований утверждают, что родовой фамилией реформатора была Грамотин.[9] Версия о том, что настоящая фамилия Сперанского Третьяков, выдвинутая журналистом А.Г.Никитиным на основе документов, хранящихся в Отделе рукописей ИРБ, не представляется нам достаточно аргументированной.[10] Увы, до семинарии у Михаила Михайловича никакой фамилии не было.[11]

Учась во Владимирской семинарии, Миша вначале жил у Боголюбовых, потом у своей двоюродной сестры Татьяны Матвеевны Смирновой (жены священника). Эта достойная женщина стала ему второй матерью, которую он никогда не забывал и в зрелые годы всячески поддерживал. Живя в родственной семье, наш семинарист был избавлен от ужасов бурсацкого уклада, который столь ярко описан в позднейшей литературе.

В 1780 г. государство троекратно увеличило финансирование семинарий и запретило не только телесные наказания, но и устные оскорбления воспитанников. Помимо языков (русского, латинского, древнегреческого) семинаристы штудировали реторику, математику, физику, философию и богословие. Конечно, методика обучения была схоластической, огромное количество текстов заучивалось наизусть.

У Миши был хороший голос, его приняли в архиерейский хор, однако он никогда не принимал участие в колядовании, когда певчие на Рождество и Пасху обходили частные дома, получая вознаграждение (медными деньгами и продуктами), разнообразившее их скудный рацион. Перейдя из грамматического в риторический класс, Сперанский обнаружил замечательные способности, оставаясь до конца курса первым учеником. Шел год за годом...

Став „студентом философии“ (1787 г.), Сперанский, ранее удостоенный чести носить архиерейский посох, был взят в „келейники“ к ректору (префекту) семинарии игумену Евгению (Романову). Духовный писатель, дед которого был однокашником Сперанского, записал слова предка: „Михаил Михайлович с детства имел любовь к чтению книг, и, когда представился ему удобный случай пользоваться достаточной по тому времени библиотекой префекта Владимирской семинарии - игумена Боголюбовской обители, отца Евгения, взявшего гениального юношу к себе в келейники, Сперанский со всем усердием предался любимому своему занятию. По приготовлении классных уроков он посвящал чтению целые вечера. Зная об этом, товарищи Михаила Михайловича, глубоко уважавшие его высокую личность, обращались к нему с усердными просьбами поделиться с ними богатством собираемых сведений. /.../ Следствием просьб товарищеских было то, что в курсе, где шел Сперанский, образовались собственные, ученические лекции“.[12] Уникальный случай для бурсы...

Материально жизнь „студента“ была чрезвычайно скудна: счет на мыло, одежду, чулки и т.д. шел буквально на копейки. Из кратких записей Сперанского за 1786-1787 гг. (годы очередной войны с Турцией, которая осознанно интересовала будущего государственного деятеля) явствует, что жалование от игумена он получал в размере 60 копеек в месяц.[13]

С 1787 года (с 15 лет) Сперанский начинает выступать с публичными проповедями в присутствии высших чинов епархии, что, разумеется, свидетельствует о необыкновенной одаренности юного студента. Соученик Сперанского И.П.Фаворский свидетельствовал через много десятилетий о том, что „во Владимирской семинарии товарищи прозвали его Спасовы Очи, потому что он все знал, все понимал, все видел, по их мнению“.[14] Летом того же года Сперанский предпринял первое в своей жизни относительно далекое путешествие - в Москву, где встречался с А.А.Самборским, напомним, воспитателем внуков императрицы.[15]

В начале лета 1788 г. Владимирская семинария закрылась. Формально ее объединили с Суздальской и Переяславской, причем новое учебное заведение базировалось теперь в Суздале. Именно к этому времени относится первая (не зафиксированная исследователями) попытка Сперанского переменить судьбу, выйти из духовного сословия, получить светское образование.

16 июня 1788 г. Сперанский пишет А.А.Самборскому из Владимира: „Особливая благосклонность, отцу моему в бытность вашу в селе Черкутине, равно и мне в Москве вами оказанная, возбуждает во мне смелость просить в настоящих моих обстоятельствах вашего вспомоществования.

В бывшей Владимирской семинарии окончил я философский курс. После вакации в Суздальской должен буду поступить в богословский класс; но мне желательнее слушание богословия вместе с изучением французского языка и математическими заняться науками, коих в семинарии не преподают. /.../ Охота к познанию сих наук убеждает меня из духовного училища перейти в Московский университет, но я уверен совершенно, что архипастырь мой сему желанию моему исполниться не дозволит“.[16] В конце письма семинарист умоляет столичного покровителя письменно походатайствовать перед церковным начальством об удовлетворении своих стремлений.

Реакция Самборского нам неизвестна. Выскажем осторожное предположение: церковный сановник, одинаково вхожий к враждовавшим императрице Екатерине II и цесаревичу Павлу, если и не смог помочь Сперанскому, мечтавшему, в частности, изучать новые языки, получить университетское образование (чаяния так и остались никогда не осуществленными), то способствовал переводу семинариста в „главную“ столичную Александро-Невскую семинарию, организованную в том же 1788 г. путем слияния Санкт-Петербургской и Новгородской семинарий (с 18 декабря 1797 г. - академия). В Александро-Невской семинарии предполагалась подготовка будущих преподавателей для рядовых епархиальных духовных училищ, посему она укомплектовывалась лучшими провинциальными семинаристами.

Так или иначе, пробыв полтора года в Суздале пока оформлялись бумаги, с разрешения и благословения епископа Суздальского Виктора, „студенты школ богословия Михайло Сперанский, философии Вышеславский, в исполнение присланного из Святейшего Правительствующего Синода указа, отправлены /были/ в царствующий Санкт-Петербург для продолжения учения в Санкт-Петербургской семинарии /.../“,[17] куда и добрались благополучно на „перекладных“ в январе 1790 г., поступив на казенное содержание.

Начался новый этап в жизни нашего героя, которому как раз к этому времени минуло 18 лет.

В царствование Екатерины II в России чрезвычайно популярны были (в высшем слое) идеи европейского Просвещения. Сторонница просвещенного абсолютизма, поклонница Монтескье и Беккариа, переписывавшаяся с Вольтером и Дидро, императрица в духе времени уделяла значительное внимание образованию. В обновленной по монаршьей воле Александро-Невской семинарии главный упор (помимо собственно богословских дисциплин) был сделан на высшую математику, опытную физику, „новую“ философию (включая творчество „богоборцев“ Вольтера и Дидро) и на французский язык (международное средство общения интеллектуалов того времени). Во всех этих дисциплинах Сперанский быстро сделал блестящие успехи. Свободно овладев французским, он увлекся просветительской философией, что наложило несмыслимый отпечаток на все его дальнейшее творчество.[18] И в мыслях, и в словах на бумаге студент отдавал щедрую дань столь модному тогда „вольтерьянству“, о чем свидетельствует шуточное послание к нему в стихах его однокашника по Александро-Невской семинарии П.А.Словцова (начало 1790-х гг.):

„Но помни, что тому Фортуна изменяет,
Кто остроумием не вовремя блистает.
Не начинай играть Волтерова пером,
Читай Волтер ты, но /нрзб/ умом“.[19]

Шутка („Фортуна изменяет...“) оказалась горьким пророчеством...

И в Александро-Невской семинарии Сперанский очень быстро выдвигается на первое место. Лучшему студенту (как и во Владимире) священноначалие доверило произносить проповеди. 8 октября 1791 г. в лаврском соборе Святой Троицы в присутствии знаменитого митрополита Гавриила (Петрова; 1730-1801; депутата от духовенства в прославленной екатерининской „Уложенной комиссии“) произносит не учебную проповедь, а поразительно смелую (революционную по тем временам, обличительную, учительную) речь об „истинном и ложном просвещении“. Юноша бесстрашно обращается якобы к „государям“, а на самом деле к „венценосице“ Екатерине II, прямо намекая на ее безудержный фаворитизм:[20]

„...есть ли ты не будешь на троне человек, есть ли сердце твое не познает обязательств человечества, есть ли не соделаешь ему любезными милость и мир, не низойдешь с престола для отрения слез последнего из твоих подданных; есть ли твои знания будут только пролагать пути твоему властолюбию; есть ли ты употребишь их только к тому, чтоб искуснее позлатить цепи рабства, чтоб неприметнее наложить их на человек и чтоб уметь казать любовь к народу и из-под занавеси великодушия искуснее похищать его стяжание на прихоти твоего сластолюбия /так !/ и твоих любимцев, чтоб изгладить совершенно понятие свободы, чтоб сокровеннейшими путями провести к себе все собственности твоих подданных, дать почувствовать им тяжесть твоя десницы и страхом уверить их, что ты более, нежели человек; тогда со всеми твоими дарованиями, со всем сим блеском ты будешь только счастливый злодей. Твои ласкатели внесут имя твое золотыми буквами в список умов величайших, но поздняя история черною кистью прибавит, что ты был тиран твоего отечества. Будь судья и наилучший правоведец, открой истинный разумов закон, выведи из существа дела их употребление, умей развязать узел дел наиболее соплетенных, найди самое тончайшее различие между пороком и пороком, между казнию и казнию, упражняйся чрез всю твою жизнь в истории человеческих заблуждений и проницств, знай, каким образом согласить строгость с милосердием и в одном и том же преступлении наказать порок, отпустить неосторожность /.../“.[21]

Удивительные слова (пять лет до кончины императрицы)! Бедный семинарист бесстрашно увещевает тиранов-злодеев, сотрясает троны, вызывает к справедливым законам. Девятнадцатилетний юноша - несомненно знакомый с поразившей Европу книгой „О духе законов“ Монтескье (1748 г.) - очерчивает пунктиром свое будущее блистательное поприще первого русского „законоведца“. Пройдет совсем немного лет. Сперанский лицом к лицу начнет учить царей правовым истинам... Современному читателю процитированная проповедническая речь кажется архаично тяжеловесной, напомним, что она создана до „Писем русского путешественника“ и „Бедной Лизы“ Н.М.Карамзина, реформировавшего литературный язык. Для своей эпохи проповедь Сперанского - образец легкости и изящества стиля.

Успехи в учении, дарования и трудолюбие блестящего семинариста произвели на митрополита Гавриила такое впечатление, что (вопреки упорному нежеланию Сперанского принять монашество или священнический сан) владыка решает оставить юного „магистра“ в Александро-Невской семинарии и поручить ему преподавание ряда учебных дисциплин.

Аппаратный маховик огромного государства вращался весьма быстро. 9 января 1792 г. митрополит обратился с „доношением“ в синод:

„По присланному ко мне /в/ 1791 году июля от 14-го дня Ее Императорского Величества из Святейшего правительствующего Синода указу Невской семинарии математического класса учитель Никита Дмитриев произведен в парижской миссии во священника. Из обучающихся как в той, так и другой семинарии больше всех успел в сем, так и в философическом классе Владимирской семинарии семинарист Михайла Сперанский, который для одного класса в Невской семинарии весьма нужен к пользе семинаристов владимирских послужить; чего ради Святейший правительствующий Синод покорно прошу помянутого Михайлу Сперанского оставить в Санкт-Петербургской епархии и семинарии“. [22]

Владыка был большим дипломатом, мотивируя намерение оставить Сперанского нуждами семинаристов, прибывших из Владимира. В тот же день синод рассмотрел „доношение“ своего неперменного участника, составил „приказание“, уведомил о нем епископа Владимирского. [23] Члены синода поставили свои подписи 12 января. 16 января был подписан „Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийския из Святейшего правительствующего Синода синодальному члену преосвященному Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому и архимандриту Троицкого Александро-Невского монастыря“, где было четко сформулировано: „/.../ означенного семинариста Михайла Сперанского /.../ оставить в Санкт-Петербургской семинарии и епархии дозволить“. [24]

Тяжела была машина абсолютистского государства: такой (в принципе) пустячный случай требовал личную разрешительную санкцию монархини. Все в тот же день Гавриил отправил в синод „репорт“ (так !) о том, что указ Екатерины II „означенному семинаристу объявлен“. [25] В очередной (не последний раз) решилась судьба Сперанского, началась преподавательская работа. [26]

9 мая 1792 г. двадцатилетний юноша был назначен учителем математики, с 19 августа ему было поручено (помимо математики) вести курсы физики и красноречия. Лекционные успехи Сперанского были столь велики, что 7 апреля 1795 г. он был утвержден дополнительно преподавателем философии и префектом столичной семинарии. [27] Неоднократно упоминавшийся П.А.Словцов вспоминал об этом периоде жизни нашего героя: „Он превосходил всех товарищей своего времени успехами в чистой математике, физике и философии и вместе с тем отличался целомудрием в мыслях, словах и чувствах. /.../ В 1794 году, помнится мне, нашел я его за Невтоном. В 1795 он сделан был преподавателем философии и два года он провел, кроме должностного класса, в критическом рассмотрении философских систем, начиная с Декарта, Локка, Лейбница и пр/очих/ до Кондильяка, тогда славившегося. По временам М.М.С/перанский/ читал мне свои критические рассмотрения“. [28]

Студенты, учившиеся у Сперанского, сохранили благодарную память о его тщательно продуманных, богатых по содержанию лекциях. Преподавая математику, префект использовал новейшие для того времени труды Г.В. Крафта и Л.Эйлера (основателей русской математической школы). Перу молодого профессора принадлежат замечательные учебники красноречия [29] и физики, [30] которые, если бы были вовремя изданы, сыграли выдающуюся роль в истории отечественной науки.

Помимо лекционной работы молодой преподаватель со страстью занялся литературным трудом: писал стихи, составил развернутую „канву романа“, с пером в руках размышлял над сложнейшими философскими проблемами. К 1795 г. относятся его сочинения: „О времени“, „О пространстве“, „О сложности“ и др. 23-летний преподаватель записывает в заветной тетради „Досуги“: „Мне кажется, философы суть люди, брошенные на неизвестный берег и рассыпавшиеся в разные стороны для обозрения страны. Несколько веков протекло, как они снимают чертежи поверхностей; но никто еще не дерзнул из них вскрыть череп и рассмотреть слой сего великого материка. Самые остроумнейшие из них делают только догадки, и самые основательнейшие собирают только опыты и явления“. [31]

Успешная преподавательская карьера Сперанского через определенное время пришла к логическому концу: пришла пора сменить поприще, вступить на гражданскую службу, служить не Богу и студентам, но царям. Удобный случай не заставил себя ждать.

В начале 1795 г. (не позже !) князю Алексею Борисовичу Куракину (1759-1829; екатерининскому вельможе средней руки, начальнику „третьей экспедиции для свидетельствования государственных счетов“, другу задвинутого на обочину наследника престола) понадобился секретарь для ведения русской переписки (два секретаря для иностранной корреспонденции у него уже были). Куракин обратился к митрополиту Гавриилу с просьбой приискать соответствующую кандидатуру; тот назвал Сперанского.

Князь принял кандидата вечером и попросил написать одиннадцать писем (кратко устно изложив их содержание) к разным адресатам. Сперанский проработал всю ночь, в 6 часов утра (время начала работы в учреждениях той эпохи) мастерски составленные и стилистически отделанные письма лежали на столе в кабинете князя. Изумленный Куракин немедленно принял на службу столь одаренного секретаря с жалованием в 400 рублей в год, в тот же день взамен „длинного и простого сюртука“, по словам П.А.Словцова, купил ему модную одежду, предоставил свой кров и стол. Сперанский с разрешения митрополита Гавриила переехал в дом князя, параллельно неукоснительно продолжая преподавательскую работу в Александро-Невской семинарии.[32]

6 ноября 1796 г. внезапно умерла Екатерина II. На трон взошел 42-летний Павел Петрович, рожденный ею от несчастного Петра III (1728-1762; убит приспешниками жены, хотя и без ее ведома). Павел тяжело ненавидел мать, ее стиль правления, бесчисленных фаворитов. Началось как бы контрцарствование, отрицавшее самый дух екатерининского времени.

Прежние вельможи были с позором отправлены в отставку. К власти пришли люди, лично близкие новому императору - помимо прочих: Алексей Андреевич Аракчеев (1769-1834; с 5 апреля 1797 г. - барон, с 5 мая 1799 г. - граф) и Федор Васильевич Ростопчин (иногда пишут: Растопчин; 1765-1826; с 22 февраля 1799 г. - граф). Эти люди сыграют в недалеком будущем важную роль в жизни Сперанского.

На лиц, приближенных к трону нового венценосца, пролился звездный дождь милостей. Патрон нашего героя, входивший

в годы прежнего царствования в „малый двор“ наследника в Гатчине, был сразу же по воцарении Павла „пожалован в сенаторы“, а 4 декабря 1796 г. назначен генерал-прокурором, т.е. фактически стал вторым лицом в империи, в руках которого были сосредоточены важнейшие государственные дела. Сперанский с места в карьер начинает готовить бумаги для ошастливленного назначенца. Работа требует полной отдачи... О параллельном преподавании в семинарии уже не может идти речи: нет сил, нет времени. Новое поприще требует крайнего напряжения..

Две с небольшим недели спустя после назначения Куракина (20 декабря 1796 г.) его секретарь подает митрополиту Гавриилу прошение об увольнении из семинарии и о разрешении поступления в „статскую службу“. Через много лет Сперанский вспоминал: „Жажда учения побудила меня перейти из духовного звания в светское. Я надеялся ехать за границу и усовершенствовать себя в Немецких университетах; но, вместо того, завлекся службою“.[33] Как жаждал Сперанский систематического светского образования..., увы, мечты остались мечтами.

Митрополит, желавший оставить гениального молодого человека в своем ведомстве, скрепя сердце подал разрешительную бумагу на утверждение обер-прокурору синода. Дело могло попасть в долгий ящик, застрять в механизме передаточных инстанций. И опять вмешался счастливый случай. Сын близкого друга нашего героя свидетельствует со слов отца:

„Сочиняемые Сперанским бумаги своею ясностью, необыкновенной силою и чистотою слога обратили на себя внимание Императора Павла, который спросил однажды у князя / Куракина/: „Кто это у тебя так прекрасно сочиняет бумаги?“ Князь назвал Сперанского и доложил притом, что он очень желал бы перевести его из духовного ведомства в свою канцелярию, но что это выходит из обыкновенного порядка, и что митрополит, дорожа Сперанским, не хочет его уступить. „А желает к тебе перейти на службу Сперанский?“ - спросил Император. - „Очень желает!“ - „Так я объяснюсь с митрополитом и все это дело улажу к общему удовольствию и к пользе общей““.[34]

Воля самодержца - закон для подданных. Через четыре дня бывший начальник Сперанского выправляет ему „аттестат“:

„Объявитель сего Магистр Михайло Сперанский в Санкт-Петербургской Александроневской семинарии в продолжение десяти лет обучал разным наукам, как-то: Математике, Красноречию, Физике и Философии, был Семинарии Префектом и исполнял должность свою со всею возможною ревностию и успехом, ведя себя наилучшим образом. Ныне же по желанию и просьбе уволен для вступления в Статскую службу; в засвидетельствование чего и дан ему за подписанием моим и печатью сей аттестат. Декабря в 24 день 1796 года. Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский“.[35]

Не приходится сомневаться в том, что великодушный владыка сознательно в два раза преувеличил, выражаясь современным языком, преподавательский стаж своего „магистра“ и „префекта“ для того, чтобы споспешествовать успешному началу его новой блистательной карьеры.

Первая запись в „послужном списке“ Сперанского, хранящемся в архиве философа и писателя В.Ф.Одоевского, гласит: „2 января 1797 г. /зачислен/ в канцелярию Генерал-Прокурора с чином титулярного советника“.[36] В другом формулярном списке сделано важное уточнение: „С чином по званию магистра“.[37]

Восхождение Сперанского по многотрудной лестнице чинов и званий началось исключительно удачно. С 22 января 1722 г. в Российской империи действовала знаменитая петровская „Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины...“ (табель - здесь женского рода) - жесткая иерархическая система государственных должностей, создававшая возможность постепенному продвижению по службе каждому чиновнику, военному и придворному. „Табель о рангах“ включала в себя четырнадцать классов (рангов): I - высший, XIV - низший.

Основной организационный принцип прохождения службы коренился в том, что государственный служащий должен был поэтапно подниматься по лестнице чинов снизу вверх, начиная, как правило, с выслуги низшего чина (в гражданской службе - коллежский регистратор). Сперанский начал службу титулярным советником, т.е. ему сразу, минуя чины коллежского регистратора и губернского секретаря, был присвоен 9 класс с получением личного дворянства[38] (будущий знакомец нашего героя А.С.Пушкин погиб, имея гражданский чин титулярного советника и придворный - камер-юнкера).

Неслыханное по тем временам начало карьеры, высочайшая награда за беспримерные дарования и труды: „канцелярские служители“ в ту эпоху (с 1790 по 1808 гг.) производились в первый классный чин (снизу), т.е. в коллежские регистраторы, лишь через три года службы (дети дворян) и через четыре года - соответственно - дети священнослужителей.

Лестный аттестат владыки Гавриила и воля императора обусловили столь стремительный старт карьеры молодого чиновника, который не без гордости и своеобразного юмора уведомлял своего бывшего владимирского покровителя архимандрита Евгения в письме от 26 января 1797 г.:

„Вам известно, может быть, по слухам, что я имел удачу быть префектом и, что всего больше, избежать всех козней и искушений, с которыми я, стоя на сем месте, встречался. Как бы то ни было, я ускользнул и в то же самое время имел счастье ознакомиться в доме князя

Алексея Борисовича и был употреблен к его переписке. Живя в его доме, с одной стороны, я нечувствительно привыкал к свету и его необходимой суете; с другой, имея всегда готовое пристанище, я смеялся вздору и лишним забобонам. Таким образом, растворяя уединение рассеянностью и одни мечты меняя на другие, я прожил до самой перемены в правлении. Князь Алексей Борисович, сделавшись генерал-прокурором, милостивейшим образом принял меня в свою канцелярию титулярным советником и на 700 р/ублей/ жалования.[39] Таким образом, весы судьбы моей, столь долго колебавшись, наконец, кажется, приостановились, не знаю, надолго ли; но это и не наше дело, а дело Промысла, в путях коего я доселе еще не терялся“.[40]

Новоиспеченный чиновник с головой ушел в работу, став сначала делопроизводителем, а чуть позже „экспедитором“ (начальником отделения“ канцелярии генерал-губернатора). Куракин не слишком утруждал себя службой, бывший семинарист составлял за него все важные бумаги. Карьера складывалась неправдоподобно стремительно, что поражало всех без исключения биографов нашего героя. 5 апреля 1797 г. Сперанский был произведен в коллежские асессоры (8 класс, дававший потомственное дворянство). 1 января 1798 г. он становится надворным советником (7 класс),[41] 18 сентября того же года - коллежским советником (6 класс),[42] 8 декабря 1799 г. - статским советником (чин 5 класса). Авторитетный исследователь скрупулезно подсчитал: „...срок нормального продвижения по службе от коллежского регистратора до статского советника составлял для дворян с высшим образованием 24 года, со средним - 30 лет и с низшим 37 лет, а для недворян соответственно 26, 36 и 42 года. В случае производства за особые отличия этот срок мог быть сокращен для дворян соответственно до 15, 22 и 26 лет, для недворян - до 17, 25 и 31 года“.[43] Этот путь наш герой прошел за неполных два года.

Нет никаких сомнений в том, что по ступеням государственной лестницы его стремительно передвигала рука самовластного императора, исключительно высоко ценившего ум, дарования, фантастическую работоспособность своего молодого выдвиженца. Не обходилось, разумеется, и без заслуженной протекции влиятельных особ: того же Куракина, который, пробыв чуть более полутора лет всевластным генерал-прокурором, 8 августа 1798 г. был смещен с поста и сослан в свое имение.[44] Взбалмошный император, „русский Гамлет на троне“ затеял кадровую чехарду, в короткое время сменив трех генерал-прокуроров (П.В.Лопухин, А.А.Беклешов, П.Х.Обольянинов). Последний временщик отличался крайней свирепостью по отношению к сотрудникам своей канцелярии, но и он был покорен и очарован чувством собственного достоинства, обходительностью и несравненным умением своего подчиненного составлять государственные бумаги, поступающие на подпись непосредственно императору.[45]

Произошло и личное знакомство нашего героя с венценосцем. Мемуарист Н.Г.Александров, сотрудник Сперанского в николаевские времена, записал слова своего начальника: „Да, это было самое трудное время из всей моей службы, когда я находился в кабинете Его Величества Павла Петровича; известен его характер, скорый, живой и строгий. Бывало, государь приедет, призовет меня и даст на словах повеления написать к назначенному часу девять, пятнадцать и даже более разнородных повелений и указов Сенату. Сочинять и отдавать переписывать эти повеления и указы решительно было некогда, а потому я их всегда сам писал, прямо набело“.[46]

Погруженный в свои занятия, целиком отдавшийся многотрудной службе Сперанский в эти годы был далек от светской жизни. И по происхождению, и по семинарскому образованию он долгие годы не слишком уверенно чувствовал себя в придворно-аристократическом кругу, избегал знакомств с женщинами, светских развлечений. И вдруг наш герой с первого взгляда влюбился в шестнадцатилетнюю англичанку Елизавету (Елизу) Андреевну Стивенс (так ее звали в русском обиходе). Молодой чиновник встретился с ней на исходе лета 1797 г. в Павловске (где он часто бывал по служебным делам) на даче у своего давнего знакомого и покровителя А.А.Самборского.

Священник хорошо знал семью девушки в лондонский период своей жизни. Ее мать, происходившая из высококультурной семьи Плантов, выходцев из Швейцарии, обосновавшихся в Англии, певица, арфистка, вдова англиканского священника, оставшаяся без средств с тремя детьми на руках, была по протекции Самборского принята гувернанткой к дочери просвещенного вельможи, друга Вольтера графа А.П.Шувалова. Поступив на русскую службу, госпожа Стивенс выписала к себе детей, дочери были отданы в пансион.

Увидев девушку ангельской наружности, услышав ее мелодичный голос, Сперанский мгновенно решил на ней жениться. Сразу же возникла взаимная симпатия, быстро переросшая в исключительно сильное чувство. Любопытно: молодые люди долгое время разговаривали на французском языке: Сперанский не знал английского, Елизавета не говорила ни слова по-русски (с помощью невесты жених очень быстро освоил английский). После довольно продолжительного ухаживания мать дала согласие на брак своей дочери с русским женихом.

Елизавета была по рождению и вероисповеданию англичанкой, т.е. „инославной“. Заключение такого (чрезвычайно редкого по тем временам) брака требовало высочайшего разрешения. Сперанский обратился с „прошением“ на имя императора Павла. Венценосец передал „дело“ в Духовную консисторию. Приведем редкий документ, иллюстрирующий свободу совести в павловской России:

„1798 года октября 25 дня в Присутствии Санкт-Петербургской Духовной Консистории сопрящися /так !/ желающие коллежский советник Михайло Сперанский, содержащий веру Грекороссийского исповедания, и посягающая за него англичанка девица Елизавета Стивенс, состоящая в Реформатском законе, спрашиваны и показали.

Коллежский советник Михайло Сперанский.

От роду ему 26 лет, родился Владимирской губернии Покровского уезда в селе Черкутине, отец его Михайло Васильев находится в оном селе священником, а мать Прасковья Васильевна /так !/ в живых и содержит веру Грекороссийского исповедания, в коей и он рожден и воспитан, женат не был; и ежели позволено будет ему совокупиться законным первым браком с показанною девицею Елизою Стивенс, состоящею в Реформатском законе, то он сопрящися желает и притом обязуется по сочетании брака во все Воскресенья, Господские, Богородичные и прочих нарочитых святых праздники и Высокоторжественные дни для моления ходить в Российские Церкви к вечерням и утреням, наипаче же к Святым Литургиям, и в доме своем Святые Образа содержать чисто, честно и всяких Святынь сподобляться от Российских Священников; в преданные посты запрещенных брашен не ясть и благочестия Российского не оставлять, к Лютеранскому закону /так !/ не склоняться, и ежели от них Михайла и Елизы будут рождаться дети, то оных обоего пола крестить в Православную веру и, от младенчества возвращая, обучать всякому Православной Церкви восточному обычаю, а в Реформатский закон оных детей своих не допускать и по семи лет от рождения для Исповеди и Святого Причастия представлять Российской Церкви Священникам, и все сие показал он сущую правду. Михайла Сперанский.

Девица Елиза Стивенс.

От роду ей 17 год, родилась в Англии в Герцогстве Нортумберландском близ города Гексама, отец ее Генрих Стивенс был Англиканской Пастор и помре, а мать Анна Елизавета Стивенс находится в живых и состоит в Реформатском законе, в коем она рождена и воспитана, в замужестве ни за кем не была и, ежели позволено будет ей совокупиться первым законным браком с показанным коллежским советником Михайлою Сперанским, содержащим веру Грекороссийского исповедания, то она в супружестве с ним быть желает и притом обязуется по сочетании брака во всю свою жизнь оного своего мужа ни прельщением, ни ласканием и никакими видами в свой Реформатский закон не склонять и за содержание Православных веры никакого ему поношения и укоризны не чинить, ежели от них Елизы и Михайлы будут рождаться дети, то оных обоего пола крестить в Православную веру и, от младенчества возвращая, обучать всякому Православной Церкви восточному обычаю, а в Реформатский закон детей своих не

превращать, и по семи лет от рождения для Исповеди и Святого Причастия представлять Российской Церкви Священникам, и все сие показала она сущую правду. Елизавета Стивенс“.[47]

Итак, жениха и невесту подробно допросили, взяли „подписку“... Удивляет, что члены консистории путают англиканство с лютеранством (кстати, реформаты - последователи Кальвина). Через четыре дня по высочайшему указу (без вмешательства императора все же не обошлось) консистория вынесла вердикт „в брак вступить позволить“.[48]

Бракосочетание состоялось 3 ноября 1798 г. в „Самсоновской церкви, что на Выборгской стороне. /.../ Поручителями были: по женихе титулярный советник, Государственного вспомогательного банка товарищ-директора Аркадий Алексеев, по невесте: канцелярии генерал-прокурора служащий, губернский секретарь Франц Иванов Грейс“.[49] Венчал молодых священник Василий Чулков, в тот же день отправивший в консисторию специальный „репорт“.[50]

Теща Сперанского уехала в Вену со своей воспитанницей (взяв с собой сестру и брата Елизаветы). Молодые сняли небольшую квартиру на Большой Морской, где зажили тихо и счастливо.[51] Жалование, хотя и достаточно скромное, позволяло нанять кухарку и лакея. Под влиянием жены Сперанский на всю жизнь усвоил английский бытовой обиход, полюбил британскую кухню. 5 сентября 1799 г. у них родилась дочь.

Увы, безоблачному счастью пришел скорый трагический конец. Сперанский в день помолвки подарил невесте массивные золотые часы, которые и послужили причиной ужасного несчастья. Елизавета с матерью поехали в гости на дачу под Петергофом. Внезапно лошади понесли, карета опрокинулась, часы вдавились в грудь девушки, причинив сильнейшую травму, которую невеста скрыла от жениха. Последствия ушиба сказались сразу же после родов: молодая мать заболела скоротечной чахоткой, которая в несколько недель свела ее в могилу (6 ноября 1799 г.). Ни сама Елизавета, ни ее муж не осознавали тяжести ее заболевания (чахотку тогда просто никак не лечили); она умерла в отсутствие горячо любимого супруга (был по службе в Павловске) на руках у подруги.[52]

Горе молодого вдовца было безмерным. Оставив записку, в которой просил назвать дочь Елизаветой, он скрылся из дома. Боялись, что он покончит с собой. Несколько раз он заходил к себе на квартиру, прощался с телом жены. Сперанский не был на похоронах, в течение нескольких недель не появлялся на службе. В конце концов его нашли на одном из островов невской дельты в состоянии полнейшего отчаяния и изнеможения.

И все же мысли о дочери-младенце заставили его вернуться к жизни. Он отдал ребенка в знакомую семью, материально обеспечил ей должный уход. Письма его этого времени проникнуты неподдельным горем, безнадежностью и беспросветностью.[53] Он стал искать утешения на небесах, „встретился с мистицизмом, все более и более увлекшим тогдашнее избранное русское общество“.[54]

Более или менее восстановив душевное равновесие, Сперанский с еще большей активностью погрузился в служебные дела. У него появляются новые обязанности. Еще 5 апреля 1797 г., в день коронации, Павел утвердил „Установление о Российских Императорских Орденах“, которым были учреждены особые должностные лица („официалы“: канцлеры, обер-церемонимейстеры, секретари и герольды - некая администрация в канцеляриях Капитула орденов), ведавшие оформлением наградных бумаг, составлением кавалерских списков и т.д. Еще 28 ноября 1798 г. Сперанский был назначен герольдом ордена св. Апостола Андрея Первозванного, а 14 июля 1800 г. император сделал его секретарем того же ордена с дополнительным жалованием в 1500 рублей.[55]

8 декабря 1799 г. Сперанский одновременно с получением чина статского советника получил важное назначение, став „правителем канцелярии комиссии о снабжении резиденции припасами“.[56]

Комиссия с таким неприятным названием занималась весьма важными делами: не только доставкой продовольствия в масштабе всей столицы, контролем за ценами, но и благоустройством города. Именно этим временем следует уверенно датировать личное знакомство Сперанского с наследником престола, сыгравшее столь значительную роль в их судьбах (исследователи относят их первую встречу к разным годам: в диапазоне от 1797 до 1806 (!!!) гг.).

Мемуаристы приводят историю, записанную со слов нашего персонажа. Павел для составления Коммерческого устава арестовал на бирже несколько десятков купцов и запер их вместе со Сперанским в Гатчинском дворце. Естественно, купцы не сумели написать ни одной строки. Однако Сперанский в назначенный срок представил полностью готовый документ. Император сделал выговор генерал-прокурору П.Х.Обольянинову за то, что в уставе к „титуту Императорского Величества не присоединено местоимение Его“. Вольнодумство было пресечено: документ переписан. Однако и десятилетия спустя Сперанский избегал (даже в Своде законов) в данной конструкции пользоваться местоимением Его, поясняя, что „Величество разумеется здесь отвлеченно, не как человек, а как власть“.[57]

Подобная смелость могла дорого стоить Сперанскому, сумасбродный император ссылал людей за куда меньшие провинности. Однако все обошлось. 31 декабря 1800 г. Сперанский был удостоен своего первого ордена, который, несомненно, получил лично из рук императора на закате царствования. В жалованной грамоте сказано:

„Божиею Милостию Мы, Павел Первый, Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, Великий Магистр Державного Ордена Св/ятого/ Иоанна Иерусалимского и прочая, и прочая, и прочая Нам любезно верному статскому советнику Сперанскому.

Усердная и ревностная служба ваша обратила на вас Императорское Наше внимание, почему во изъявление особенного Нашего к вам благоволения пожаловали Мы вас почетным Кавалером Державного Ордена Св/ятого/ Иоанна Иерусалимского. В великом Приорстве Российском, Божию вас поручая хранению. Дан в С/анкт/-Петербурге декабря 31 дня 1800-го года, Царствования Нашего в пятое, а Великого Магистерства в третье лето. Павел“.[58]

В самом конце 1798 г. император принял на себя сан великого магистра Ордена Иоанна Иерусалимского (Мальтийского - по названию острова базирования до 1798 г.). Члены ордена также называли себя госпитальерами, иоаннитами - в честь иерусалимской больницы для воинов и паломников, основанной в 1070 г. святым Иоанном. Были созданы два приорства российских - православное и католическое. Начались пожалования орденским мальтийским крестом (награждения орденами св. Георгия и св. Владимира в царствование Павла не производились). Такую награду получали лишь люди, которые могли подтвердить свою дворянскую родословную на протяжении не менее 150 лет.[59] Тем более лестно было получить ее неродовитому „поповичу“, гениально владевшему своим золотым пером. Одновременно с орденом Сперанскому было пожаловано 2000 десятин земли в Саратовской губернии.

Закат царствования императора Павла был мрачным. Взбалмошный царь, много сделавший для России (в частности, упорядочивший престолонаследие, отменивший продажу крепостных без земли, сокративший барщину до трех дней в неделю, освободивший Радищева и Новикова и т.д.), до безумия боявшийся французского революционного поветрия, вызвал своими непродуманными нововведениями глубочайшее недовольство правящего (прежде всего - столичного) слоя (пруссские порядки в армии, жесточайшая цензура, закрытие всех частных типографий, запрещение носить круглые шляпы и фраки - разрешались только треуголки и камзолы), бесчисленные увольнения с военной и гражданской службы, позорные наказания, ссылки без суда и следствия). Гвардия и общество замерли, но глухо роптали.

Сложился заговор во главе с приближенными императора - знаменитыми дипломатами - графами Петром Алексеевичем фон дер Паленом (1746-1826) и Никитой Петровичем Паниным (1770-1837).[60] Первоначально заговорщики намеревались объявить Павла душевнобольным

и ввести регентское правление его старшего сына Александра. Наследник, не любивший и боявшийся отца, знал о планах заговорщиков, однако он не мог, видимо, представить себе, что все закончится последним в императорской России дворцовым переворотом-цареубийством. В ночь с 11 на 12 марта Павел был убит группой офицеров, проникших в его личные покои в только что построенном Михайловском замке. Поразительно, но практически все слои общества восприняли это событие как радостный праздник, как начало не просто нового царствования, но новой эры в истории государства. Началась новая эра и в жизни Сперанского, который сразу же понадобился молодому венценосцу... 12 марта он написал манифест о кончине Павла и о восшествии на престол его старшего сына (по другим сведениям автором был П.Д.Трошинский).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Корф М.А., барон. Жизнь графа Сперанского*. Т. 1. СПб., 1861. С. 2.

[2] *Сперанский М.М.* Автобиография. Черновой автограф. 1 мая 1823 г. //РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1. Л. 1; *Его же.* Автобиография на французском языке. 14 мая 1823 г. //РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 49. Л. 1; см. также: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772-1872. СПб., 1872. С. III. Многолетний помощник и сотрудник Сперанского К.Г.Репинский вспоминал (декабрь 1860 г.), что в разговоре с ним (январь 1815 г.) годом своего рождения тот назвал 1773-ий (РНБ. Ф. 637. Архив К.Г. Репинского. Ед. хр. 859. Л. 1).

[3] Мать Сперанского скончалась 24 апреля 1824 г. на 84-м году жизни, отец - 28 мая 1801 г. в возрасте 61 года (редкое долголетие для того времени).

[4] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 505. Л. 1-2. На обложке единицы хранения ошибочно указано “архиепископу Олонецкому” (титулатура уточнена по письму Аркадия, содержащему ценные сведения о семье Сперанского, к М.А.Корфу от 14 декабря 1846 г. // РНБ. Ф. 380. Архив М.А. Корфа. Ед. хр. 505. Л. 1-2.

[5] См. подробнее: *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 691-695.

[6] По распоряжению Владимирского архиерея в Черкутине за будущим графом много лет сохранялось место дьякона (см.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2314. Л. 2 об.).

[7] Сперанский исключительно уважал свою матушку, будучи взрослым, в редкие встречи (в Черкутине и в Петербурге) проявлял поразительную сыновнюю почтительность, посылал подарки, писал нежные письма (см.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1955; В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772-1872. СПб., 1872. С. 435-436). На его столе в “золотой раме” всегда стоял ее портрет (письмо протоиерея М.Ф.Третьякова к архиепископу Аркадию (на обложке ошибочно указано М.Федорову) от 19 марта 1839 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Ед. хр. 117). Ср. суждение биографа, тщательно записывавшего свидетельства современников: “Между прочими свойствами Сперанского - достойна внимания его чрезвычайная скромность и то глубокое уважение, которое он постоянно питал к своей родительнице, простой, почти безграмотной деревенской попадье, которая ни за что не хотела оставить свое родное село и переселиться в столицу к сыну, ее приглашавшему. Но признательный и нежно почтительный и попечительный этот сын, будучи уже на чреде государственных степеней, посещал родительницу свою и к великому удивлению бывших тут значительных губернских чиновников поверг/ал/ся к ногам старушки и целовал ее дряхлые руки, он, тогда уже кавалер Ордена Св. Александра Невского. Он устроил в родном селе жилище для старушки, окружив ее всевозможным деревенским комфортом. В кабинете Сперанского постоянно находился портрет этой почтенной старушки в скромном одеянии деревенской попадьи” (*Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 11; биографический очерк составлен после смерти Николая I). Став виднейшим сановником, Сперанский проявлял заботу о своих родственниках, оказывал существенную материальную помощь (вплоть до выдачи приданого племянницам). Архиепископ Аркадий вспоминал в письме к М.А.Корфу от 14 декабря 1846 г. (почти через 8 лет после смерти графа): “Покойный ни одной своей семейной радости не скрывал от родительницы /.../. Покойный любил родных своих, благодетельствовал им постоянно, много, больше, нежели родной /так!/. /.../Наедине с нами предавался он свободно /нрзб/ излиятиям родного сердца своего; мы видали его плачущим, обнимающим нас: но при посторонних он - высок, безмерно выше окружающих его, как Солнце, с полдневной высоты

светом и теплом обливающее всех. /.../. Родительница рассказывала мне о покойном: “Он, батюшка, не выйдет на улицу, но все на чердаке сидит, занимается”” (РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 505. Л. 1-1 об). Любопытные штрихи личности правоведа...

[8] Архиепископ Аркадий в цитированном письме к М.А.Корфу, подтверждая отсутствие у графа родовой фамилии, полагает, что фамилию Сперанский ему придумал Владимирский архиерей (на наш взгляд, скорее утвердил измышленную Матвеем Боголюбским). Кстати, фамилию Сперанский получили по “наследству” от именитого родственника младший брат правоведа Косьма (Кузьма; старший - Андрей - умер в младенчестве) и племянник Петр (сын сестры Марфы). Оба вышли из духовного сословия, окончили (разумеется, в разные царствования) соответственно Московский и Санкт-Петербургский университеты, получили вначале личное, а потом и потомственное дворянство, служили в тени брата и дяди по юридической части, потомства не оставили (см.: РНБ. Ф 731. Ед. хр. 2210; РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 12).

[9] См., например: *Магницкий М.Л.* Дума на гробе графа Сперанского // Москвитянин. 1843, № 4. С. 480; *Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 3.

[10] См. подробнее в кн.: *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1993. С. 9. Исследователь, видимо, отождествил нашего героя с М.Ф.Третьяковым.

[11] См., например: Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому, писанные с 1798 по 1810 год, с историческими пояснениями, составленными К.Масальским и некоторые сочинения первой молодости графа М.М.Сперанского. СПб., 1862. С. 5; *Мещерский И.И.* Граф М.М.Сперанский: Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1911. С. 6.

[12] *Флоринский Н.И.* Некоторые черты из жизни графа Михаила Михайловича Сперанского // Душеполезное чтение. 1874, № 7. С. 5. Бабушкой Флоринского по матери была Татьяна Матвеевна Смирнова.

[13] И ректора Владимирской семинарии Сперанский помнил всю жизнь, позднее писал почтительные письма из Петербурга, войдя в силу, хлопотал о назначении его епископом Костромским и Галицким.

[14] Цит. по: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871, № 7-8. Стлб. 1110. Тот же мемуарист свидетельствует: “Проезжая из Новгородской губернии /сентябрь 1816 г./ через родной город Владимир, Сперанский посетил тамошнюю Семинарию /была вновь открыта/, где в классе философии встретил его один из старых учителей его, протоиерей Певницкий. Сперанский с чувством искренней признательности подошел под благословение старца и облобызал руку его, склонясь до ног своего наставника. Оба они залились слезами и упали один другому в объятия” (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 892. Л. 8).

[15] См.: Приложение /.../. Отметки семинариста Сперанского в календаре 1786 года. 1787 год // *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 19.

[16] *Сперанский М.М.* Письма (7) протоиерею /.../ А.А.Самборскому. 1788-1806. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1934. Л. 1-2.

[17] Цит. по: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М.Сперанского. М., 1991. С. 30. С ними прибыл еще один суздальский семинарист по фамилии Шиповский.

[18] Многие биографы (“общее место”) пишут о том, что в эти годы Сперанский увлекался, в частности, изучением Канта, что ничем не подтверждается. Сперанский не знал немецкого языка (досконально выучил лишь в 1816 г.), переводы трудов “кенигсбергского мыслителя” на латинский и французский языки появились после 1800-го года.

[19] РНБ. Ф. 777. Ед. хр. 3052. Л. 2.

[20] Напомним, что в мае 1790 г. вышло в свет “Путешествие из Петербурга в Москву” А.Н.Радищева. Расправа над “бунтовщиком хуже Пугачева” еще была остро актуальным событием. Осенью 1791 г. сгущались тучи над масоном-просветителем издателем Н.И.Новиковым.

[21] *Сперанский М.М.* Проповеди (2), произнесенные /.../ в бытность его в Александровской семинарии // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1765. Л. 4 об.-5. Вторая проповедь опубликована: /*Сперанский М.М.*/ Слово от 1790-4 годов /так !/ в день усекновения главы св. Иоанна Предтечи. /Ярославль, 1892/. См. также: Слово от 1791 г. в неделю мясопустную М.М.Сперанского. Ярославль, 1893. Первая публичная речь Сперанского, произнесенная за две недели до Великого поста, посвященная картинам Страшного суда, произвела на слушателей потрясающее впечатление. Публикаторы пишут: “/.../ настоящее слово графа Михаила Михайловича было списано еще в академии некоторыми из его товарищей, ими развезено по разным уголкам России, здесь передано отцам как образцовое, там и здесь было произнесимо ими с кафедр” (*Там же.* С. 2). П.А.Словцов вспоминал об этой проповеди: “Митрополит Гавриил, присутствовавший тогда в церкви, поручил ректору убеждать юного проповедника к вступлению в сан монашеский и в надежде на то по окончании курса поручил ему преподавать красноречие и физику” (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 851. Л. 1 об.). Все сбылось по воле владыки (кроме поступления юного проповедника в монахи). Тот же Словцов записал свой позднейший разговор со Сперанским: “В Иркутске, когда он был генерал-губернатором Сибирским, смеясь, раз сказал мне: “Помнишь, какую проповедь я говорил о Страшном суде? Кто знает, меньше ли добра сделал бы граф /так !/ Сперанский на поприще златоустов, нежели сколько на поприще государственной службы?”” (*Там же.* Л. 2). Отметим, что позднее при дворе и в свете за Сперанским навсегда закрепилось прозвище “златоуст” (*Новаковский В./И./*. Михаил Михайлович Сперанский. 2-е изд. СПб., 1868. С.91).

[22] РГИА. Ф. 796. Оп. 73. Ед. хр. 7. Л. 1.

[23] *Там же.* Л. 2.

[24] *Там же.* Л. 4. В этот же день был подписан отдельный указ императрицы, адресованный Виктору, епископу Суздальскому и Владимирскому.

[25] *Там же.* Л. 6.

[26] Характерный штрих: до начала “учительства” будущий граф позволял себе (редчайший случай в его жизни) простую и понятную человеческую слабость: перекидывался с товарищами в карты, естественно, на “интерес”, денег у семинаристов просто не было (никаких). Через несколько лет он навсегда отказался и от шахмат. Никаких иных “слабостей” у Сперанского мемуаристы не зафиксировали.

[27] См.: *Катетов И./В./* Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель: К пятидесятилетию со дня смерти. Казань, 1889. С. 107. Через много лет Сперанский оставил запись: “Получил в Невской академии кафедру математики и физики /.../” (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1. Л. 1). Молодому преподавателю первоначально было положено жалование в 150 рублей, вскоре оно было увеличено на 50 рублей, став префектом, он получал 275 рублей (в ассигнациях, в год).

[28] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 851. Л. 2. Как видим, от чтения произведений модных философов Сперанский перешел уже к письменному рассмотрению их систем (Ньютона он читал по латыни). Увлеченность философией он пронес через всю жизнь. О влиянии западных философов Нового времени на становление сознания (и правосознания) Сперанского см.: *Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia (1772-1839).* The Hague. 1969. P. 44-53; *Осинов И.Д.* Философия русского либерализма: XIX - начало XX века. СПб., 1996. С. 49-50 (в “Приложении” впервые по рукописям из архива Сперанского в РНБ опубликованы работы мыслителя “Быть и существовать”, “Понятие личности или Я”, “Свет и свобода одно и то же”, “Свободная, произвольная неволя” // *Там же.* С.162-166, 191).

[29] См.: Правила высшего красноречия. Сочинение Михаила Сперанского. СПб., 1844. 230 С. В книге использованы труды Омира (Гомера), Аристотеля, Горация, Квинтилиана, Цицерона, Горация, Вергилия, Лукреция, Терренция, Сенеки, Плиния, Буало, Ариосто, Корнеля, Расина, Лабрюйера, Руссо, Гельвеция, Боссюэ и Сумарокова, дан развернутый (высокопрофессиональный) сопоставительный разбор переводов оды Руссо “Счастье”, выполненных Ломоносовым и Сумароковым (в пользу первого). Основная мысль учебника, представляющего собой добротный курс теории литературы (выражаясь современным языком): “Не слог, не выражение, не слова усиливают мысль: мысли украшаются мыслями” (*Там же*. С.162).

[30] См.: Физика, выбранная из лучших авкторов /так !/, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским, 1797 года /так !/ в Санкт-Петербурге. М., 1872. 248 С. Книга напечатана по рукописи, полученной купцом В.Н.Басиным от учеников Сперанского. Автор предисловия к книге (О. Бодянский) несколько иначе определяет сроки преподавательской работы молодого профессора: математика - с 20 мая 1792 г., физика и красноречие - с 19 августа 1792 г. по 8 апреля 1792 г., философия - с апреля 1795 г. по декабрь 1796 г. (*Там же*. С. I-VII).

[31] /Сперанский М.М./ Досуги. 1795 /г./ // Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К.Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб., 1862. С. 134-135; см. также: С. 126-141 (вышеназванные произведения).

[32] Начало службы у Куракина (погружение в “петербургскую бездну”) зафиксировано в письме Сперанского к архимандриту Евгению от 22 января 1795 г. (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1869. Л. 1). Помимо секретарства Сперанский обучал русскому языку в доме Куракина двух мальчиков (позднее он служил вместе с ними): сына патрона - Бориса Алексеевича Куракина (1783-1850; в будущем - сенатора) и его двоюродного брата Сергея Семеновича Уварова (1788-1855; знаменитого министра народного просвещения в царствование Николая I).

[33] Цит. по: *Корф М.А., барон*. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 45.

[34] Цит. по: Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому... С. 5-6. Речь идет о переводе частного секретаря князя в его официальную генерал-прокурорскую канцелярию.

[35] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 727. Л. 1.

[36] РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 1 об.

[37] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 1 об.

[38] См. подробнее: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 12-26.

[39] А.Ф.Бычков в первой публикации письма допустил неточность: 750 рублей; см.: В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 337.

[40] *Сперанский М.М.* Письма (13) к ректору Ярославской (позднее - Тверской) семинарии, позднее - епископу Костромскому Евгению. 1795-1805. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1869. Л. 4.

[41] Дата установлена по письму Сперанского к архимандриту Евгению от 10 января 1797 г. по поводу отправки тому электрической машины для демонстрации опытов: “Чуть осталось места, чтоб сказать вам, что сегодня присягал я на чин надворного советника, в новый год данный” (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1869. Л. 8 об.). В предыдущем письме от 23 февраля 1797 г., представляющем собой развернутое философское отступление, наш герой сообщает тому же адресату: “Вы, конечно, простите мне, милостивый Государь-батюшка, сии философско-меланхолические бредни, если представите меня обложенного кучами бумаг, в голове моей всякую мысль самородную мою теснящих и подавляющих” (*Там же*. Л. 6 об.).

[42] Сохранился Высочайший указ от 18 сентября 1798 г.: “ Служащих в канцелярии генерал-прокурора надворных советников Сперанского и Сандунова всемилостивейше жалуюем в коллежские советники /.../” (РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Ед. хр. 816. Л. 1.).

[43] *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 756.

[44] Сперанский хотел отправиться в ссылку вслед за своим патроном, но тот воспротивился этому, не желая губить карьеру своего помощника. Долгие годы они время от времени переписывались (до новой совместной службы; Куракин сделал блестящую карьеру в царствование Александра I, стал генерал-губернатором Малороссии, министром внутренних дел, членом Государственного совета). После “падения” Сперанского Куракин из страха сжег его письма. Письма Куракина к своему прежнему сотруднику также утрачены. Сохранилось одно весьма униженное его письмо к Сперанскому от 11 января 1823 г. с просьбой “доложить” рассуждения князя о “праве наследования” Александру I и “представить на рассмотрение” Государственного совета (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2107. Л. 1).

[45] См., например, “грамоту” на орден св. Александра Невского, пожалованного Д.П.Трощинскому, написанную Сперанским и “завизированную” Павлом 8 апреля 1798 г. (РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 17. Л. 1).

[46] Цит. по: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии... С. 81.

[47] Дело о бракосочетании Михаила Михайловича Сперанского // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2. Л. 5-5 об. Бумаги сверены и завизированы 10 августа 1847 г. неким коллежским ассессором Пашковичем. Через восемь лет после кончины нашего героя было проведено расследование - по неизвестной причине - истории его необычного бракосочетания.

[48] *Там же.* Л. 6. См. иное “разрешение”: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 3. Л. 1.

[49] *Там же.* Л. 2. Так записаны в метрический книге ближайшие друзья Сперанского (на всю жизнь) Петр Алексеевич Столыпин и Франц Иванович Цейер.

[50] *Там же.* Л. 6 об.-7.

[51] 23 декабря 1798 г. Сперанский писал архимандриту Евгению: “Я женился на добродушной, простой молоденькой англичанке, дочери пасторской, сироте /.../. После шести недель трудно определить беспристрастно свое положение; я могу вам только сказать, что я теперь считаю себя счастливейшим из людей и имею причины думать, что никогда не раскаюсь. /.../ Гражданское мое существование так же хорошо. Начальники мои меня любят; силы и надежды умножаются, и вообще воспитанник ваш не престаёт каждую минуту иметь новые причины благодарить судьбу и вас” (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1869. Л. 11 об.-12).

[52] Сперанский всю жизнь был верен памяти безвременно умершей жены. Никаких других женщин в его жизни не было. Сохранились ее письма к мужу (21, на французском языке) // РНБ. Ф. 1731. Ед. хр. 2171.

[53] См.: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 76-77.

[54] *Катетов В./И./* Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889. С. 7.

[55] См.: РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 2.

[56] В примечании к “послужному списку” Сперанского специально оговорено: “Сия Комиссия состояла под председательством Его Императорского Высочества Наследника Престола (впоследствии Государя Императора Александра Благословенного), из генерал-прокурора А./А./Куракина (ошибка: правильно - А.А.Беклешова) и генерал-лейтенанта /графа, петербургского военного губернатора Ф.Ф./ Буксгевдена” (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 1-1 об.).

[57] *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 64-65. Враги Сперанского усматривали в этом его тайную злонамеренную попытку ограничить самодержавие.

[58] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 4. Л. 1-1 об.

[59] См. подробнее: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 197-199. В 1803 г. император Александр сложил с себя звание великого магистра Мальтийского ордена. Однако кавалеры ордена продолжали носить орденские знаки.

[60] Сперанский неоднократно встречался с руководителями заговора в доме Ивана Лазаревича Лазарева (Ованес Лазарян; тайный советник, лидер армянской общины в России; 1735-1801), племянник которого (Христофор Иоакимович Лазарев; 1789-1871) стал близким другом нашего героя. По просьбе Лазаревых Сперанский отредактировал текст книги: *Исповедание Христианской веры Армянской церкви.* СПб., 1799. См.: *Письма графа М.М.Сперанского к Х.И.Лазареву.* СПб., 1864. С. 1-2.

ГЛАВА II

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА I

Александр I, вступивший на трон в возрасте 24 лет, принял от отца обширнейшее наследство: империя простиралась на многие тысячи верст от Балтийского моря до Тихого океана. Численность народонаселения составляла почти 45 миллионов человек (свыше 20 миллионов насчитывало крестьянство, половина - государственные крестьяне, половина - крепостные).

Гибель отца страшно тяготила душу молодого императора; организаторы заговора были удалены с вечным запрещением появляться в столицах. Он думал о судьбе бабки, пережившей насильственную смерть мужа (его деда) и достойно возглавившей великую империю, преумножившей ее территорию, славу и мировое значение. Кстати, Екатерина II осознанно выбрала в наставники к любимому внуку (1784-1795 гг.) знаменитого Фредерика Сезара (Фридриха-Цезаря) де Лагарпа (La Harpe; 1754-1838; в русском обиходе Петр Иванович), выдающегося деятеля позднего Просвещения, пламенного республиканца, швейцарского государственного деятеля, отъявленного либерала (выражаясь современным языком).

У юного абсолютного государя, редкостного красавца, шармера, умнейшего и образованнейшего человека своей эпохи, на всю жизнь сохранился (позже тщательно таимый) парадоксальный душевный республиканизм, усвоенный от швейцарского учителя, который остался его советчиком (по переписке) и другом.

У царя был сложный, открытый и скрытный, взвешенный и импульсивный - одновременно - характер, к которому в скором времени пришлось принаравливаться нашему герою. Этот таинственный характер сформировался в мучительном детстве, когда ребенку приходилось дипломатично лавировать между открыто враждовавшими отцом (бесправным наследником) и бабушкой (самодержавной монархиней). Это наложило неизгладимый отпечаток на его личность, вызывавшую (как и в случае со Сперанским) благоговение - у одних, ненависть - у других.

Страна, примороженная недолгим павловским царствованием, нуждалась в реформах и реформаторах. Вокруг царя сплотился кружок его единомышленников (получивший название „Негласный комитет“): Виктор Павлович Кочубей (1768-1834; граф - с 4 апреля 1799 г., князь - с 6 декабря 1831 г.), Николай Николаевич Новосильцов (1762-1838; граф - с 1 июля 1835 г.), граф Павел Александрович Строганов (1774-1817), князь Адам-Ежи (Адам-Юрий Адамович) Чарторыйский (Czartoryscy, часто пишут: Чарторижский, Чарторыйский, Чарторысский и иначе;

1770-1861). Это были в полном смысле блестящие молодые аристократы, поклонники и пропагандисты передовых европейских политических идей (Строганов, к примеру, был участником первого этапа Французской революции, членом Якобинского клуба; Новосильцов - англоманом, сторонником британской политической системы; Чарторыский был приверженцем идеи независимости Польши; сотрудничество трех названных лиц мемуаристы и историки часто именуют „триумвиратом“). Участникам „Негласного комитета“ государь и поручил разработать и осуществить реформы, в частности, „обуздать деспотизм нашего правительства“ (подлинные слова самодержца).[1] В устах императора и его друзей зазвучало абсолютно запретное до этого времени (магическое для русского уха) слово „Конституция“.

Разумеется, Сперанский сразу же оказался в гуще событий и перемен. Уже 19 марта (через неделю после воцарения нового монарха; именно эта дата приводится во всех формулярных списках) он становится „статс-секретарем“.[2] Расшифруем новое назначение. Оно было связано с тем, что Сперанский стал правой рукой Дмитрия Прокофьевича Трощинского (1754-1829), доверенного „докладчика“ Екатерины II, унаследовавшего эту важнейшую функцию („докладчик и главный редактор“) и при новом императоре.

Трощинский, свидетель и участник славных дел екатерининского времени, был обласкан внуком великой государыни (дополнительно был сделан начальником уделов, главным директором почт). Многоаспектная работа „осколка прежнего царствования“ заключалась в подготовке и редактировании важнейших государственных документов. Естественно, ему нужен был надежный и одаренный помощник. Выбор опытного бюрократа пал на Сперанского. Трощинский, украинец, сын простого писаря, сделавший за долгие годы большую карьеру, возможно, при выборе кандидатуры своего главного помощника учел его „простое“ происхождение. Так или иначе на свет появляется „Указ Нашему Сенату“:

„Всемиловитейше повелеваем быть при Нашем тайном советнике Трощинском у исправления дел на него по доверенности Нашей возложенных статскому советнику Сперанскому со званием Нашего статс-секретаря и с жалованием по две тысячи рублей на год из Нашего Кабинета; получаемое им до сего по должности Правителя канцелярии Комиссии о снабжении резиденции припасами жалованье по две тысячи рублей на год обратить ему в пенсион по смерти его. Александр. Марта 29-го дня 1801 года“.[3]

В жизни преуспевающего чиновника произошло еще одно важное изменение: он выписал тещу из Вены и поселился с ней, ее младшей дочерью Марианной, „расслабленным“ сыном Франсисом (Френсисом) и маленькой Лизонькой в квартире на Английской набережной. Теперь он (вопреки сложностям проживания с новой семьей) смог уделять куда больше любви, заботы, внимания обожаемой дочери.

Слава золотого пера Сперанского очень скоро возросла настолько, что уже 23 апреля все того же 1801 г. он назначается „экспедитором канцелярии Государственного совета по части гражданских и духовных дел“,[4] а 9 июля становится действительным статским советником (чин IV класса, в армии - соответственно - генерал-майор, с обращением „ваше (его) превосходительство“). И все это достигнуто в неполные тридцать лет...

Сперанский сразу привлек к себе пристальное внимание членов „Негласного комитета“ (кстати, царь с непередаваемым юмором называл его „comite du salut public“, намекая на робеспьеровский „Комитет общественного спасения“), в недрах которого зрел (предвосхищенный еще Павлом) замысел преобразования в министерства (на европейский лад) учрежденных еще Петром Великим косных, погрязших во взяточничестве, медлительных, неповоротливых, плохо управляемых коллегий. Не будет преувеличением сказать, что в скором времени Сперанский делается пусть непоименованным, но деятельнейшим участником (мозговым центром) Негласного комитета. Он становится главным помощником Кочубея,

принимает (притворно заболев, перестав являться на службу к Трощинскому, карьера которого - на годы - устремляется к закату)[5] громадное участие в выработке концептуальных основ будущего министерства внутренних дел.

Между Трощинским и Кочубеем возникла нешуточная борьба за Сперанского: каждый из сановников стремился оставить его в своем распоряжении. Граф пишет Александру I (не без оттенка доношительства): „Сперанский должен необходимо состоять исключительно при министерстве внутренних дел и быть поставлен вне всякого прикосновения к прежнему месту своего служения. Зависимость от двух начальников была бы неуместна даже и при действии обоих по одинаковым началам, а о г. Трощинском известно, напротив, что он есть один из самых упорных порицателей и врагов нововводимой системы“.[6] Все решил император...

8 сентября 1802 г. Высочайшим манифестом было объявлено (текст, конечно, был подготовлен Сперанским) об учреждении - вместо 20 коллегий - 8 министерств: военного (до 1808 г. - министерство военно-сухопутных сил), морского (до 1815 г. - министерство военно-морских сил), иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения.

В тот же день последовало Высочайшее повеление: „Статс-секретарю Сперанскому быть при министерстве внутренних дел“.[7] Кочубей был назначен министром внутренних дел. У Сперанского появился новый блестящий начальник. Пройдут годы, оба они изведуют опалу и высокий взлет, отношения их надолго прервутся, но в конце концов дочь Сперанского выйдет замуж за сына сестры Кочубея, праправнука генерального писаря, украинского аристократа, казненного изменником гетманом Мазепой; „попович“ породнится с одной из самых богатых и знатных семей России.

Первоначально министерство внутренних дел состояло из одного департамента, который и возглавлял Сперанский с 23 января 1803 г. (фактически в ранге заместителя (товарища) министра). Такое положение сохранялось до 18 января 1804 г., когда министерство было разделено на три экспедиции, причем Сперанский стал начальником второй экспедиции, ведавшей проблемами „государственного благоустройства“.[8]

Однако подлинное предназначение Сперанского коренилось в его изумительном теоретическом даре, в несравненном умении готовить государственные проекты (осуществленные и неосуществленные), излагая их ясным, четким, и недвусмысленным языком. Помимо прочего, Сперанский был и несравненным стилистом, что отмечали, сравнивая его с Ломоносовым и Карамзиным, современники и биографы.

Начало царствования Александра I - зенит русского просвещенного абсолютизма - было ознаменовано опубликованием в 1801 г. ряда важнейших указов: об амнистии политическим заключенным, ссыльным и эмигрантам (15 марта), об уничтожении кровавой Тайной экспедиции (канцелярии; 15 апреля), о дозволении „лицам свободных состояний“ приобретать земли без крестьян (12 декабря). Общество вздохнуло свободно. В подготовке всех этих документов (в разной степени) принимал участие Сперанский. Однако эта была заказная работа, настала пора, когда наш персонаж свободно отдался влечениям ума и сердца.

В 1802 г. тридцатилетний реформатор начинает самостоятельную теоретико-государствоведческую деятельность,[9] которая была связана с началом его многолетнего сотрудничества в Комиссии составления законов (существовала в 1796-1804; 1804-1826 гг.). Именно к этому году относятся работы Сперанского: „Отрывок о комиссии уложения“, „Размышление о государственном устройстве империи“, „О постепенности усовершенствования общественного“, „О силе общего мнения“ и др.[10]

Опираясь на труды Аристотеля, Гроция, Пуфендорфа, Монтескье, Беккариа (их называет сам автор), Сперанский проповедует в своих записках новаторские, глубоко передовые для своей эпохи идеи: разделение властей, торжество закона, подчинение ему всех государственных

структур (включая императорскую особу), установление „правильной монархической системы“, участие в законотворческой деятельности „избранных из всех состояний людей“ (элементы народного представительства).

Все эти документы предназначались для чтения императором, членами Негласного комитета, Непременного совета, высшими должностными лицами государства. Многие мысли Сперанского воспринимались совершенно революционно. В работе „О коренных законах государства“ он писал: „/.../вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов“.[11] Фраза на долгие десятилетия стала крылатой.

Вслед за Радищевым (с 6 августа 1801 г. - членом Комиссии составления законов) Сперанский в записке „Еще нечто о свободе и рабстве“, проводя различие между свободой политической и свободой гражданской, прямо цитируя „О Духе законов“ Монтескье, бесстрашно обращается лично к императору „Хотите ли уменьшить в государстве число рабов и деспотов; начните с себя - введите закон на место произвола. Утвердите политическую свободу. Желать, чтоб государство было составлено из рабов, друг от друга не зависимых и покоренных воле одного под именем деспота, - есть желать невозможного“.[12] Государь за ум и смелость наградил Сперанского (1 января 1803 г.) золотой табакеркой.[13] Успехи Сперанского были омрачены враждебным отношением к нему великого поэта, первого (1802-1803 гг.) министра юстиции, члена Еврейского комитета Г.Р.Державина, необоснованно упрекавшего его в потворстве по службе „семинаристам“ и „жидам“.[14]

20 февраля 1803 г. при непосредственном участии Сперанского (концепция, текст) был опубликован знаменитый указ „о свободных (вольных) хлебопашцах“, воспринятый косным душевладельческим дворянством чуть ли не как начало революции. Согласно этому указу помещики получили право отпускать крепостных на „волю“, наделяя их землей. За землю надо было платить долгие годы, в случае просрочки платежей крестьянин с семьей возвращался в крепостное состояние. За годы царствования Александра I было освобождено всего 47 тысяч человек.

Вдохновленный „записками“ Сперанского царь через В.П.Кочубея поручает Сперанскому написать капитальный трактат-план преобразования государственной машины империи. Наш герой с жаром отдается новой работе. Через несколько месяцев напряженной и кропотливой работы на свет появляется „Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России“. Свою задачу правовед видел в том, чтобы исследовать „настоящий образ правления в России и ее конституцию“ (за употребление этого слова и при Екатерине II, и при Павле можно было отправиться в глухую ссылку).[15] Достаточно пространный труд включает в себя теоретико-практические разделы о полиции, о суде (судьи должны избираться, а не назначаться, иметь соответствующую профессиональную подготовку), „о теории гражданского и уголовного закона“, о необходимости создания двух Сенатов - законодательного и исполнительного, о

реформировании системы государственного управления, о свободе книгопечатания, о назревшей необходимости кодификации российского законодательства (через 23 года „русский Трибониан“ возглавит эту многосложную работу) и т.д.[16]

В знаменитом пермском (из ссылки) письме к царю (январь 1813 г.) Сперанский вспоминал: „Когда в 1803-м году[17] Вашему Величеству угодно было поручить мне чрез графа Кочубея, в начальстве коего я тогда служил, составить план образования судебных и правительственных мест в Империи, я принял сие поручение с радостию и исполнил его с усердием“.[18] Этот трактат был настолько смелым и новаторским по духу и содержанию, что в условиях всегда несвободной России был опубликован впервые лишь через сто лет после создания.[19]

Разумеется, прогрессивные идеи Сперанского оказались невостребованными временем, хотя труды его были щедро вознаграждены. В начале 1804 г. он получает вторую золотую табакерку. Начальник пишет Сперанскому 6 января 1804 г.: „Государь Император, желая изъявить особое благоволение Свое за отличное и ревностное исправление вашим превосходительством дел, на вас возлагаемых, Высочайше указать мне изволил доставить вам прилагаемую при сем табакерку с вензелом /так !/ Его Величества и купно уверить вас от Высочайшего Его Имени, что Он всю справедливость отдает усердному вашему служению“.[20]

Через одиннадцать месяцев последовал Высочайший „Указ Правительствующему Сенату“: „Статс-секретарю Сперанскому всемилостивейше пожаловали Мы в двенадцатилетнее содержание без платежа аренды Лифляндской губернии Венденского уезда /.../ мызу Агоф, заключающую в себе десять с долями гаков, которую повелеваем отдать ему Сперанскому надлежащим образом в С/анкт/-Петербурге ноября 23-го дня 1804 года. На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако: Александр“. Далее следует описание подаренной государем собственности: „По ведомостям Лифляндской Казенной палаты: Венденского уезда мыза Агоф заключает в себе 10 3/4 гаков, крестьян мужеска пола по 6-ой ревизии 785 душ, доходов с оной по арендному исчислению определено деньгами 530 р/ублей/ 88 к/опеек/ серебром /.../. Высочайшим указом 23-го ноября 1804 года пожалована сия мыза статс-секретарю Сперанскому на 12 лет без платежа и отдана ему во владение с последнего числа марта 1805-го года по то же число 1817/-го/ года. Прежде оная мыза находилась у вдовы генерал-майора графа Сиверса /.../“.[21] Через тринадцать / так !/ лет, после окончания ссылки Сперанского, царь продлил его владение мызой Агоф (правильнее: Аагоф) еще на тот же срок.[22] Сперанский владел мызой до 31 марта 1829 г., когда она перешла в собственность Лифляндского Дворянского общества и стала использоваться для разведения тонкошерстных овец. Получив второе имение, Сперанский наконец-то стал состоятельным человеком.

13 сентября 1804 г. Сперанский подготовил две короткие записки „О образе правления“ (критика крайнего республиканизма) и „О духе правительства“ (аналитический сопоставительный анализ царствований Екатерины II, Павла, начала правления Александра I). Во второй заметке Сперанский писал: „Дух правительства в царство Александра I-го ищет вместить в себя то, что в обоих предыдущих царствах было лучшего /.../“.[23]

Помимо теоретической работы, Сперанский усиленно и весьма успешно занимался практическими делами. Так, он готовил ежегодные отчеты министерства внутренних дел, которые публиковались (это было в диковинку) в министерском периодическом издании „Санкт-Петербургский журнал“. Знаменитый поэт И.И.Дмитриев (1760-1837; с января 1810 г. по 29 августа 1814 г. - министр юстиции) вспоминал об этом периоде жизни Сперанского: „Все проекты новых постановлений и ежегодные отчеты по министерству были им писаны. Последние имели не только достоинства новизны, но и, со стороны методического расположения, весьма редкого и поныне в наших приказных бумагах, исторического изложения по каждой части управления, по искусству в слоге могут послужить руководством и образцами“.[24]

Подрастала дочь. Сперанский, утаивая время от служебных занятий, уделял ребенку много внимания и ласки. Девочка росла слабенькой, врачи по состоянию здоровья рекомендовали ей сменить климат. Крепя сердце, Сперанский отправил Елизавету в Киев, куда она уехала на несколько лет с бабушкой, теткой и дядей. Сестра покойной жены Сперанского - Марианна - мечтала выйти замуж за нашего героя, что весьма осложняло его жизнь с семьей умершей жены. В Киеве она вышла замуж, довольно быстро овдовев, стала владелицей имения Великополье (в 9 верстах от Новгорода, на реке Вишера), которое сыграет свою роль в жизни Сперанского (после смерти тетки оно достанется в наследство Елизавете). Летом 1806 г. Сперанский первый раз в жизни взял отпуск и навестил дочь в Киеве.

Шло время... Государь постепенно стал все больше и больше ценить Сперанского. С 1806 г. вследствие частых отлучек Кочубея по болезни Сперанский становится основным докладчиком царя. Кабинетные доклады перерастали в длительные беседы, в которых монарх и реформатор обсуждали насущные государственные проблемы, вместе читали западную политическую и юридическую литературу (да!).

Александр продолжает осыпать Сперанского милостями. 18 ноября 1806 г. Сперанский получает орден Св. Владимира 3-й степени (девиз ордена: Польза, честь и слава). В сопроводительном рескрипте император пишет: „Желая изъявить особенное Наше внимание к усердию и трудам вашим, пожаловали Мы вас Кавалером Ордена Святого равноапостольного Князя Владимира третьей степени, коего знаки для возложения на вас при сем препровождаем, пребывая вам /так!/ благосклонны. Александр. /.../“. [25]

Через неполных пять месяцев Сперанский удостоивается новой высокой награды. Монарх жалует его орденом Св. Анны сразу 1-ой степени, минуя три низших (девиз ордена: Любящим правду, благочестие и верность): „Желая наградить ваше усердие и ревность к службе, пожаловал я вас Кавалером Ордена Святыя Анны первого класса, коего знаки для возложения на себя у сего /так!/ препровождая, не сомневаюсь Я, чтоб вы, получа таковое ободрение, не потщились вяще заслужить Мое благоволение. Александр. В С/анкт/-Петер/бурге/ марта 15 1807 г/ода/“. [26]

Возросшее внимание императора выразилось, в частности, в том, что он взял своего докладчика на войсковой смотр в Витебск (осень 1807 г.; первая совместная поездка). После возвращения царь, желая приблизить к себе Сперанского, 19 октября 1807 г. увольняет его от должности „управляющего 2-ой экспедицией министерства внутренних дел с оставлением звания статс-секретаря“ [27] (фактически своего личного). Начинаются звездные годы Сперанского, эпоха славы и могущества, когда он был вторым лицом в могущественнейшей империи.

Монарх давно охладел к членам Негласного комитета, прекратившего деятельность еще в конце 1804 г. На политическом небосклоне всходили новые звезды: Сперанский (гражданские реформы) и Аракчеев (военные реформы). [28]

Начиная с 1807 г. (записи в камер-фурьерских журналах), Сперанский получает регулярные приглашения к обедам с императорской четой (речь идет именно об интимных трапезах, а не о парадных „кувертах“ на сотни персон). [29]

На исходе того же года Сперанский был введен в „Комитет для изыскания способов усовершенствования духовных училищ и к улучшению содержания духовенства“. Его перу принадлежит знаменитый „Устав духовных училищ“ и особое положение о продаже церковных свечей. Еще при Петре Великом церкви было даровано исключительное право торговать свечами, отмененное Таможенным уставом 1755 г. Сперанский восстановил „свечную“ монополию церкви, что в скором времени привело к накоплению громадных сумм, которые шли на жалование священникам, в пользу „сирот духовных лиц“ и на финансирование духовных училищ. До 1917 г. русское духовенство благодарно помнило Сперанского.

Труд этот был увенчан новой императорской наградой: „Божиею милостию Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая статс-секретарю Нашему Сперанскому. Отличные труды ваши о усовершенствовании духовных училищ, в коем вы столь много содействовали к окончанию дела полезного для духовенства, Нас удостоверяют еще более, что всякого рода поручения вы исполняете к удовольствию Нашему. Изъявляя за оное особенное Монаршее благоволение, всемилостивейше пожаловали Мы вас Кавалером ордена нашего Святого Равноапостольного Князя Владимира второй степени большого Креста, коего знаки при сем для возложения на вас препровождаем, пребывая всегда Императорскою Нашею милостию к вам благосклонный Александр. С/анкт/-Петербург. 26 июня 1808 года“.[30]

В те годы Европа находилась под тяжким бременем гения Наполеона. Проиграв его войскам Аустерлицкое сражение, русский царь вынужден был стремиться к миру с французским императором. 13-14 июня происходит его встреча с „императором французов“ в Тильзите (на Немане), где был заключен мирный договор, принципиально унижительный для России (империя присоединялась к блокаде Англии, что причиняло ей громадные убытки от прекращения торговли с богатым островным королевством).

Тильзитский мир вызвал яростное негодование русских патриотов. Сперанский, высоко ценивший французского императора (в особенности его правовые реформы и кодексы), оказал царю духовную поддержку, в которой тот нуждался.

Неудивительно, что, отправляясь на новую встречу с повелителем Франции в Эрфурт (2 сентября - 16 октября 1808 г.), Александр взял с собой Сперанского. 30 сентября императоры скрепили подписями „Эрфуртскую союзную конвенцию“, подтвердившую тильзитские соглашения, наполеоновский передел континента и, главное, права России на Финляндию (войска Александра вели бои со шведами), Валахию и Молдавию.

Сперанский увидел Европу, и Европа увидела Сперанского. В свите Наполеона, включавшей разбитых в сражениях многочисленных германских королей, принцев и владетельных герцогов, безраздельно царил великий дипломат Шарль Морис Талейран-Перигор (1754-1838). Бриллиантом в свите русского императора был, безусловно, Сперанский. Французский министр иностранных дел и русский статс-секретарь[31] многократно встречались, вели долгие беседы по политическим и правовым вопросам, в частности, по проблемам кодификации французского и русского законодательства.[32] В присутствии Сперанского Талейран произнес слова, обращенные к русскому императору, но произведшие огромное впечатление на его статс-секретаря: „Правовое монархическое государство - вот что нужно сейчас Европе, измученной деспотизмом“.[33]

Разумеется, Сперанский встречался и с Наполеоном. Дочь реформатора решительно опровергает чрезвычайно устойчивую, кочующую из книги в книгу легенду (сочиненную большим мистификатором Ф.В.Булгариным) о том, что французский император (очарованный и восхищенный Сперанским) предложил русскому царю обменять статс-секретаря на любое завоеванное королевство.[34] Достоверно известно, что Сперанский получил в награду от Наполеона за участие в сложных переговорах золотую табакерку (со своим портретом), усыпанную бриллиантами.[35]

Один из первых биографов Сперанского, лично его знавший, записывавший рассказы современников о нем, приводит колоритный эпизод: „В Эрфурте, подойдя к Сперанскому на одном бале, Александр Павлович спросил его: Как находит он чужие края в сравнении с Россией? - „С первого взгляда, - отвечал Сперанский, - мне кажется, Государь, что здесь *установления*, а у нас *люди* лучше“. Этим ответом, заключавшим в себе так много, Государь был так доволен, что тут же сказал ему: „Возвратясь домой, мы с тобою много об этом говорить будем““.[36]

Сперанский возвращается в столицу в новом статусе: друг (как тогда говорили, наперсник), ближайший сподвижник монарха, абсолютный фаворит, не побоимся сказать, в ранге вице-императора (Аракчеев займет это место лишь после „падения“ нашего героя). Сперанский стал определять внутреннюю и внешнюю политику государства (секретная дипломатическая

переписка, минуя царя, попадает к нему на стол), осуществлять надзор за административными, судебными и финансовыми органами, безоговорочно влиять на важнейшие назначения, споспешествовать культурному и образовательному[37] прогрессу державы.

Сперанский, засучив рукава, принимается за новые свершения. Трудился он фанатично, не жалея ни сил, ни здоровья. Информированный современник свидетельствует: „Сперанский работал с неистовством. По осьмнадцать часов в день сидел он за своим письменным столом и неестественным образом жизни расстроил свой организм до такой степени, что желудок не мог у него варить без возбуждательных средств, спина не могла разгибаться“.[38]

11 декабря 1808 г. Сперанский представил императору (вслух прочитал) чрезвычайно важный документ „Об усовершенствовании народного воспитания“. В записке под весьма неприятным названием коренился революционный план коренного изменения порядка производства в чины, установления прямой связи получения чина с образовательным цензом. Это было смелым покушением на систему чиновничества, действующую с эпохи Петра I. Сперанский прямо обращается к царю, опираясь на опыт профессиональной юридической подготовки кадров в западных странах: „/.../Учение никогда еще не было у нас поставлено условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест. Между тем известно, что условие сие в других государствах существует. Не говоря уже о Франции, ни в Австрии, ни в Англии, ни в немецких землях никто не может быть ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест“.[39]

Сперанский протестует против чудовищной несправедливости, когда выпускник юридического факультета получает чины позже коллеги, нигде и никогда толком не учившегося. Ополчается Сперанский и на „дворян по выслуге“ (казалось бы ему в силу биографических причин следовало их защищать): „Посредством чинов отворяется всем свободным состояниям переход в дворянство: отсюда соревнование, поощрение дарованиям и проч. Но все сии выгоды были бы тогда только уважительны, когда бы дворянство наше не было бы основано на крепостном владении людей /так !/; в настоящем же положении, приобщая новых чиновников к сему сословию, правительство не умножает ли массу, народ тяготящую/.../. Новые дворяне, чинами происшедшие, бывают горше и алчнее старых“.[40]

В конце записки Сперанский прямо говорит о вредности существующей системы чинов по петровской „Табели о рангах“, предлагая либо отменить их, либо регламентировать получение чинов, начиная с 6 класса, наличием университетского диплома (предполагалась сдача соответствующих экзаменов экстерном): „/.../Чины не могут быть признаны установлением для государства ни нужным, ни полезным. /.../ Они делят народ на два несоразмерные класса, на дворянство и чернь; не оставляют почти места среднему столь полезному состоянию; ввергают в презрение все, что ими не украшено, дают ложную цену местам и достоинствам, смешивают и ставят наравне людей просвещенных с невеждами, наполняют должности чиновниками неспособными и даже из писцов науками не приуготовленных; одним порядком службы приводят людей к высшим званиям государственным; искательствами и множеством мелких злоупотреблений они развращают дух народный и что всего горше заражают самые источники народного воспитания. /.../ Чин коллежского асессора, яко первый чин, дающий право на потомственное дворянство, открыт для тех только, кои будут обучаться или будут испытаны в университетах“.[41]

Бюрократическая (по духу антибюрократическая) реформа Сперанского была осуществлена в реальности. Царь долго размышлял, колебался, но 6 августа следующего года подписал соответствующий указ.

Седоусые зубры, стратеги бумажных битв, столпы режима были вынуждены, как мальчишки, садиться за книги, сдавать экзамены на знание правовых дисциплин („права естественного, права Российского и права гражданского, экономии государственной и законов уголовных“), русского и хотя бы одного иностранного языков, „наук исторических“, математики,

физики и т.д. Ярость чиновничества была неопишуемой: „Ропот был такой, особенно между необразованными подьячими, родственниками и приятелями их, как будто бы грозила гибель отечеству вроде нового нашествия Батыя. Сатиры, карикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанского, как из мешка или мифологического рога изобилия“.[42] Против этого нововведения выступил прославленный писатель, историк Николай Михайлович Карамзин (1766-1826), которому в скором времени предстоит сыграть свою роль в многоходовой интриге, направленной против нашего героя.

За четыре месяца до „указа о чинах“ Сперанский сумел обратить на себя гнев уже высших слоев империи. 3 апреля 1809 г. царь подписал подготовленный статс-секретарем указ, реформировавший порядок получения придворных чинов, который, в свою очередь, был подобен удару молнии. В течение долгих десятилетий отпрыски знатнейших фамилий (буквально с колыбели) получали придворные чины камер-юнкера (соответственно - 5 класса), через некоторое время - камергера (4 класса). При вступлении по достижении определенного возраста в гражданскую или военную службу они, никогда и нигде не служившие, автоматически занимали „высшие места“. Указом Сперанского камер-юнкерам и камергерам, не состоящим на действительной службе, предписывалось в течение двух месяцев приискать себе род деятельности (иначе - отставка). С этого времени придворные чины рассматривались просто как отличия, не приносящие никакого чина. Естественно, аристократия была возмущена и затаила злобу против выскочки-поповича, посягнувшего на вековые родовые привилегии (например, Пушкин до указа, став камер-юнкером, получил бы сразу чин статского советника). Ненависть, на которую Сперанский, не обращал никакого внимания, „возгревалась“ и концентрировалась.

Император, защитив верного товарища своей эгидой, поднимал его по служебной лестнице. 8 августа 1808 г. Сперанский был назначен „присутствующим /так !/ в Комиссии составления законов“, 18 августа - „членом Комиссии для рассмотрения Лифляндских дел“, 16 декабря - „товарищем /заместителем/ министра юстиции“ /вместо Новосильцова/, 17 апреля нового 1809 г. - „членом Главного правления училищ“, „канцлером Абовского университета“.[43]

Расшифруем последнее назначение. Заканчивалась последняя русско-шведская война за обладание Финляндией (официальный „Фридрихсгамский мир“ был заключен 5 сентября 1809 г.), русские войска с боями заняли почти всю территорию будущего Великого княжества в составе империи. Царь со Сперанским выехали в новую провинцию. В Гельсингфорсе, в кабинете, примыкающем к покоям Александра, Сперанский работает день и ночь. У нас нет оснований не верить информированному современнику: „При назначении его товарищем министра юстиции поручено ему /было/ все правление новоприобретенною Финляндиею и главное начальство над Абовским университетом. Он содействовал к /так !/ сохранению туземных учреждений и преимуществ Великого княжества, но отказался от диплома на Финляндское Дворянство, который был ему предложен“.[44] В Финляндии у Сперанского появился коварный и мстительный враг - шведский дворянин, перешедший на русскую службу, Густав Маврикий (Маврикиевич) Армфельд (Армфельт; 1757-1814), который в скором времени сыграет зловещую роль в „падении“ Сперанского.

30 августа 1809 г. Сперанский становится тайным советником (чин 3 класса), но ему некогда торжествовать, ибо он занят небывалым делом: „подготавливает грандиозный план реформы русского государственного строя, обнимавшей собою все части управления сверху донизу. /.../ Он должен заключаться не в частичных исправлениях, а в коренном преобразовании, в выработке общего плана, охватывающего все части управления, законодательства, суда. /.../ План по стройности, постепенности, по широте замысла ставит Сперанского на высоту великого государственного человека“.[45]

Еще в самом конце 1808 г. император объявляет реформатору о том, что „желает даровать России конституцию“,[46] передав последнему весьма поверхностные конституционные проекты Новосильцова, Чарторыского и барона Густава Андреевича Розенкампа (1764-1832), старшего члена Комиссии составления законов, злейшего, непримиримейшего сквозь десятилетия врага нашего героя.[47]

Забраковав проекты предшественников, Сперанский вновь с головой погружается в работу. Л.Н.Толстой, неприязненно относившийся к нашему герою, однако тщательно изучавший его биографию и свершения, писал об августе 1809 г.: „Это было время апогея славы молодого Сперанского и энергии совершаемых им переворотов. В этом самом августе, государь, ехав в коляске, был вывален, повредил себе ногу и оставался в Петергофе три недели, видаясь ежедневно и исключительно со Сперанским. В это время /неточность романиста/ готовились не только два столь знаменитые встревожившие общество указа об уничтожении придворных чинов и об экзаменах на чин коллежских асессоров, но и целая государственная конституция, долженствовавшая изменить существующий судебный, административный и финансовый порядок управления России /.../“.[48]

В октябре 1809 г. обширное „Введение к Уложению государственных законов“, „Краткое начертание государственного образования“ и „Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам /так !/“ лежали на столе в кабинете у императора.

Первый трактат был настолько смел, революционен, прогрессивен для своего времени, что добросовестный и скрупулезный биограф в своем капитальном труде (до типографии книгу читал Александр II, племянник Александра Благословенного) говорит о нем невнятно, испуганно, скороговоркой, прибегая к намекам и умолчаниям[49](между тем это произведение было хорошо известно (в списках) будущим декабристам).

„Уложение“ Сперанского открывается серьезным теоретическим исследованием „свойств и предметов“ „государственных, коренных и органических законов“. Осмысляя опыт предшествующих царствований, современных западных государств (прежде всего Англии и Франции), Сперанский приходит к выводу: „Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом /так !/ законе. Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его. Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении. Из тройкого порядка государственных сил возникает тройкий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое - в исполнении, третье - в части судной“.[50] Невероятно ново для самодержавной России в преддверии войны с Наполеоном...

Развивая идеи, высказанные в его проектах 1802-1804 гг., Сперанский недвусмысленно высказывается за отмену (постепенную) крепостного права - фундамента дворянской империи Александра I: „Не должно /.../ заключать, чтоб рабство гражданское было необходимо. Нет никакого основания предполагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если /так !/ приняты будут к тому действительные меры“.[51]

Отметим, что, начиная с Павла I, два императора - его сыновья (Александр и Николай), несомненно, хотели отменить крепостное право, но наталкивались на яростное и угрожающее сопротивление дворян-душевноладельцев. Сперанский не первым подал голос за уничтожение крепостничества (проекты А.Е.Поленова, братьев А.И. и Н.И. Тургеневых, Н.С.Мордвинова и др.), но он прямо назвал крепостную зависимость рабством.

Реформатор отчетливо понимал, что государственная машина империи нуждается не просто в починке, а в капитальной перестройке. Вне всякого сомнения желая ограничить самодержавие, Сперанский предлагает привлечь народонаселение (лично свободное, включая государственных крестьян, при наличии имущественного ценза) к прямому участию в законодательной, исполнительной и судебной власти на основе системы четырехступенчатых

выборов (волостная - окружная - губернская - наконец - Государственная дума). Если бы этот замысел получил реальное воплощение, судьбы России сложились бы иначе, увы, история не знает сослагательного наклонения (тривиальная, но дельная истина).[52]

Судебная система также, по мнению Сперанского, нуждалась в реформировании (выборность судей, участие присяжных заседателей, иерархия судов разных инстанций). Министерства, учрежденные в 1802 г., страдали, по его мысли, из-за „недостатка ответственности“, „многоделия и беспорядков“. С его точки зрения, назрела необходимость создания особого министерства полиции (просуществовало с 1811 по 1819 год). Все министерства должны быть „ответственны перед законодательным сословием“ (Государственной думой - не осуществившаяся мечта „конституционалистов-демократов“ в 1905-1917 гг.).

Главным новшеством в главном „проекте“ Сперанского было учреждение Государственного совета, в котором (не в особе императора) „все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются /.../“.[53] Никакой закон не мог вступить в действие без одобрения Государственного совета и Государственной думы (лишь потом он утверждался императором). В состав Государственного совета входили: Общее собрание (в частности, все министры), Департамент законов, Департамент гражданских и духовных дел, Департамент государственной экономики и Департамент военных дел (до 1854 г.).

Суть необходимых изменений афористично изложена Сперанским в „Общем обозрении всех преобразований по временам“ /так !/: „Сила всех преобразований состоит в том, чтоб постановить образ /исправлено рукой Сперанского - управление/ Империи на непременимом /так !/ законе, дать внутреннее Политическое бытие России. Для сего надлежало прежде всего определить разум коренных государственных законов, то есть начертать план Конституции. /.../ По троякому порядку сил государственных устройств сие относится к трем установлениям. 1) *В порядке законодательном* установление законодательного сословия под именем *Государственной думы* и ее постепенностей, то есть думы губернской, окружной, волостной. 2) *В порядке судном* установление высшей власти судной под именем *Сената* и его постепенностей, суда окружного, губернского и волостного. 3) *В порядке исполнительном* устройство Министерства и частей управления, от него зависящих, управления губернского, окружного и волостного. К сим трем установлениям присоединяется четвертое, в коем все они соединяются и чрез которое державная власть на них действует и приемлет их действия, установление Государственного Совета./.../.

Предать дела финансовые[54] уважению Государственного Совета есть, самым гласным образом объявить, что Правительство не находит более ни удобства, ни нужды пользоваться выпуском ассигнаций, а приемлет совсем другую систему и не только не хочет делать новых долгов, но и решилось уплачивать старые. Средство сие соответствует тому, которое предлагал Талейран для восстановления кредита /.../. Время открытия Совета можно назначить на 1-е января нового года“.[55]

В „пермском письме“ к царю (январь 1813 г.) низвергнутый, преданный, сосланный Сперанский дипломатично провозглашает императора „соавтором“ своих проектов: „В конце 1808 г., после разных частных дел, Ваше Величество начали знакомить меня постояннее с предметом высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам дошедшие, и нередко удаивали провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801-го года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством закона и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить

действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы. В течение с лишком двух месяцев, занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и поправок Ваше Величество наконец положили приводить его в действие“.[56] Лукавит, лукавит Сперанский, самоуничужается: в рукописи его есть пометы Александра I (и Николая I), но нет никаких „дополнений и поправок“. Сперанский - единственный провозвестник и автор реформы государственной машины, основные положения которой просто обсуждались с самодержцем.

В том же письме Сперанский гордо отвергает наветы врагов, пытавшихся доказать, что его проект компилятивен, заимствован, представляет собой кальку с галльского: „/.../ искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание. Ложь или незнание, кои изобличить /.../ не трудно /.../. В источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но с здравым смыслом, с знанием сих источников и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не участь ни в немецких, ни в/о/ французских университетах“.[57]

Грандиозные планы Сперанского начали претворяться в жизнь. Еще весной 1809 г. император утвердил разработанное Сперанским „Положение о составе и управлении комиссии составления законов“, где на долгие годы (вплоть до нового царствования) были определены основные направления ее деятельности: „Труды Комиссии имеют следующие главные предметы: 1. Уложение Гражданское. 2. Уложение Уголовное. 3. Уложение Коммерческое. 4. Разные части к Государственной Экономии и к публичному праву принадлежащие. 5. Свод законов провинциальных для губерний Остзейских. 6. Свод законов таковых для губерний Малороссийских и Польских присоединенных. /.../ На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою тако: Быть по сему. Александр. Марта 7 дня 1809 года в С/анкт/-Петербурге“.[58]

Утром 1 января 1810 г. (в день рождения нашего героя) в Шепелевском дворце собрались 35 высших сановников империи, вызванных накануне именными приглашениями. Никто ничего не знал о цели собрания (за месяц до созыва Государственного совета о нем были проинформированы лишь граф Н.И.Салтыков и князь П.В.Лопухин, даже Аракчеев узнал об этом замысле лишь 31 декабря). Все были встревожены и взвинчены. Появился взволнованный царь, поразивший, как громом, собравшихся известием о создании Государственного совета. Речь Александра была написана Сперанским, но на сей раз тщательно откорректирована монархом. Приведем на уровне ключевого абзаца образчик редакторской работы государя.

Первоначальный текст Сперанского: „Я призываю на Вас благословение Всевышнего и, разделяя труды ваши, буду искать одной славы для сердца моего чувствительной, чтоб некогда, в поздних временах, когда меня уже не будет, добрые сыны Отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне и моим пламенным желанием“.

Текст, выправленный императором: „Уповаю на благословение Всевышнего, мой долг будет разделять труды ваши и искать одной славы для сердца моего чувствительной, чтоб некогда в поздних временах, когда меня уже не будет, истинные сыны Отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне и моим искренним желанием блага России“.[59] Государственный совет с незначительными модификациями просуществовал в России до 1917 г.

Первым председателем Государственного совета (до 14 августа 1814 г.) стал канцлер граф Николай Петрович Румянцев (1751-1826). Главой Государственной канцелярии стал Государственный секретарь (новая должность). Сразу же был оглашен Высочайший указ: „Государственному Совету. Государственным Секретарем и директором Комиссии Составления Законов повелеваем быть товарищу Министра юстиции Тайному Советнику Сперанскому. /.../ В С/анкт/-Петербурге генваря 1-го дня. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано тако: Александр“.[60]

О новом назначении Сперанского из газет узнала вся читающая Россия. Карьера его достигла зенита. Без преувеличения можно сказать, что в 1810-1811 г. величайшей империей управлял Сперанский (правил - самодержец). Круг занятий Сперанского был невероятно широк. Восхищенный биограф подчеркивает: „Сперанский в звании Статс-Секретаря был тогда душою Государственного Совета. /.../ Менее чем в два года приведена им в порядок система податей, исследован и установлен бюджет государственных доходов и расходов, учрежден капитал погашения долгов, вынута из обращения значительная часть ассигнаций, введена новая монетная система, издан общий тариф и составлен план преобразования Сената. Принадлежащие к тому времени: определение мещанских и крестьянских повинностей, устройство Полиции в столицах и прочих городах, собрание материалов для Статистики России, образование рекрутских округов, правила и формы для губернаторских и министерских отчетов, постановления о дорогах и свободных хлебопашцах - все это составляет /.../ замечательное собрание образцовых трудов Сперанского. Сверх того под его руководством продолжалось исправление Гражданского, Уголовного и Торгового законодательства“.[61] Титанические труды: один человек смог заменить целые государственные структуры.

В конце 1809 г. в частной жизни Сперанского произошло серьезное изменение: он обзавелся (впервые в жизни) собственным жильем, купив „у статского советника Борзова“ и перестроив по своему проекту двухэтажный дом на углу Сергиевской улицы, около Таврического сада (тогда на окраине города).[62] Сперанский снова зажил семьей с дочерью и тещей, которых он выписал из Киева. Наконец-то Сперанский смог серьезно приняться за воспитание и образование обожаемой дочери (к Елизавете приглашались частным образом лучшие преподаватели, сам Сперанский много занимался с дочерью самыми различными предметами).[63] Вставал он очень рано, по тогдашнему обыкновению деловые визиты к нему начинались с 6 часов утра.

Судьба, казалось, была благосклонна к нашему герою: его планы стали поэтапно воплощаться в жизнь. Через месяц после создания Государственного совета был опубликован Высочайший манифест, которым была провозглашена финансовая реформа, измышленная Сперанским: прекращение эмиссии бумажных ассигнаций, увеличение налогов, введение специального налога на помещиков, владевших крепостными. Финансовая санация была направлена на увеличение доходов государства, подъем экономики, однако (как всегда) увеличение налогового бремени вызвало всеобщее недовольство (и богатых, и бедных). Цели своей Сперанский добился; в „пермском письме“ он гордо заявляет императору: „К 1810-му году доходы государственные составляли около 125 милл/ионов/, к 1812-му они доведены до 300 милл/ионов/, приращение в два года 175 милл/ионов/. Слова можно прикрасить /так !/, исказить и перетолковать, а дел, на простом счете основанных, переменить нельзя. Смело могу еще раз утверждать, что, переменяв систему финансов, Ваше Величество спасли государство от банкротства“.[64]

Следующим шагом в практическом внедрении идей Сперанского было преобразование системы министерств, закрепленное манифестами от 25 июля 1810 г. и 25 июня 1811 г. (помимо создания нескольких „главных управлений“, было основано министерство полиции, упразднено министерство коммерции). Суть реформы заключалась в том, что деятельность министерств становилась прозрачной и осуществлялась на основе „Общего устава“. Теперь Сперанский нажил врагов в кругу высших должностных лиц государства, которые всячески противились попыткам ограничения их вседозволенности. В „пермском письме“ Сперанский констатировал: „В Манифесте 1802 года обещаны были подробные Учреждения или Инструкции Министрам, но до 1810-го года их не было. /.../ *Общий Устав* постановил самые точные и ясные пределы отношениям и власти министров. Смею утверждать с достоверностию, что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определительным и твердым. /.../ Надлежало приступить к Частным уставам. /.../ Здесь каждый министр считал вверенное ему

министерство за пожалованную деревню, старался пополнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат[65] и предатель государства, и это был я“.[66]

Над головой реформатора начинают сгущаться тучи. Сперанский вопреки инстинкту самосохранения продолжает самозабвенно трудиться. В отчете, представленном императору 11 февраля 1811 г., Сперанский докладывает: „/.../ исполнены следующие главные предметы: I. Учрежден Государственный совет. II. Окончены две части гражданского уложения. III. Сделано новое разделение министерств, составлен общий им устав и начертаны проекты уставов частных. IV. Составлена и принята постоянная система к уплате государственных долгов: 1) прекращением выпуска ассигнаций; 2) продажей имуществ; 3) установлением комиссии погашения. V. Составлена система монетная. VI. Составлено коммерческое уложение на 1811 год.

Никогда, может быть, в России в течение одного года не было сделано столько общих государственных постановлений, как в минувшем. /.../ Из сего следует, что для успешного довершения того плана, который Ваше Величество предначертать себе изволит, необходимо нужно усилить способы его исполнения. /.../ следующие предметы в плане сем представляются совершенно необходимыми: I. Окончить уложение гражданское. II. Составить два уложения весьма нужные: 1) судебное, 2) уголовное. III. Окончить устройство сената судебного. IV. Составить устройство сената правительствующего. V. Управление губерний в порядке судном и исполнительном. VI. Рассмотреть и усилить способы к погашению долгов. VII. Основать государственные ежегодные доходы: 1) Введением новой переписи людей. 2) Образованием поземельного сбора. 3) Новым устройством винного дохода. 4) Лучшим устройством дохода с казенных имуществ. /.../ Можно с достоверностию утверждать, что /.../ совершением их /.../ империя поставлена будет в положение столь твердое и надежное, что век Вашего Величества всегда будет именоваться веком *благословенным*“[67].

Увы, грандиозные планы на будущее, очерченные во второй части отчета остались неосуществленными (прежде всего сенатская реформа). В конце суховато-делового отчета Сперанский, у которого наболело на душе, совершенно неожиданно обращается к самодержцу с откровенным признанием (совсем не этикетным, очень личным): „Меня укоряют, что я стараюсь все дела привлечь в одни руки. Вашему Величеству известно, сколь укоризна сия в существе ее несправедлива; но во внешнем ее виде она имеет все вероятности. Представляясь попеременно то в виде директора комиссии, то в виде государственного секретаря, являясь по повелению Вашему то с проектами новых государственных постановлений, то с финансовыми операциями, то со множеством текущих дел, я слишком и на всех почти путях встречаюсь и с/о/ страстями, и с самолюбием, и с завистию, а еще более с неразумием. Кто может устоять против всех сих встреч? В течение одного года я попеременно был мартинистом,[68] поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался наконец записным иллюминатом. Толпа подъячих преследовала меня за указ 6 августа эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельмож со всею их свитою, с женами их и детьми, меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследуют меня как опасного уновителя. Я знаю, что большая их часть и сами не верят сим нелепостям; но, скрывая собственные их страсти под личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной; я знаю, что те же самые люди превозносили меня и правила мои до небес, когда предполагали, когда воображали найти во мне послушного клиента и когда пользы их страстей требовали противоположить меня другому. Я был тогда один из самых лучших и надежнейших исполнителей; но как скоро движением дел приведен я был в противоположность им и в разномыслие так скоро превратился в человека опасного и во все то, что Вашему Величеству известно более, нежели мне.

В сем положении мне остается или уступить им или терпеть их гонения. Первое я считаю вредным службе, унижительным для себя и даже опасным. Дружба их еще более для меня тягостна, нежели разномыслие. К чему мне разделять с ними дух партий, худую их славу и то пренебрежение, коим они покрыты в глазах людей благомыслящих? Следовательно, остается мне выбрать второе“.

В конце отчета, представляющего собой поразительной силы психологический документ, Сперанский просит покровителя-друга сложить с него должность и звание Государственного секретаря, освободить от „финляндских дел“, оставив его лишь „директором Комиссии составления законов“. По мнению Сперанского, тогда „1) зависть и злоречие успокоятся. Они почтут меня ниспровергнутым, я буду смеяться их победе, а Ваше Величество раз навсегда освободите себя от скучных предположений. Сим приведен я буду паки в то счастливое положение, в коем быть всегда желал, чтоб весь плод трудов моих посвящать единственно Вам, не ища ни шуму, ни похвал, для меня совсем чуждых. /.../ 2) Тогда, и сие есть самое важнейшее, я буду в состоянии обратить все время, все труды мои на окончание предметов, выше изображенных, без коих, еще раз смею повторить, все начинания и труды Ваши будут представлять здание на песке.

Простите мне, Ваше Величество, еще одно откровенное здесь изъяснение. Из всех тех, кто имеют счастье к Вам приближаться, я имел случай может быть более других познать силу и пространство Ваших мыслей и желаний не в подробностях ежедневных текущих дел, но в самых коренных истинах, на коих стоят государства. Следовательно, доколе истины сии будут составлять главный предмет Ваших намерений, доколе останется самый слабый луч надежды в их исполнении, доколе могу я хотя несколько быть для сего полезным: доколе никакие уважения, никакие неприятности не превозмогут над моим желанием видеть их событие“.[69]

Удивляет чувство собственного достоинства, столь развитое у Сперанского, тон письма самодостаточен и величав, в ту эпоху практиковались обращения к самодержцу, выдержанные в совершенно холопско-раболепном стиле. Сперанский предчувствует надвигающуюся катастрофу, просит царя вывести его из-под грядущего удара. Прошение осталось без ответа: Сперанский остался при всех своих должностях.

1811 год прошел в великих трудах, однако темп воплощения реформ Сперанского замедлился. Это объяснялось элементарным испугом императора масштабами преобразований и, главное, все более явственно проступающей угрозой смертельной войны с наполеоновской Францией, покорившей почти всю Европу.[70] Продолжались регулярные занятия Сперанского с императором. В архиве реформатора сохранился любопытный документ „О силе правительства“ (1811 год), в котором Сперанский вновь смело обращается к монарху: „Люди, воспитанные в дворских уважениях /так !/ думают, что сила сия состоит в великолепии двора, в пышности государских /так !/ титулов, в таинственном слове Самодержавие. /.../ *Сила правительства* состоит в точном подчинении всех моральных и физических сил одному движущему и верховному началу власти и в самом деятельном и единообразном исполнении всех ее определений. Должно различать силу Правительства от силы Государства. /.../ Сколько бы Государство в самом себе ни было сильно, но в настоящем положении Европы без силы Правительства оно двигаться и долго сохранить себя не может. /.../ Первый источник силы Правительства суть законы. Естьли /так !/ законы так устроены, что они оставляют Правительству довольно власти, чтоб действовать всегда во благо, а в случаях нужды принимать даже скорые и сильные меры: то Правительство будет иметь в законах истинную силу. Но власть нужно и должно различать от самовластия. Власть дает силу Правительству, а самовластие ее разрушает, ибо самовластие даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения и, следовательно, действует без доверия и всегда принужденно. Из сего следует, что правильное законодательство дает более истинной силы Правительству, нежели неограниченное самовластие. /.../ Известно, что в России власть Правительства в законе не

ограничена, а потому истинная сила Правительства в сем отношении всегда у нас была весьма слаба и пребудет таковою, доколе закон не установит ее в истинных ее отношениях. /.../ Мало есть Государств, где бы управление, собственно так называемое (администрация), менее было устроено. /.../ Истинная сила Правительства состоит: 1) в законе, 2) в образе управления, 3) в воспитании, 4) в военной силе, 5) в финансах. Из сих пяти элементов три первые у нас почти не существуют. Сим изъясняется, почему в России все предписывается и ничто почти не исполняется“.[71] Вечные слова о вечной России...

В день своего сорокалетия Сперанский получает из рук императора орден (четвертый сверху в иерархии российских орденов) Св. Александра Невского (девиз награды: За труды и отечество). В „жалованной грамоте“ царь объявил: „Божиею Милостию Мы, Александр Первый, Император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Нашему Тайному Советнику, Государственному Секретарю Сперанскому. Во изъявления особенного Нашего благоволения к отличному усердию, ревности и трудам вашим на пользу Отечества признали Мы за благо пожаловать вас Кавалером Ордена Святого Александра Невского, коего знаки для возложения на вас препровождая, пребываем Императорскою Нашею Милостию всегда вам благосклонны. В Санкт-Петербурге генваря 1-го дня 1812 /года/. Александр“.[72]

Между тем бесчисленные недоброжелатели Сперанского (включая крестьян, роптавших на то, что „попович“ налогами „три шкуры дерет“) подняли головы, невзирая на могучую поддержку, оказываемую (до времени) гениальному управленцу всемогущим императором. Сперанского одновременно, как мы помним, обвиняли в иллюминатстве, масонстве, деизме и даже безбожии. Атеистом, деистом,[73] иллюминатом Сперанский не был, вопреки практиковавшемуся им мистицизму, он оставался глубоко православным (истово верующим) человеком.

Однако масоном Сперанский был, хотя и не слишком долгое время. Некоторые авторы явно демонизируют масонство Сперанского, утверждая, что все его преобразования были инспирированы зарубежными масонскими кругами (в первую очередь это относится к многочисленным трудам по истории русского масонства, опубликованным в 1950-х годах в Аргентине Борисом Башиловым). Существует такая точка зрения и в современной отечественной специальной литературе.[74]

Напомним, что масонами были практически все провозвестники и лидеры Французской революции, виднейшие представители культурной элиты Европы второй половины XVIII века. Русский трон занимали императоры-масоны (Павел и его сын Александр). С масонством связаны такие фундаментальные явления, как либерализм (во всех изводах), доктрины прав человека, правового государства, естественного права и многие другие. Принадлежность к масонскому движению в те годы трактовалась как дань духу Просвещения, европейской образованности и передовому мировоззрению.

Масонское влияние в жизни Сперанского не следует преувеличивать. В 1809 г. по инициативе Сперанского, курировавшего духовные учебные заведения, в Санкт-Петербургскую Духовную академию был приглашен для преподавания древнееврейского языка знаменитый богослов (перешедший из католицизма в лютеранство), историк, профессор восточных языков и герменевтики, теоретик и практик масонства Игнатий Аврелий Фесслер (1756-1839).[75] Фесслер, назначенный по рекомендации Сперанского членом Комиссии составления законов, и ввел его в свою ложу „Полярная Звезда“, основанную на оригинальной, созданной им „сиентифической“ (научной) системе масонства.

21 августа 1821 г. масонские ложи были запрещены Александром I, одновременно боявшимся революционного брожения и пренебрегавшим им. У Сперанского была взята специальная подписка в том, что он не был членом какой-либо масонской организации, хранившаяся в архиве Государственной канцелярии. Сперанский сообщал по этому поводу Государственному секретарю А.Н.Оленину в неотправленном (не решился ?) письме от 11

сентября 1821 г.: „В 1810-м или 1811-м году повелено было дела масонские подвергнуть рассмотрению особого секретного комитета, в коем велено было и мне находиться. По случаю сего рассмотрения, дабы иметь о делах сих некоторое понятие, я вошел с ведома правительства в масонские обряды; для сего составлена была в здесь в С/анкт/-Петербурге частная, домашняя ложа из малого числа лиц под председательством и по системе доктора Фесслера. Как целью моею в сем деле было одно познание масонских обрядов: то и счел я достаточным посетить сие собрание *два раза*; после чего как в сей, так и ни в какой ложе, ни тайном обществе я не бывал“.[76]

Нам кажется, что Сперанский лукавил, существенно преуменьшил (по понятным причинам) свое участие в масонском движении: был в ложе „домашней“ всего „два раза“, между тем в нее входили влиятельнейшие сановники. Сперанский поддерживал отношения с лидером русских масонов, издателем знаменитого „Сионского вестника“ А.Ф. Лабзиным. Двусторонняя переписка (1808-1834) Сперанского с градоначальником Феодосии С.М.Броневским проникнута масонским духом.[77]

В новое царствование после подавления декабристского мятежа (практически все лидеры движения были масонами) императорским рескриптом от 21 апреля 1826 г. было повелено „истребовать по всему государству вновь обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян“ письменное сообщение о своем участии (неучастии) в любых тайных обществах (в том числе и масонских ложах). Была напечатана специальная анкета, которую заполнили все русские дворяне. Вопросник требовал предельной откровенности. Николай I грозил сокрывших требуемые сведения подвергнуть „строжайшему наказанию как Государственных преступников“. Сохранилась недатированная расписка нашего героя: „Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что ни к какой масонской ложе и ни к какому обществу ни внутри Империи, ни вне ее не принадлежу и впредь принадлежать не буду. Тайный советник М.Сперанский“.[78]

Выше шла уже речь о том, что многие влиятельные лица в империи мечтали низвергнуть ненавистного выскочку-„поповича“, посягнувшего на их прерогативы и интересы. Масла в огонь неожиданно подлил Н.М.Карамзин, написавший в конце 1810 - начале 1811 гг. известную „Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях“, в которой резко обрушился на реформы, осуществлявшиеся Сперанским. Тексты реформатора Карамзин, видимо, не знал, но отчетливо уловил дух нововведений. Основная мысль записки сформулирована афористически: „Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой“. Придворный историограф, в прошлом - первый русский европеец, а ныне - жесткий консерватор, недовольный введением экзаменов для чиновников, открытием новых университетов и, главное, намерением правительства „дать господским людям свободу“, восклицает: „Россия существует около 1000 лет, но в виде государства великого. А нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов Американских“. По мнению историографа крайне вредна „/.../излишняя любовь к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворность остается доселе сомнительною“.

Историк осудительно обращается к царю: „Россия основалась победами и единовластием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием. Сей завет есть основание Твоей власти, иной не имеешь: можешь все, но не можешь законно ограничить ее“.[79] Понятно, против кого направлен удар. Исследователь прав, утверждая, что перед самодержцем встал „вопрос о том, должен ли наш государственный строй утверждаться на началах объективной законности, по возможности свободной от воздействия личного произвола, как утверждал Сперанский, или источником законности в государстве должна быть личная воля формально неограниченного монарха, как доказывал Карамзин“.[80] Увы, победа осталась за придворным историографом.

В лагере противников Сперанского находилась и любимая сестра императора Екатерина Павловна (в первом браке - принцесса Ольденбургская, во втором - королева Вюртембергская; 1788-1819; мать известного славными делами принца П.Г.Ольденбургского, племянника Александра и Николая Павловичей). Во время Эрфуртского свидания Наполеон изъявил русскому императору свое желание породниться с ним, взяв в жены его сестру. Узнав о намерении Наполеона, великая княжна согласилась на брак с ним. Однако Сперанский отговорил царя от этой затеи. Екатерина Павловна была выдана за принца Георга Ольденбургского (своего двоюродного брата) и вместо Парижа уехала в Тверь, куда ее муж был назначен генерал-губернатором. Естественно, она считала Сперанского своим злейшим врагом и покровительствовала его влиятельным противникам. Она же и вручила записку Карамзина брату лично в руки в Твери 18 марта 1811 г. Реакция императора на карамзинскую записку неизвестна. Некоторые авторы утверждают, что царь ее просто не прочитал, другие полагают, будто монарху она не понравилась. Вероятнее всего она произвела на самодержца сильное впечатление и, увы, не в пользу Сперанского, „падение“ которого было не за горами.

Недрузи Сперанского всячески старались очернить его в глазах государя, выставить его врагом государства, предателем интересов и национальной безопасности России. Заговор зрел и ширился. Свою роль в жизненной катастрофе Сперанского сыграл и характер монарха (легендарно учтивого, но коварного и злопамятного человека), не раз предававшего верных сподвижников.

Страна была на пороге войны с наполеоновской империей. Позиция Сперанского - всем известного франкофила, друга французского посланника Коленкура, свидетеля его секретных переговоров с Александром I - становилась все более опасной и уязвимой. В действиях в пользу реального противника и обвинили его враги. Но обо всем по порядку.

О причинах „удаления“ Сперанского написано очень много.[81] Между тем есть достаточно надежный источник, не привлекая должного внимания исследователей. Речь идет о статье М.П.Погодина, в основу которой положены записи бесед с непосредственным участником событий Яковом Михайловичем Де-Сангленом (пишут: Десанглен, де Санглен; 1776-1864), в ту пору начальником канцелярии тайной полиции при могущественном министре полиции Александре Дмитриевиче Балашове (пишут: Балашев; 1770-1837). Именно Балашов вместе с бароном Армфельдом (они не любили друг друга, однако, по словам Де-Санглена, была у них „точка соединения: ненависть к Сперанскому“) и явились авторами подлой, но эффективной провокации, предложив Сперанскому в октябре 1811 г. „приобщить их к своим видам и учредить из них и себя, помимо Монарха, безгласный комитет, который управлял бы всеми делами, употребляя Государственный совет, Сенат и Министерства единственно в виде своих орудий“.[82] Сперанский, конечно, отказался от участия в подобном провокационном „триумvirate“, но, совершив огромную тактическую ошибку, не сообщил царю об этом преступном предложении, что было использовано против него.

Балашов, возвышенный лично Сперанским, ненавидел своего покровителя за то, что тот был слишком хорошо осведомлен о деятельности министерства полиции, превращенного министром в открыто коррумпированное ведомство. Боясь разоблачений, он стремился уничтожить Сперанского. Армфельд, в свою очередь назначенный по рекомендации Сперанского председателем Комиссии по делам Финляндии, помимо личной ненависти к реформатору, испытывал крайнюю неприязнь к его политической линии: Сперанский был противником войны с Наполеоном, шведский (финский) барон стоял за старую династию (Бурбонов), потворствовал французским эмигрантам-роялистам в Петербурге, всячески подвигал царя к войне за восстановление прежнего королевского режима во Франции. К ним примкнул и старинный недоброжелатель Сперанского Розенкамф. Против Сперанского был настроен тогда и Аракчеев, который с солдатской прямоотой в разговорах с царем осуждал все нововведения реформатора.

Балашов подстрекал Сперанского к нелицеприятным высказываниям о государе, которые, уязвляя болезненное самолюбие монарха, незамедлительно передавал царю. Сперанский - язвительный острослов вольтерьянского закала - был крайне неосторожен в высказываниях подобного рода. Например, в перлюстрированном полицией письме на французском языке он позволил себе дорого обошедшуюся (ставшую крылатой) шутку: „Наш Вобан - наш Воблан“.[83]

Рекой потекли и письменные доносы. Непосредственные авторы и инспираторы чужих доносов действовали весьма тонко, они доносили не только на Сперанского, но и друг на друга, дабы царь не мог догадаться о сговоре.[84] В конце 1811 г. Елена Павловна передала царю нашумевшую записку Ростопчина о мартинистах, в которой Сперанский, помимо прямого обвинения в безбожии, был провозглашен лидером русских иллюминатов. Де-Санглен вспоминал: „Все доносы, клеветы на Сперанского были в моих руках, и я неоднократно получал выговоры от Государя за то, что осмеливался доносить, что без исследования доносов Сперанского винить нельзя“.[85]

Однако вода камень точит. В скором времени царь изменяет неизменно уважительное (восхищенное) отношение к своему ближайшему сподвижнику и соратнику. Захлестнутый волной доносов, в которых реформатор представал врагом самодержавия, император приходит к удобному для себя выводу, которым делится с Де-Сангленом: „Сперанский вовлек меня в глупость. Зачем я согласился на Государственный совет и на титул государственного секретаря? Я как будто отделил себя от государства. Это глупо“.[86] Доносы (помимо фантастических обвинений вроде того, что Сперанский выдал французам русские военные планы за миллион рублей) содержали и элементы правды, например, статс-секретарь без ведома и дозволения государя знакомился с секретными дипломатическими и военными документами (друзья, работавшие в министерстве иностранных дел и в других структурах, просто привозили бумаги ему в домашний кабинет). В преддверии войны в глазах монарха все это выглядело весьма подозрительным и опасным.

„Падение“ Сперанского содержит в себе элемент некоей сокровенной до сих пор тайны (с обертонами сугубо личными, интимными). Все в том же „пермском“ письме Сперанский, отвергая обвинения в „привязанности“ его к „французской системе“, горестно восклицает: „Между тем однако же сие жестокое предубеждение о связях моих с Франциею, быв поддержано эпохою моего удаления, составляет теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего в народе обвинения. Вам единственно, Всемилостивейший Государь, Вашей справедливости принадлежит его изгладить. Смее утвердительно сказать: в вечной правде пред Богом Вы обязаны, Государь, сие сделать. Вы не можете тут иметь во мне ни малейшего сомнения. Вашу тайною, а не свою я связан, следовательно, Вам же и развязать все должно. Финансы, налоги, новые установления, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдывается временем, но здесь, чем я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!“[87] Выскажем предположение, что Сперанский имел секретнейшие сношения (с молчаливого согласия монарха, без ведома министерства иностранных дел и посольства России в Париже) с Наполеоном, но эта тайная миссия потерпела неведомую неудачу (катастрофу?).[88]

29 января и 11 февраля 1812 г. были опубликованы последние подготовленные Сперанским манифесты, посвященные финансовой проблематике. Гроза приближалась. Нелепо сводить ее причины только к личной обиде императора на суждения о нем Сперанского. Царь понимал, что Сперанский не изменник, но нечто неизвестное нам вызвало его гнев. Биограф и соратник Сперанского записал слова Николая I, узнавшего о смерти своего великого кодификатора: „*Теперь* все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, и клеветники давно

замолчали. Один только упрек, который я мог бы ему сделать - это его чувства к покойному брату; но и тут конечно...“ Государь остановился, не выговорив вполне своей мысли. Быть может, в ней заключалось тайное, невольное оправдание страдальца“. [89]

Враги прибегли к тяжелой артиллерии. По письменной инспирации Балашова Ростопчин написал яростный донос на Высочайшее имя, в тысячах списках разлетевшийся по России. Доносчик, якобы уполномоченный московским дворянством, истерически закликает царя:

„Осыпанный милостями В/ашего/ И/мператорского/ В/еличества/ и возведенный из праха в течение короткого времени Секретарь Ваш Сперанский и Магницкий есть первые лица,

которые, обольстив и склонив к себе неистовых умышленников: /.../, [91] Яблонского, Биже/в/ича и прочих, к ним прикосновенных, о коих по важности лично донесу, В/аше/ В/еличество/, продают Вас с сообщниками своими мнимому Вашему союзнику, который успел в желании своем, и чрез посредство их удалены войска Ваши из всей Финляндии и даже самого Петербурга в известный Вам Край, чрез что открыл себе самый благонадежный и свободный путь к Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана в Стральзунде, где производит поспешную постройку разного рода гребных судов и прочих принадлежностей, по окончании коей намерен, ни мало не мешкая, пробраться чрез залив, море и реки на твердую землю. Трофеи его в прусской Померании развешаются, куда привезена ему богато убранная карета, в которой намерен он обще с своею Императрицею проехать чрез Ригу прямо к Петербургу. Разбойничья орда его, состоящая в Стральзунде и Померании из 120 т/ысяч/,

ожидает ежеминутно повеления двинуться на пагубу нашего Отечества.

Государь! Внемли гласу справедливости, который происходит из единого усердия к Отечеству и Особе Твоей, позволь приблизиться к Столице, прервать действие, злоумышленное хищными уверениями Тебя окружающими. Я знаю все подробно, даже где хранится переписка Наполеона с обнаженными злоумышленниками, или избери орудием к сему Алек/сандра/ Балашова, который, хотя и участвовал в оном деле, но единственно для узнания истины, и первый открыл сие великое и ужасное дело письмом в Москву от 28-го февраля из документов, кои от них будут отобраны. /.../[92]/.../

Последний случай заседания в Верховном Совете, где представлена была Вам выписка о новых налогах, против которых первый Вы сделали возражение и не согласились оную утвердить, произнеся, что „народ Ваш и так уже претерпел прошедшее время, а ежели еще сие выпустить, то неминуемо должно ожидать народного противу себя озлобления“. На сие секретарь Ваш Сперанский первый подал голос в опровержение, представя на вид, что время и обстоятельства требуют пособия Вашему Кабинету для польской Армии, которая должна действовать для обороны, что сие есть единое средство, а если сего не сделать, то, во-первых, нельзя приступить к делу, а, во-вторых, успеха ожидать невозможно, не имея достаточной на то суммы в наличии. Усиленная армия в Польском краю под видом опасения и нападения на оную Бонапарте и в дополнение коей выслана как из столицы Вашей вся гвардия, так /и/ из Финляндии все войско, доказывает умысел занять Вас обороною в Польше, чрез Курляндию пропустить в Ригу и во внутренность /врагов - пропуск восстановлен по списку С.Н.Шубинского/ без всякой препоны. Не явный ли есть обман под видом патриотизма. Он

хотел действительно противу Особы Вашей все сословия озлобить и возбудить народ произвести /в списке С.Н.Шубинского - произнести/ великое и страшное требование, какое уже случилось в Италии и Швейцарии.

Не он ли был орудием в прошедшее время, когда В/аше/ В/еличество/, при Тильзите быв обманутым, заключили /мир/ и мир для России самый невыгодный, бремя коего и тяжесть Вы уже испытали, от которого финансы Ваши опустели и способы к поправлению исчезли. Чиновники в списке С.Н.Шубинского - виновники/, кои бы в сем важном деле могли с пользою для Государства быть полезными, чрез посредство его под видом опасных оклеветаний пред В/ашим/ И/мператорским/ В/еличеством/ обвинены и удалены.

Не удивляйся сему, Монарх! Злато и брильянты, чрез французского посланника к нему доставленные, ослепили ему глаза и удалили от верности к Отечеству и Особе Вашей.

Итак, В/ашему/ В/еличеству/ время заняться поправлением Монархии и критического ее положения, избрать нужных людей к сему важному делу, /сие/ есть искусство, коим одарена была Августейшая Ваша бабка, и по наследству принадлежит и Вам. Открытие всех сих важных происшествий служит к спасению В/ашего/ В/еличества/ и всего Государства от ига иноверца.

Письмо сие есть последнее, и если останется недействительным, тогда сыны отечества необходимою себе поставят двинуться в Столицу и наступательно требовать как открытия сего злодейства, так и перемены Правления. Граф Ростопчин и Москвитяне“. [93]

Это, на первый взгляд, бредовое, а на самом деле тщательно продуманное и выверенное письмо (выпячивание роли доносчика, вскоре назначенного главнокомандующим в осажденной французами Москве, уничтожившего „первопрестольную“ инициированными им пожарами, шантаж, угрозы императору), к несчастью, сыграло трагическую роль в судьбе Сперанского. Увы, Александр дрогнул и для сохранения спокойствия общества решил принести в жертву своего верного сподвижника, которого враги в довершение ко всему совершенно беспочвенно обвинили во взяточничестве (мол, только в Петербурге у него 11 домов и т.д.).[94]

Предпоследней каплей, переполнившей чашу терпения государя, был излишне откровенный совет Сперанского, верно прогнозировавшего неизбежное столкновение с Францией и покоренной ею Европой, который он дал Александру I, прямо намекая на полководческий гений Наполеона, уклониться от руководства боевыми действиями и перепоручить ведение войны не созванной еще Государственной думе. Де-Санглен, осуществлявший тайное наблюдение за Сперанским по личному поручению царя, вспоминал слова императора в ответ на предложение Сперанского „собрать боярскую /так!/ думу, которая вела бы войну. „Чем же я буду?“ - отвечал с гневом Государь. /.../ Когда Сперанский предлагал Государственной думе, чтоб ей вести войну, Государь в личности своей крайне оскорбился /.../“. [95]

Тяжкое, губительное для своего фаворита потрясение испытал царь, когда узнал о том, что друг и протезе Сперанского М.Л.Магницкий, тайно прочитав на столе у вышедшего из кабинета патрона бумаги, выкраденные русским шпионом графом А.И.Чернышевым у военного министра Франции (в дело замешали и шифровальщика Х.Бека), разболтал их содержание столичному дипломатическому корпусу. У императора возникли мысли о государственной измене, о шпионаже, о казни Сперанского „через растреляние“.

Неотвратимо наступил роковой для Сперанского день: 17 марта 1812 г. Это было воскресенье. Во время обеда у подруги покойной жены сановник получил через фельдъегеря государево предписание прибыть к 8 часам вечера в Зимний дворец. Сперанский, ни о чем не подозревая, ранее назначенного времени прибыл на рутинное (как ему, видимо, казалось) свидание с царем. Сохранился любопытный документ „О последнем дне М.М. Сперанского в С/анкт-/П/етер/бурге в марте 1812 года“ с припиской К.Г.Репинского „Из рассказа князя Александра Николаевича Голицына (главноначальствующего над Почт/овым/

Департаментом)[96] в 1840 г. Это рассказано было кн/язем/ Голицыным зятю покойного М.М.Сперанского, сенатору А.А.Фролову-Багрееву, а последним передано на словах же лично мне“.

Процитируем архивную запись: „Князь /А.Н.Голицын/ приехал к Императору в восьмом часу вечера. - „Государь один?“ - „Нет, - отвечал камердинер, - у него Сперанский с докладом (с бумагами)“. Князь удивился этому неурочному (несвоевременному) занятию и в комнате пред кабинетом Государя остался дожидаться конца доклада. Пробило 8, 9, 10 и 11 часов; Сперанский не выходил. Наконец отворилась дверь в кабинете, Сперанский вышел в слезах. За ним показался в дверях Государь тоже в слезах, и дверь кабинета тихо затворена Им. По выходе Сперанский /.../ взглянул на него /Голицына/ и сказал „Прощайте, Ваше сиятельство“ /дважды/“.[97]

Царь предъявил ему обвинения, на которых настаивали доносчики. Сперанский, будучи в смятении, однако решительно все опроверг. Сохранились мемуарные свидетельства о том, что Сперанский находился в такой прострации, что пытался засунуть свою треуголку в портфель. Император сказал ему о том, что в преддверии войны „обязан моим подданным удалить тебя от себя“.[98]

Выйдя из дворца, Сперанский направился к Магницкому, квартира которого уже была опечатана, а хозяин отправлен в ссылку. Прибыв к дому на Сергиевской, он обнаружил у крыльца полицейскую кибитку, в гостиной его ожидали Балашов и Де-Санглен в присутствии двух драгун и полицейского пристава. Несчастному было объявлена Высочайшая воля: без суда и следствия немедленно отправиться в бессрочную ссылку в Нижний Новгород. Кабинет и бумаги государственного деятеля были опечатаны. Особо важные бумаги Сперанский сам упаковал в объемистый пакет и попросил передать лично государю. По важному свидетельству Де-Санглена некоторые бумаги (с разрешения Балашова вопреки протестам мемуариста) опальный сановник сжег, а три портфеля с неизвестными, видимо, никому документами взял с собой в ссылку. [99]

Сперанский не решился разбудить дочь и тещу, молча перекрестил двери их спален, набросал короткую записку с приглашением приехать к нему в Нижний и, не переменяв одежды, сел в повозку в сопровождении пристава Шипулинского и отбыл из Петербурга на долгих девять лет. Князь А.Н.Голицын красочно описал начало „падения“ всемогущего до этого трагического дня Сперанского: „В первом часу по полуночи знаменитый ссыльный в том же мундире и орденах, в которых за час был он у Государя катил уже в кибитке по тряской тогдашней (бревенчатой) Московской дороге“. Утром следующего дня тот же мемуарист был на заседании Государственного совета (статс-секретарь Оленин объявил, что ни царя, ни Сперанского в зале не будет). Князь осведомился у Балашова о том, сослан ли Сперанский. „Балашов ответил: „Да, я его отправил““. Голицын немедленно отправился к Александру I и „нашел Его мрачным, расхаживающим по кабинету“. Между ними состоялся примечательный (очень короткий) разговор: „ - „Вы не здоровы, Государь?“ - „Здоров !“ - „Но Ваш вид !“ - „Если бы у тебя отсекли руку надвое, как в эту ночь, каков был бы вид у тебя?.. У Меня отсекли правую руку !““.[100]

Враги Сперанского открыто торжествовали. Ненавистный выскочка-реформатор пал в бездну забвения,[101] был низложен абсолютной волей самодержца. Реформатор, пытавшийся утвердить „истинную“ (правовую) монархию, был сослан без всякого юридического (да просто письменного) обоснования по устному распоряжению царя. Слухи о мнимой „измене“ Сперанского с невероятной скоростью вопреки отсутствию средств массовой информации (в газетах об этом не писали) облетели всю страну. Сперанский, „униженный и оскорбленный“, лишенный чести (как тогда говорили; в пути он с болью слышал досужие разговоры о том, что везут французского лазутчика, вознамерившегося убить царя) прибыл в Нижний Новгород 23 (по другим сведениям 22) марта. В тот же день он обратился с письмами к Балашову (с просьбой наградить сопровождавшего его в ссылку пристава) и царю.

Низвергнутый реформатор беспокоится не о себе, а о сохранности подготовленных им планов реформ, обращаясь к сославшему его самодержцу: „Единственное благодеяние, о котором я осмелился бы просить в настоящее время, это не позволять, чтобы бумаги, захваченные в моем кабинете, были разрознены или затеряны. /.../ Они двух родов. Одни относятся к плану государственного образования, составленному под вашим руководством и по вашему непосредственному приказанию. Подлинник этого плана должен находиться в кабинете Вашего Величества, а французский перевод его был вручен в то время по вашему повелению принцу Ольденбургскому. Этот труд, Государь, первый и единственный источник всего, что случилось со мною,[102] имеет слишком важное значение для того, чтобы допустить смешение его с другими бумагами и дать ему валяться в канцеляриях министерства. /.../ Это моя собственность, самая священная и, быть может, самая значительная. Было ли бы справедливо, если б я лишился ее“.[103] Царь, ожидавший от человека, высланного в провинцию, подвергнутого открытому полицейскому надзору (рескрипт с „предписанием“ о Сперанском прибыл в Нижний лишь 26 марта), коленапреклоненных молений о пощаде и прощении, видимо, был немало удивлен горделивым тоном этого письма, исполненного благородных величия и достоинства.

Ссылный надеялся на то, что семья прибудет к нему поздней весной, когда установятся погода и дороги. Мстительный император распорядился иначе: 23 марта дочь и теща Сперанского были (правда, в придворной карете) выдворены из столицы и отправлены в Нижний. В пути они были осыпаны оскорблениями в качестве (вспомним терминологию сталинской эпохи) „членов семьи изменника родине“, увы.

Дочь Сперанского (подросток в то время) позднее вспоминала о первой встрече с отцом в Нижнем: „Трепеща от нетерпения и душевного волнения, я не могла дожидаться нашего приезда и когда минута свидания наступила, то бросилась в комнату как безумная и повисла на шее у батюшки, думая найти и его в горьком отчаянии. И что же? Он был точно так же спокоен, весел, светел, как накануне нашей разлуки в Петербурге, когда никто из нас и не подозревал готовившегося несчастья. По его виду казалось, что это заточение - только прогулка, простая перемена жительства по собственной воле. С обыкновенным обаянием его ума и прекрасной души, изгнанник, уже успел в такое короткое время совершенно привлечь и покорить себе хозяев того дома, в котором жил“.[104]

Некоторые биографы полагают, что Сперанский надеялся на императорскую милость, на скорое возвращение в столицу к кормилу власти. Подобное предположение кажется сомнительным, уж слишком хорошо Сперанский знал нрав и характер царя. 3 и 9 апреля в газетах появилось сообщение о том, что временно исполняющим должность Государственного секретаря назначен Оленин, а через шесть дней она перешла к знаменитому адмиралу, ревнителю словесной старины, академику Российской академии Александру Семеновичу Шишкову (1754-1841), который и стал на годы автором важнейших государственных документов.[105] Главой Комиссии составления законов 11 мая стал князь Петр Васильевич Лопухин (1744-1827). Если и были у Сперанского какие-либо иллюзии по поводу своей карьерной „реституции“, то они после этого назначения рассеялись.

Необходимо было налаживать новую жизнь. Поселившись с семьей на снятой квартире, Сперанский, осознав, что в Нижнем пробудет весьма долго, подумывал о покупке собственного дома. Деньги пока еще не закончились. Да, он стал ссылкой, но никто не лишил его чина тайного советника и титулования „Ваше превосходительство“. Многие шарахались от него, как от зачумленного, но некоторые нижегородцы принимали опального реформатора в своих домах.

Редкая переписка Сперанского с ближайшими друзьями (вельможи, разумеется, кто в ужасе, кто со злорадством отвернулись от него) перлюстрируется,[106] разговоры фиксируются и сообщаются Балашову. Так, нижегородский губернатор услужливо доносил министру полиции: „/.../ тайный советник Сперанский в откровенном разговоре с здешним предводителем

дворянства /.../ о случившемся с ним происшествии, сказал, что вы предупредили сие происшествие двумя неделями, а то бы последовало то же с вами, что с ним случилось“.[107] Реакция Балашова была вполне предсказуемой: злобное наущничество царю, усиление прессинга.

Сперанский вел себя крайне неосторожно: поддерживал вольнодумные разговоры, общался с „подлым народом“ на ярмарке и в трактирах, открыто обменивал ассигнации на золото (это было истолковано, как неверие в устойчивость эмиссионной политики империи и - одновременно - вера в грядущую победу наполеоновского нашествия).

Пока Сперанский находился в Нижнем против его петербургских друзей было возбуждено следствие с призывом вульгарного шпионажа. Этот колоритный эпизод не привлекал еще внимания исследователей. 27 апреля 1812 г. началось дело „О советнике Министерства Иностранных дел д/ействительном/ ст/атском/ сов/етнике/ Христиане Беке и директоре канцелярии того же министерства /А.А./Жерве, привлеченных к ответственности за сообщение тайно от государственного канцлера гр/афа Н.П./ Румянцева секретной дипломатической переписки бывшему Государственному секретарю Сперанскому“. Жерве остался на свободе, Бек (шифровальщик министерства иностранных дел) был заключен в Петропавловскую крепость. Они многократно допрашивались, дали письменные показания на тему „Связи мои со Сперанским“.[108]

Оба достаточно мужественно держались на допросах, Бек лишь письменно показал, что Сперанский уговаривал его вступить в ложу Фесслера. Весьма скоро (6 июля) дело было закрыто. Для Жерве оно осталось без последствий. Бек же был освобожден под полицейский надзор, дав колоритную подписку:

„По Высочайшему Его Императорского Величества повелению нижеподписавшийся обязуется чрез сие наистрожайшим образом, что он впредь будет жить и вести себя смиренно и ни в какие сплетни вмешиваться не станет, равно и о деле, по которому призван был в Комитет, никому и ничего говорить не будет, под опасением: за неисполнение сего поступлено с ним /будет ?/, яко с нарушителем Монаршьей воли. Июля 6 дня 1812 года. Д/ействительный/ статский советник Христиан Бек“.[109]

С началом войны положение изгнанника резко ухудшилось. Ростопчин вновь пишет царю пламенные пасквили об „опасности“ Сперанского. В скором времени нижегородский вице-губернатор (давний знакомый Ростопчина) фабрикует опаснейший донос:

„Министерство полиции по секретной части 22 августа 1812 /г./ № 6125. Нижний Новгород.

От нижегородского вице-губернатора, отправляющего должность гражданского губернатора. Представление о тайном советнике Сперанском.

Секретно. Господину Министру Полиции. 6-го числа настоящего августа в день Преображения Господня, когда я был на Макарьевской ярмонке, здешний преосвященный епископ Моисей по случаю храмового праздника в кафедральном соборе давал обеденный стол, к коему были приглашены некоторые из губернских чиновников. После обедни был тут и г/осподин/ тайный советник Сперанский, обедать однако ж не оставался; но между закускою занимался он и преосвященный обоюдными разговорами, кои доведя до нынешних военных действий, говорили о Наполеоне и о успехах его предприятий, к чему г/осподин/ Сперанский дополнил, что в прошедшие кампании в немецких областях при завоевании их он, Наполеон, щадил духовенство, оказывал к нему уважение и храмов не допускал до разграбления, но еще для сбережений их приставлял караул, что слышали бывшие там чиновники, от которых о том на сих днях я узнал.

О чем долгом поставляю вашему высокопревосходительству всепокорнейше донести. Вице-губернатор Александр Крюков“.[110]

Этот документ привел к трагическим для Сперанского последствиям. В условиях войны в общем-то невинный разговор Сперанского с нижегородским первосвященником был злонамеренно истолкован как изменнический. 8 сентября император по инспирации Балашова отправил на имя графа Петра Александровича Толстого (командовавшего нижегородским ополчением) Высочайший рескрипт с припиской „При сем прилагаю рапорт вице-губернатора Нижегородского о тайном советнике Сперанском. Если он справедлив, то отправить сего вредного человека под караулом в Пермь, с предписанием от Моего имени, иметь его под тесным присмотром и отвечать за все его шаги и поведение“.[111]

Высочайшая воля стала известной в Нижнем вечером 15 сентября (доставил фельдъегерь). В этот день Сперанский обедал у Толстого, где, кстати, познакомился с Н.М.Карамзиным. Губернское начальство пришло в ужас. Никто не стал проверять „справедливость“ и фактическую достоверность доноса Крюкова. Сперанскому дали один час на сборы и отправили в карете (вновь в сопровождении пристава, фактически под арестом) в Пермь. Началось новое, куда более тяжкое изгнание.

Сперанский прибыл в Пермь 23 сентября 1812 г. Местный губернатор Богдан Андреевич Гермес, находившийся под каблуком у своенравной супруги, по ее совету-приказанию решил проявить особое служебное рвение по надзору за опальным царедворцем. Местное начальство принялось терроризировать изгнанника: „/.../ в переднюю Михаила Михайловича были посажены дневальные будочники; городничему с частными приставами вменено в обязанность посещать без церемоний во всякое время квартиру ссыльного“.[112] Ссыльный сначала снимал квартиру у купца И.Н.Попова, через несколько недель был нанят отдельный дом. Его никто не навещал (все боялись). Сперанский поддерживал тесные отношения лишь с несколькими людьми, в частности, с игуменом Соликамского монастыря Иннокентием (Коровиным). У него закончились деньги (жалование не поступало), изгнанник вынужден был продать золотой брегет. До нас дошла легенда о том, что он отдавал в заклад свои ордена, занимал деньги под вексель у прислуги. Безденежье кончилось, когда товарищ хозяина квартиры, купец Д.Е.Смышляев одолжил (беспроцентно) опальному реформатору 5000 рублей. Сперанский никогда не забывал своих пермских „благодетелей“ и, вновь войдя „в силу“ (как тогда говорили), всячески им протезировал.

В начале октября в Пермь приехали дочь и теща Сперанского. Одним из немногих развлечений изгнанника были неукоснительные дальние ежедневные пешие прогулки. Однако и они приносили много горя. Дотошный биограф свидетельствует со слов очевидцев: „На улице полицейские чины не давали останавливаться проходящим и заводили какой-либо спор. /.../ Когда он выходил из дома прогуляться, уличные дети (конечно, наученные старшими) кричали вслед его: „Изменник, изменник!““.[113] Гимназисты забрасывали его грязью, пьяные (науськанные местным начальством) оскорбляли, даже пленные французы отказывались принимать от него милостыню. Сперанскому было очень тяжело, но он вел себя с поразительным мужеством и достоинством, а ведь это были самые тяжелые месяцы в его жизни.

В конце сентября к Сперанскому приезжал нарочный от его брата Козьмы (тот был уволен с поста казанского губернского прокурора сенатским указом без Высочайшего повеления; перестраховались), который привез ссыльному необходимые вещи и письмо. На обратном пути в Казань (7 октября) нарочный был остановлен полицией и обыскан, у него отобрали письмо Сперанского к Козьме (зашитое в шапку; реформатор осваивал навыки подпольщика[114]) и переслали в столицу. Через два дня об этом узнал опальный сановник.

Возмущенный неистовым полицейским произволом, Сперанский обратился с письмами к царю и Балашову. 10 октября 1812 г. он писал императору: „/.../ здешнее начальство признало за благо окружить меня не приметным надзором, коего, вероятно, от него требовали, но самым явным полицейским досмотром, мало различным от содержания под караулом. Приставы

и квартальные каждый день почти посещают дом, где я живу, и желали бы, я думаю, слышать мое дыхание, не зная более, что доносить. Если бы я был один, я перенес и сии грубые досмотры, но среди семейства быть почти под караулом невыносимо“.[115] В письме к Балашову Сперанский, осудив полицейский террор, напомнил о назначении денежного содержания.

Письма Сперанского были приняты к сведению. Император повелел возобновить ему денежные выплаты. Балашов уведомил ссыльного 6 декабря того же года: „Письмо вашего Превосходительства и всеподданнейшее прошение я имел честь получить и повергнуть Высочайшему усмотрению. Государю Императору угодно было определить на содержание ваше 6000 /рублей/ в год, что для исполнения от меня уже и сообщено г/осподину/ министру финансов. Касательно отобранного письма вашего от посланного Его Величество изволил отозваться, что причиной сего был вид скрытности, тому отправлению данный, то есть письмо не было показано губернатору и было зашито в шапке, что изволит находить не соответствующим положению вашему“.[116] Хитроумный министр, называя Сперанского „Вашим превосходительством“, не преминул указать на его „положение“, однако, ссыльный с облегчением понял, что никто не покушается лишить его чинов и званий.

Высочайший указ от 29 декабря 1812 г. о выплате ссыльному денежного содержания включал магические слова: „Пребывающему в Перми тайному советнику Сперанскому...“. Губернское начальство пришло в ужас, осознав, что оно переусердствовало, перестаралось в издевательствах над сосланным сановником. Сперанский в мгновение оказался не „государственным преступником“, а „тайным советником“, единственным во всей губернии. Губернатор с женой и высшими чиновниками ринулись с визитом к „его превосходительству“. Биограф свидетельствует: „Он только привстал для них со своих кресел, но не пригласил никого присесть. Сказал к ним два-три слова - и отпустил их от себя. /.../никому из временных своих начальников в Перми он не выразил подобострастия, а затем - что всего важнее - никому из них не мстил“.[117]

3 марта 1813 г. старый сослуживец Сперанского, осуществлявший с ним денежную реформу, граф Дмитрий Александрович Гурьев (? - 1825) выслал в Пермь официальный документ: „От министра финансов Пермской казенной палате предложение. Высочайшим Его Императорского Величества указом от 29 декабря 1812 года повелено: пребывающему в Перми тайному советнику Сперанскому производить на содержание его по шести тысяч рублей в год из государственного казначейства, включая в то число и те две тысячи рублей, которые определены ему в пенсион по указу 19 марта 1801 года“. Далее Гурьев, рассчитав, что Сперанский получал 30 тысяч рублей в год, констатирует, что тот не дополучил за 1812 год 8 тысяч 480 рублей 99 копеек (с 17 марта 1812 г.). Резолюция: „Деньги сии имеет Пермская казенная палата ныне же ему выдать, а равномерно тому такую же сумму - то есть шесть тысяч рублей - производить ему и в течение нынешнего 1813 года помесечно за счет Санкт-Петербургского для остаточных сумм казначейства“.[118]

Жизнь Сперанского резко изменилась в лучшую сторону. Лебезившее теперь перед ним местное начальство оставило его практически в покое, полицейский надзор оставался, но свелся к минимуму. 4 февраля 1813 г. Сперанский отправил дочь и тещу в Великополье (с длительной остановкой в Петербурге). Лиза увезла для передачи императору пространное письмо (многократно цитировавшееся в работе), над которым Сперанский трудился весь январь. Письмо, изливающее тонкие душевные токи, представляющее собой гордую апологию свершений реформатора, напоминание царю о сокровенных совместных занятиях „по мистической части“, завершается смиренной просьбой много пережившего, выстоявшего, но изнуренного невзгодами страдающего человека:

„В награду всех горестей, мною претерпенных, в возмездие всех тяжких трудов, в угождение Вам, к славе Вашей и ко благу государства подъятых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе и, наконец, в воспоминание тех милостивых и

лестных мне сношений, в коих один Бог был и будет свидетелем между Вами и мною, - прошу единой милости: дозволить мне с семейством моим в маленькой моей деревне провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной /.../, не ища другой награды, как только: *свободы и забвения*“.[119]

Оставшись в одиночестве, Сперанский погрузился в изучение столь модного тогда (в императорском дворце, в первую очередь) мистицизма. Он не довольствуется изучением собственных фолиантов, прибегая к собранию книг богатой библиотеки Пермской духовной семинарии.[120] Именно в это „время снискал он мало-помалу привычку, которой не оставлял и впоследствии, размышлять с пером в руке и немедленно записывать результаты своих соображений“.[121] Исследователь прав, утверждая: „Глубоко потрясенный ударами судьбы, оставшись один сам с собою, с своими тяжелыми думами и чувствами, Сперанский ушел, как он выражался, в небо, бросил свои теоретические занятия теософией и начал практически изучать глубины мистицизма, постигая его истины не умом уже только, но и сердцем“.[122]

Сосланный сановник, ожидая решения своей судьбы, усиленно занимается изучением древнееврейского языка, через определенное время он настолько усовершенствуется в знании иврита, что свободно читает Ветхий завет в подлиннике. В Перми же Сперанский возобновляет титаническую работу над переводом с латинского языка (с параллельной сверкой по французскому переводу; начал еще в начале 1805 г., переводя по одной страничке в день) четырехтомного трактата „О подражании Христу“ (ок. 1418 г.) прославленного голландского монаха-мистика Фомы Кемпийского (Томас Хемеркен; ок. 1380-1471). Духовная аскеза, предложенная Фомой, отрицание догматизма и обрядоведения, спасительное значение праведной жизни и заботы о ближних, умаление личного „преуспеяния“ - эти постулаты были чрезвычайно созвучны внутреннему миру Сперанского.

Шел месяц за месяцем. Стих ураган сокрушительно пронесшегося над Россией наполеоновского нашествия, закончился победоносный марш русской армии по Европе, французский император был побежден и низложен. 31 августа - в исторический день опубликования манифеста об окончании Отечественной войны, самой кровавой в истории Российской империи - Сперанскому было Высочайше позволено отправиться в Великополье.

6 августа, с горечью подводя итоги своего пермского сидения, еще не зная о грядущей новой перемене судьбы, опальный мыслитель писал заветному другу П.А.Словцову: „Я долго взирал на преступников, законом осужденных, публично наказанных и сосланных, с внутренним отвращением; ныне смотрю на них с некоторою отрадою. Это агнцы добродушия в сравнении со всем тем, что называем мы часто: *честный и порядочный* человек. /.../ Я живу здесь изряднехонько, то есть уединенно и спокойно. Возвратиться на службу не имею ни большой надежды, ни желания; но надеюсь /.../ переселиться в маленькую мою новгородскую деревню, где теперь живет моя дочь и семейство, и там умереть, если только дадут умереть спокойно. Вот вам вся судьба моя настоящая и грядущая. Люди и несправедливости их, по благодати Божией, мало-помалу из мыслей моих исчезают“.[123]

19 сентября изгнанник покинул Пермь (увы, вновь в сопровождении полицейского пристава), где прожил чуть-чуть неполных два очень нелегких года. Садясь в карету, Сперанский сказал запомнившуюся провожавшим его чиновникам фразу: „Жаль, что не могу увезти в кармане вашу Каму“.[124]

Приехав в Великополье (иногда пишут: Великое Поле), соединившись с семьей (дочь, теща, брат), затворившись в деревенской глуши, Сперанский обрел, наконец, долгое тихое счастье. Полицейский надзор, по мнению затворника, несколько ослаб. 3 декабря он писал другу: „1) Я положительно удостоверился, что сюда ничего совершенно о мне и сношениях

моих не предписано. 2) Даже на почте никакого здесь не учреждено надзора, и на сих днях получил я два письма из Нижнего (пустые), совершенно и по числам и по печати целые. Сие не должно однако же нас ободрять к уменьшению осторожности“.[125]

Прав был политический ссыльный, говоря об „осторожности“. Доносы продолжали преследовать его. Так, новгородский вице-губернатор докладывал (со слов капитан-исправника, побывавшего в имении) в столицу 25 октября, досадуя на то, что Сперанский не прибегает к услугам государственной почты, а пересылает „письма под посторонними адресами“ либо прибегает к помощи „посредников“ (прямо называется, к примеру, фамилия неизвестного нам купца Костромина): „Г-н тайный советник Сперанский по известиям, до меня доходящим, с приезда своего в здешнюю свою усадьбу, живет с семейством своим уединенно, выезжая только в соседственный ему монастырь Св. Саввы Вишерского для слушания Божественной службы. Семейственное его общество состоит из родного брата, коллежского советника Сперанского, из тещи его г-жи Стивенс и из девицы его дочери“.[126] Через некоторое время Сперанский, не ладивший с тещей (та осыпала его упреками за мнимые государственные преступления) отправил ее в Киев, назначив значительное содержание.

Сперанский-помещик всерьез занимался хозяйством, изучал агрономическую литературу, стремился применять передовые сельскохозяйственные технологии. Изгнанник исключительно хорошо относился к своим крепостным: первым здоровался с ними, в период полевых работ присылал квас из господского дома, опасаясь низкого качества сырой воды, платил жалование дворовым.[127] Помещикам-соседям все это казалось не просто милым чудачеством, а неким опасным (с призвуками крамольного либерального поветрия) нововведением. В монастыре

Сперанский за свой счет обновил иконостас и выстроил каменную колокольню.

Сперанский со всей страстью предался обучению и воспитанию дочери, а также мистическим штудиям. Сохранились интереснейшие разработки Сперанского по этой проблематике, которые ждут своего исследователя. Увы, они не датированы, но по водяным знакам (филиграням на тряпичной бумаге) легко устанавливается год, ранее которого они не могли быть созданы: „О религии вообще“;[128] „Prima linea in Novum Testamentum“,[129] „Псалтирь для детей“,[130] выписки из „Теологии“ Фомы Аквинского.[131] В архиве Сперанского наличествуют также пространные рукописи, работа над которыми была начата на разных этапах изгнания и продолжилась после ссылки: заметки на тексты Ветхого и Нового заветов,[132] „Избранные места из творений Фаулера“.[133]

В трудах и заботах время текло незаметно.

Между тем в судьбе Сперанского назревали благодетельные перемены. В 70-ти верстах от Великополья находилось знаменитейшее имение А.А.Аракчеева - Грузино (на берегу Волхова) - столица пресловутых „военных поселений“, образцово спроектированное образцовыми архитекторами. Ниже пойдет речь о военных поселениях и об отношении к ним (вполне благодушном) нашего героя. После падения Сперанского и окончания европейской войны именно Аракчеев, преданно служивший еще императору Павлу, стал правой рукой Александра I, его ближайшим сотрудником и наперсником.

Скажем буквально несколько фраз об этом человеке. Фаворит двух императоров - трагическая фигура в русской истории, заклеянная и облитая презрительной ненавистью современников и историков. Никто никогда не вспоминает о нем как о фундаторе лучшей тогда в мире русской артиллерии, российской военной науки. Мало кто помнит о его личном бескорыстии (в эпоху тотальных, как всегда на родине нашей, взяточничества, мздоимства и коррупции). Разумеется, Аракчеев был тяжелым в общении человеком, резким, дерзившим самим самодержцам, прямым и грубым. Все это воспринималось как ужасающий диссонанс в мире придворных интриг, закулисных игр, явной и скрытой лести и сервильности. Военные поселения, скроенные Аракчеевым по образцу австрийского „ландвера“, были задуманы им как несомненная модификация крепостного права в русле его поэтапного ограничения и постепенной отмены (предполагался выкуп помещичьих имений в казну с обязательным наделением крепостных крестьян землей). Давным-давно забыт решительный поступок Екатерины Великой, запретившей в одночасье монастырское владение крепостными, отличавшееся невероятными злоупотреблениями. Монастырские крестьяне перешли в разряд государственных („экономических“) и воистину вздохнули с облегчением. Нечто подобное (отмена тяжелой зависимости от конкретного душевладельца) предполагалось и в проклятых историками военных поселениях...

Сперанский, выезжая из Великополья, несколько раз встречается с Аракчеевым в монастыре Саввы Вишерского и в главном соборе Грузина. Новый абсолютный фаворит императора, ранее недолюбливавший реформатора и противившийся его нововведениям, осознает, что грешно, глупо, невыгодно, в конце концов, гноить втуне государственный ум, опыт, несравненное административное дарование нашего героя. Аракчеев, всегда честно признававший умственное превосходство сосланного сановника, начинает (с подачи Сперанского) сложную интригу по возвращению того к практической деятельности. Они вступают в интенсивную переписку.

Обнадеженный и вдохновленный Аракчеевым, Сперанский начинает живо интересоваться политическими новостями (выписывает в деревню столичные газеты). Узнав из прессы о создании „Священного союза“ (октябрь 1815 г.), заключенного монархами России, Австрии и Пруссии, закрепившего раздел Европы после падения Наполеона (к союзу присоединилось подавляющее большинство больших и малых континентальных держав), Сперанский обращается к царю с очередным письмом (6 января 1806 г.), к которому присоединяет „Мысли и рассуждения о манифесте 25 декабря 1815 года“ [134] с политической (апологетической) оценкой этого важного для судеб послевоенной Европы события. Много испытавший, отправленный в изгнание (еще раз напомним: даже без формального следствия и судебного разбирательства), Сперанский делится с монархом своими рассуждениями о практике уголовных наказаний: „Законы уголовные в России довольно умеренны; но полиция сих законов весьма жестока: под сим разумеется образ содержания колодников, устройство темничное, смешение людей подозреваемых, обвиняемых и обвиненных, слияние разных степеней самого преступления, поведение низших правительств с преступниками, уже наказанными и долг свой правосудию уже заплатившими, наипаче же совершенное пренебрежение и отчуждение христианских утешений“.[135] Царь не ответил на письмо, но обратил на него внимание и запомнил. Аракчеев, изменивший свое отношение к Сперанскому после возобновления с ним личных отношений, в своих разговорах с царем всячески пытался обелить его, склонить Александра к милосердию, подвинуть самодержца к новому призванию знаменитого ссыльного на государственное поприще.[136]

Почувствовав благоприятную конъюнктуру, Сперанский обращается к всесильному фавориту с письмом из „Новгородского уезда в сельце Великополье июля дня 1816 /года; день (число месяца) не обозначен/, приложив к нему и личное послание к императору:

„Гнев Государя для всякого и всегда должен быть великою горестию. Об обстоятельствах, в коих я оному имел несчастье подвергнуться, безмерно увеличили его тягость. Время двукратной моей ссылки, особливо же последней из Нижнего в Пермь; образ, коим она была произведена; крутые и бесполезно жестокие формы, кои при сем исполнителями были употреблены; злые разглашения, везде меня сопровождавшие, все сие вместе поселило и утвердило общее мнение, что быв уличен или, по крайней мере, глубоко подозреваем в государственной измене, одним милосердием Государя я спасен от суда и последней казни. Таково точно есть положение, в коем я нахожусь четыре года с половиною. Я не утруждал Е/го/ В/еличество/ никакими жалобами, доносами, ожидая всего от Его собственного великодушия“. Изгнанник, сетуя на то, что время идет, многое забывается, важные свидетели умирают, опасается того, что „сойдет во гроб в виде государственного преступника“, оставив „дочери / своей/ в единственное наследство бесчестное и всех проклятий достойное имя“. Сперанский, горько жалуясь на личные обстоятельства, состояние здоровья, финансовые затруднения, горестно восклицает: „ /.../ у меня дочь невеста и кто же захочет или посмеет войти в родство с человеком, подозреваемым в столь ужасных преступлениях. /.../ Заслужил ли я сии ужасы? Надежда моя на правосудие и милосердие Государя непоколебимы, но чем более проходит времени, тем более последствия гнева Его тяготеют надо мною“.

Охарактеризовав свое положение, опытейший дипломат и царедворец переходит к резолютивной части, предназначенной лично царю, подсказывает пути разрешения весьма непростой ситуации:

„Есть два средства исторгнуть меня из сих действий:

Или дать мне суд с моими обвинителями. Есть ли обыкновенные судебные обряды покажутся для сего несвойственными, то Комиссия или Комитет, временно для сего поставленный, могли бы скоро все окончить. /.../ Или же, когда сие средство представится почему-либо не совместным: не возможно ли бы было решить все самым простым, хотя несравненно менее удовлетворительным образом: это есть оставить мне способ оправдать себя против слов не словами, а делами, отворив мне двери службы. В каком бы звании или степени гражданского порядка в столице ли или в отдалении, где бы и как бы ни угодно было Г/осударю/ И/мператору/ употребить меня, я смею принять на себя строгую обязанность точным и верным исполнением Его воли изладить все горестные впечатления, кои лично о свойствах моих могли бы еще в душе Е/го/ В/еличества/ оставаться. Есть точка зрения, в коей все случившееся со мною может представиться в виде менее крутом, нежели оно было на самом деле. В 1812 году по вошедшим донесениям Государь Им/ператор/ соизволил удалить Секретаря своего от службы - ныне по подробном рассмотрении найдя донесения сии недоказанными, Е/го/ В/еличество/ соизволяет его употребить-таки на службу. Тут ничего нет особенного или чрезвычайного“.[137] Второй пункт представляет собой мастерское изложение письменной мотивировки возможного возвращения Сперанского на государственную службу (император, отменив незаконную ссылку, никоим образом не терял „лица“).

Письмо Сперанского возымело скорые и чрезвычайно важные последствия. 30 августа 1816 г. (в день тезоименитства Александра I) Аракчеев торжественно известил затворника:

„Письмо вашего превосходительства Государю Императору я имел счастье представить, и Его Величество изволил читать не только оное, но и ко мне вами писаное. Какая же высочайшая резолюция последовала, оное изволите увидеть из прилагаемой копии указа, данного правительствующему сенату. Государю Императору приятно будет, если вы, милостивый государь, отправитесь из деревни прямо в назначенную вам губернию.

Указ Правительствующему Сенату.

Пред начатием войны в 1812-ом году при самом отправлении моем к армии доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалить от службы: тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого; к чему во всякое другое не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрениям. Поэтому, желая преподать им способ усердною службою очистить себя в полной мере, всемилостивейше повелеваю: тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому воронежским вице-губернатором. На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою: Александр. Верно: граф Аракчеев. Москва. Августа 30 дня 1816 года“.[138]

Текст указа принадлежит Аракчееву и Кочубею, которые всего лишь отредактировали „резюлютивную часть“ цитировавшегося письма изгнанника к царю. Именно в таком виде указ воспроизводится во всех послужных (формулярных) списках нашего героя (без упоминания Магницкого), но с существенным дополнением: „Вместе с тем повелеваю продолжить пожалованную ему аренду на следующие 12 лет и производить (сверх 3 т/ысяч/ жалованья и столовых по месту) тот оклад (по 6 т/ысяч/ р/ублей/ в год), которые ему с 17 марта 1812 года был производим“.[139]

Закончилось изгнание, но трагедия продолжилась. Царь, отменив ссылку, назначив Сперанского на важный государственный пост, опасается его; монарху, понимавшему вздорность обвинений сановника в государственной измене, неловко, неудобно, стыдно. Самодержец не хочет видеть Сперанского, воспрещает появление его в столице даже на короткий срок. Напомним фразу из письма Аракчеева, содержащую недвусмысленное предписание: „Государю Императору приятно будет, если вы /.../ отправитесь из деревни прямо в назначенную вам губернию“. Сперанский как бы и оправдан и как бы оставлен под неким туманным, совершенно невнятным „заподозриванием“. „Причин к подозрениям“ нет, однако требуется „очистить себя“ „усердною службою“. Клеймо изгнанничества и изгойства навсегда осталось на Сперанском. В новое царствование, получая из рук Николая I знаки „отличия беспорочной службы“, Сперанский всегда тяжело уязвлялся тем обстоятельством, что годы ссылки никогда не засчитывались в счет лет его государственного служения.

Получив копию императорского указа, Сперанский без особого промедления отправляется в Пензу. Вдогонку ему из первого департамента Правительствующего Сената был направлен новый указ от 26 сентября 1816 г., дословно повторяющий все положения рескрипта от 30 августа, с припиской: „Правительствующий Сенат приказали: Сие Всемилоостивейшее Его Императорского Величества повеление объявить с приведением к присяге“,[140] из которой неизбежно вытекает, что Сперанский на новом месте службы вторично присягал императору Александру Павловичу.

К месту нового служения Сперанский, посетив Москву, Черкутино и Владимир, прибыл 19 октября. Он писал Елизавете, оставшейся в Великополье: „Пенза 22 октября 1816. Третьего дни, в три часа утра наконец достиг я Пензы. В 7 часов я был уже в мундире и на службе. Стечение зрителей необыкновенное. В крайней усталости Господь дает мне силы. Доселе все идет весьма счастливо. Кажется, меня здесь любят. Город, действительно, прекрасный. /.../ Приносят с почты письма; множество вещей приятных от друзей из Петербурга - но от тебя ни строчки. Это не упрек и не жалоба /.../“.[141] После внезапного назначения Сперанского на губернаторский пост виднейшие сановники, еще недавно открыто презиравшие изгнанника, четыре с половиной года назад отшатнувшись от него как от носителя „крамольной чумы“, сочли нужным срочно послать ему сервильно-фальшивые письма с поздравлениями и льстивыми уверениями в вечной дружбе. Например, Д.П.Трошинский, в прошлом - начальник нашего героя, а ныне - министр юстиции - писал Сперанскому 16 октября: „/.../приемлю сей случай

для принесения вам, милостивый государь мой, искреннего приветствия со вступлением вновь на путь государственного служения, на котором известные достоинства ваши, конечно, возвратят вам в полной мере доверенность Монарха“.[142]

Сперанский, отринув недавние мечты о полном затворничестве в деревенской глуши, с головой уходит в работу.[143] Он модернизирует систему делопроизводства, уделяет огромное внимание борьбе с коррупцией, покровительствует созданным его трудами народным училищам. Опытный администратор принимает на службу новых людей, обращая внимание не на их происхождение и связи, а на личные качества и способности. Так, он принимает в свою канцелярию (личным секретарем) безродного пензенского семинариста Козьму Григорьевича Репинского (1796-1876; дослужился до чина действительного тайного советника), ставшего верным помощником нашего героя на долгие годы, свято сохранившему благодарную память о патроне и много сделавшему для ее увековечивания.

Разумеется, губернаторское кресло было узким, жестким и тесным для Сперанского, привыкшего к деятельности общеимперского масштаба. Однако он с воодушевлением занимался губернскими делами, снискав любовь и уважение у местного чиновничества, дворянства и простых горожан.[144] Служба оставляла достаточно времени для личных занятий. Добросовестный биограф фиксирует: „Здесь в течение трех месяцев выучился он по-немецки так хорошо, что мог читать и объяснять Клопштока и Шиллера; с тех пор он постоянно следил все главные направления немецкой литературы. Вообще он был чрезвычайно силен в языкознании“.[145] В письме к дочери от 31 октября 1816 г. он жалуется на временную „разлуку с моими греческими и еврейскими седыми бородами“.[146]

Конечно, Сперанский не был рядовым губернатором, слепо подчинявшимся столичным циркулярам и славшим ко двору рабские отчеты. Он вступает в интенсивную переписку с министром финансов Д.А.Гурьевым, которая заслуживает самого пристального внимания историков финансовой и кредитной системы Российской империи.[147] Министр советуется с пензенским губернатором по важнейшим вопросам (государственные кредиты, долги России иностранным кредиторам, „винная часть“, т.е. производство и продажа алкогольной продукции, добыча золота и серебра, „выделка монеты“ и т.д.), получая в ответ исчерпывающие консультации. В письме от 16 июля 1817 г. министр откровенно признавался пензенскому губернатору: „В 1810 году вас и меня поставляли виновниками быстрому тогда возвышению ажио /так! / на серебро /.../. Все, чего кажется оставалось желать, ограничивалось тем, дабы сколько возможно сохранить достоинство ассигнаций до благоприятнейших обстоятельств: в чем довольно и успели; ибо 4-х рублевая цена ассигнациям на серебряный рубль постоянно удержана в течение 7-ми лет. Вы сему главным были виновником, споспешествовав в /1/811 году к умножению налогов и усилив тем государственный доход гораздо выше моих предположений“.[148] Граф-финансист аргументированно дезавуирует одно из главных обвинений, возведенных на Сперанского врагами и завистниками. Соображения Сперанского по финансовым вопросам Гурьев регулярно докладывает царю, который внимательнейшим образом прислушивается к квалифицированным советам своего прежнего сподвижника.

Государь по достоинству оценил финансовые консультации Сперанского, пожаловав ему 23 января 1818 г. „5 т/ысяч/ десятин земли в Саратовской губернии“,[149] присвокупив 17 июля 1819 г. к уже подаренным землям еще „пять тысяч десятин /.../, пашни 350 десятин и лесу дровяного 768 десятин“ в Хвалынском уезде той же губернии.[150] Сперанский, полагая, что пробудет губернатором достаточно долго, купил в Пензенской губернии (еще весной 1817 г.) имение Хоненевку, став полновластным землевладельцем на территории, вверенной его попечению.[151]

В письмах Сперанского, наученного горьким опытом изгнанничества, проскальзывают униженно угодливые ноты и обертона, однако и в придворной (притворной?) лести он сохраняет благородство и независимость души. Следует согласиться с выводом исследователя политических воззрений мыслителя: „Нам представляется /.../ весьма несправедливым, когда

Сперанского обвиняли (а иногда обвиняют и теперь) в том, что падение способствовало резкому изменению его взглядов. /.../ к чести Сперанского следует сказать, что если он и падал духом, то в нем всегда таилась и искра веры и надежды в свои политические убеждения“. Далее М.В.Довнар-Запольский приводит отрывок из пензенского письма Сперанского к другу А.А.Столыпину - ответа на слухи о реформах: „Очистите часть административную. Потом введите установительные законы, т.е. *свободу политическую* и затем постепенно приступите к вопросу о *свободе гражданской*, т.е. к свободе крестьян. Вот настоящий ход дела“.[152] Превратности судьбы не смогли поколебать убеждений Сперанского, он остался верен своим идеалам.

Одиночество Сперанского скрасило длительное пребывание дочери (с 20 июня 1817 по 1 октября 1818 г.). Летом 1817 г. В Пензу приезжал Магницкий - старый друг, домашний человек, товарищ по несчастью, отбывший свою ссылку и вернувшийся к государственной деятельности. 12 сентября 1817 г. он писал Сперанскому: „Я так привык любить вас, что не могу быть покоен, как скоро хоть пылинка лежит на дружбе нашей. Благодаря Богу мы ее сняли. Пребывание мое в Пензе будет для меня незабвенно“.[153]

Сперанский, душу которого терзали воспоминания об удалении из столицы и долгой ссылке, много сил потратил на организацию продажи петербургского дома и новгородского имения. Он хотел избавиться от недвижимости, с которой связывал тяжкие переживания: арест, безвинное заточение. хлопоты заняли несколько лет, но увенчались успехом. И дом, и имение были проданы. В делах по продаже Великополья самое активное участие принял (с ведома, разрешения и одобрения царя) Аракчеев. Имение было куплено казной (весной 1819 г. под военное поселение) за 140 тысяч рублей; благодарные крестьяне в память о барине переименовали Великополье в Сперанку.

Успешно справляясь со служебными обязанностями, Сперанский продолжал и свои научные штудии. Так, по поводу возникшей возможности издать перевод трактата Фомы Кемпийского Сперанский писал 28 января 1818 г. виднейшему масону, издателю „Сионского вестника“ А.Ф.Лабзину: „Еще более благодарен вам за предложение ваше об издании перевода моего о Подражании. /.../ Последовало Высочайшее соизволение напечатать на счет Кабинета /еще одна императорская милость!/ /.../ Между тем при переписке и при чтении замечены были людьми сведущими в переводе первых трех частей разные неровности и недостатки единообразия в слоге, я истребовал сюда, чтоб пересмотреть и исправить. Вместе с тем прислали ко мне и латинское парижское 1810 года издание, прекраснейший стереотип, несравненно исправнейший, нежели тот латинский экземпляр, с коего я переводил. Таким образом, работа удвоилась, но я близок уже к концу“.[154]

Сохранилась также писарская копия его рукописи „О цели общества и наук“, выправленная и заверенная К.Г.Репинским 20 января 1819 г. Отмечая наличие двух мировоззренческих (шире - поведенческих) систем: „западной или деятельной и коммерческой, и восточной или созерцательной и тихой“, Сперанский констатирует: „Общество благоустроенное ставит человека в независимость от климата, от страстей человеческих, от собственной его слабости и разврата. Оно не делает его добродетельным и святым, но поставляет в преддверии святости и добродетели“.[155]

Жизнь Сперанского в Пензе вошла в привычную и удобную колею, дела шли весьма удачно.[156] Губернатор знал из переписки, из переданных ему устных рассказов, что царь доволен его служением (это подтверждалось оказанными монархом милостями). 4 февраля 1819 г. пензенский губернатор обратился к самодержцу с очередным письмом, в котором попросил об отпуске в Петербург („по домашним делам“). В течение долгих лет император не отвечал на письма Сперанского, прибегая к эпистолярным услугам Балашова, Аракчеева и иных лиц. На сей раз Александр лично ответил Сперанскому, но так, что вновь ввергнул того в смятение и тревогу:

„Царское село 22 марта 1819.

Михаил Михайлович! Более трех лет протекло с того времени, как призвав вас к новому служению, вверил я вам управление Пензенскою Губернией. Открыв таким образом дарованиям вашим новый путь соделаться полезным отечеству, не преставал я помышлять о способе, могущем изгладить из общих понятий прискорбные происшествия, последовавшие с вами в 1812-м году, и столь тягостные моему сердцу, привыкшему в вас видеть одного из приближенных себе. Сей способ, по моему мнению, был единственный, то есть, служением вашим дать вам возможность доказать явно, *сколь враги ваши несправедливо оклеветали вас*. Иначе призыв ваш в Петербург походил бы единственно на последствие дворских изменений и не загладил бы в умах оставшиеся неприятные впечатления.

Управление ваше Пензенскою губернией и общее доверие, кое вы в оной приобрели, будет полезным началом предлагаемого мною способа. Но желание мое стремится к тому, дабы открыть служению вашему обширнейшее поприще, и заслугами вашими дать мне явную причину приблизить вас к себе.

Ныне предстоит для исполнения сего наилучшая удобность.

С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края. Разные жалобы присланы ко мне на Губернские начальства и на потворное покровительство, оказываемое оным самим Генерал-Губернатором. Быв рассмотрены в Комитете министров, они показались столь важны, что предложена мне оным посылка сенаторов для обревизования Сибирских губерний.

Имеv уже неоднократный опыт, сколь мало подобные ревизии достигают своей цели; кольми паче нельзя ожидать лучшего успеха в столь отдаленном и обширном крае. По сему нашел я полезнейшим, облеча вас в звание Генерал-Губернатора, препоручить вам сделать осмотр Сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления в виде Начальника и со всеми правами и властью, присвоенных званию Генерала-Губернатора.

Исправя сею властью все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и, сделав оному начертание на бумаге по окончании занятий ваших, самим лично привезти оное ко мне в Петербург, дабы имел я способ узнать изустно от вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние.

По моему исчислению возлагаемое на вас препоручение может продлиться года полтора или по большой мере два. Сего времени я полагаю достаточным вникнуть вам во все подробности сибирских дел и сообразить с точностию лучший порядок ко введению в сии отдаленные губернии.

Таким образом, я надеюсь, что устройство сего Генерал-Губернаторства, вами заведенное и которое в начертании вы мне представите по приезде вашем в Петербург, поставит меня в возможность назначить вам преемника с уверенностию о продолжении благосостояния Сибири. Вам же предоставляю я себе дать тогда другое занятие, более сходное тому приближению, в коем я привык с вами находиться. Пребываю же всегда вам доброжелательным Александр. Царское село. Марта 22-го 1819-го года“.[157]

Через два дня Аракчеев выслал Сперанскому копию Высочайшего распоряжения (датированного тем же днем, что и письмо царя опальному царедворцу): „Указ Правительствующему Сенату. Пензенскому гражданскому губернатору Тайному Советнику Сперанскому всемилостивейше повелеваем быть сибирским генерал-губернатором. На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою: Александр. Верно: граф Аракчеев. Царское село. Марта 22-го 1819-го года“, присоединив собственную резолюцию: „ /.../равномерно получите вы с тем же фельдъегерем от Его Величества 10 000 рублей на подъем“.[158]

Сперанский был потрясен. Сбылись предчувствия, мучившие его с 17 марта 1812 г.: его отправляют в Сибирь. Конечно, он едет туда генерал-губернатором с практически неограниченными полномочиями, фактически в ранге полновластного наместника царя, но мысль о Сибири - области вечной ссылки вечных политических ссыльных - вызывала смертный ужас у жителей европейской части страны. Однако и новый удар судьбы Сперанский вынес достойно, хотя опять надолго откладывалось вымечтанное им возвращение в столицу.

Письма от царя и Аракчеева Сперанский получил 31 марта в „четыре часа пополудни“. На следующий день он писал дочери: „Что сказать Тебе о новом ударе бурного ветра, который вновь нас разлучает по крайней мере на год. Думаю однако же, что Господь даст мне силы перенести и сие огорчение, по всей вероятности, последнее“.[159] 5 апреля Сперанский отправил разным лицам письма, в которых недвусмысленно оценил свое новое назначение. Так, он писал министру финансов: „В течение нынешнего лета я надеялся иметь удовольствие принести Вашему Высокопр/евосходительству/ лично мою благодарность за все знаки доверия и внимания, кои в продолжение трех лет непрерывно от вас видел. Судьбе угодно было расположить иначе; вместо Петербурга я нынешним же летом должен быть в Иркутске. По множеству причин отправление сие для меня горестно. После всего, что я испытал, мне простительно видеть вещи с самой мрачной их стороны, но да будет во всем воля Божия!“[160]

Все в тот же день (5 апреля) Сперанский писал царю: „Скажу искренно: не без горечи отправляюсь я в Сибирь; но если бы не имел я дочери, все места, где мог бы я быть Вам угодным, были для меня равнодушны“.[161] В письме к Аракчееву, отправленном с тем же фельдъегерем, Сперанский куда более откровенен: „И неблагодарно и грешно было бы мне уверять вас, что я принял новое назначение мое без горести. /.../ публика знает только два слова: отказ в отпуске и удаление! Я очень обманусь, если голос сей не будет общим“.[162]

Аракчеев, несомненно, прочитал письмо Сперанского царю, который попросил своего товарища по мистическим штудиям, министра духовных дел и народного просвещения князя Александра Николаевича Голицына (1773-1844) успокоить и обнадежить сибирского генерал-губернатора. Министр писал Сперанскому 22 апреля 1819 г.: „Государь Император, видя из ответа вашего к графу Аракчееву предположение ваше о мнении публики на счет вашего назначения, поручил мне вас удостоверить, что оное произвело вообще хорошее действие. Иные приписывали отличной доверенности к вам поручение края, столь требующего всего попечения Государя по многим отношениям; другие находили, что сие назначение будет иметь для сибирских губерний самые благодетельные последствия“.[163]

Лишь умный, ироничный, честный, проницательный граф Кочубей, испивший горькую чашу многолетней отставки, в письме к Сперанскому от 22 апреля того же года прямо, без обиняков обнажает тайную пружину интриги, осуществленной в отношении пензенского, а ныне сибирского губернатора: „Я часто давал себе отчет о причинах, заставляющих держать вас в удалении, и всегда терялся в заключениях моих. Сомнения никакого нет, чтоб расположения Его Величества не были к вам самые благоприятные. Он, как я слышу, всегда отзывается об вас с большою похвалою и отдает вам полную справедливость. При таковых чувствах и при недостатке способных людей как бы казалось не отыскивать их везде; но тут-то и большая загадка, тут-то все и теряются. Иные заключают, что Государь именно не хочет иметь людей с дарованиями, дабы не относимо было им что-либо по управлению или иным мерам“.[164] Лучше не скажешь...

Сперанский, собираясь в дорогу, начинает готовиться к новому поприщу. Пензенская губерния, обустроенная, относительно процветающая, с компактным населением не шла ни в какое сравнение с Сибирью - плохо изученной в это время гигантской малонаселенной территорией площадью в 10 миллионов квадратных километров. В XVII-XVIII веках этим малоисследованным в ту эпоху девственным краем управлял Сибирский „приказ“. Сибирские губернии (Тобольская, Томская и Иркутская) были учреждены лишь в 1800 г. В 1806 г. (вместо уволенного в отставку И.О.Селифонтова) „генерал-губернатором Иркутским, Тобольским и

Томским“ был назначен член Государственного совета, тайный советник Иван Борисович Пестель (1765-1843; отец декабриста П.И.Пестеля, позорно отказавшийся впоследствии от казненного сына). Поражает тот факт, что Пестель управлял Сибирью из столицы, где он постоянно проживал. Посадив на местах преданных опричников (гражданских губернаторов и лично преданных ему чиновников), он правил совершенно бесконтрольно, творил беззаконие, произвол, поборы и форменный грабёж обывателей, жестоко преследовал жалобщиков и челобитчиков. Слухи о его противоправных действиях достигли высших петербургских сфер, император вынужден был направить с инспекцией двух сенаторов. После их разоблачительных докладов Александр I решил направить в Сибирь Сперанского для наведения строгого (по возможности) порядка.

Сперанский начал собираться в дальнюю дорогу. Спутниками его стали К.Г.Репинский и подросток Жорж (Егор Егорович Вейкардт (Вейкарт; сын М.К.Вейкардт, подруги покойной жены сановника). 29 апреля пензенское „дворянство и купечество“ дали прощальный бал в честь покидающего их гражданского губернатора в зале дворянского собрания, украшенного транспарантом:

Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого и Крез не собирал“.[165]

Губернию он оставил в управление своему старому товарищу Федору Петровичу Лубяновскому, сенатору, мистика и визионеру (1777-1869).[166]

6 мая (некоторые биографы ошибочно называют 7 мая) после торжественного завтрака и молебна Сперанский отправился в беспрецедентное „путешествие“ (его собственные слова) протяженностью в 20 тысяч верст. Сибирские маршруты Сперанского легко реконструируются по дневниковым записям, которые он аккуратно вел в дороге,[167] а также по письмам к дочери. Если по европейской части России Сперанский ехал неспешно, то за уральским хребтом он перемещался стремительно, делая по 200-300 верст в сутки (много раз в день менял лошадей, ел и спал, не раздеваясь, в карете, что было физически чрезвычайно изнурительно).

Итак, Пенза - Казань (посещение университетской библиотеки)[168] - Пермь. Губернатор и местное чиновничество, несколько лет назад самозабвенно травившие изгнанника, на сей раз встретили облеченного властью сибирского генерал-губернатора подобострастно, устроили в его честь бал с льстивыми речами и тостами. Сперанский с горечью писал дочери 18 мая : „Я в Перми и ты можешь себе представить, любезная Елизавета, всю странность, всю противоречивость моих впечатлений. Это есть место моих страданий, училище терпения, покорности и душевного величия“.[169]

21 мая генерал-губернатор достиг Екатеринбурга. На следующий день он уже был в Тюмени (фантастическая по тем временам скорость передвижения). Сперанский оставил колоритное свидетельство о посещении этого города: „Купечество изрядное: поднесли хлеб на серебряном блюде. Хлеб принят, а блюдо возвращено“.[170] Присутствовавшие были поражены бескорыстием посланца императора, привыкнув к бессовестным поборам „властей предержавших“.

24 мая Сперанский прибыл в Тобольск, официально вступив в должность, и пробыл там месяц. Генерал-губернатор уволил 9 „комиссаров“ за злоупотребления, освободил несчастного „безвинного узника“, по прихоти Пестеля проведенного в заключении 12 лет, навел относительный порядок в чрезвычайно запущенном губернском делопроизводстве. Впрочем, деятельность тобольского губернатора Ф.А.Брина Сперанский (в сравнении с другими

губернаторами) расценил как относительно удовлетворительную. 30 июня он прибыл в Омск, где провел ревизию школ и училищ, посетил острог. 5 июля Сперанский достиг Томска. Люди, почувствовав силу нового генерал-губернатора, начали жаловаться ему (с большой опаской) на творимые местными властями беззакония. Сперанский все фиксировал (в этом помогала его походная канцелярия, прибывшая 27 мая) и запоминал. В Тобольске Сперанский вступил в члены Библейского общества, состоявшего под покровительством императора. Библейское общество занималось пропагандой христианства среди инородцев, в частности, переводом новозаветных текстов на „остяцкий и самоедский языки“. В этом же городе состоялась важная в жизни Сперанского встреча: могущественный администратор познакомился с молодым капитаном корпуса путей сообщения Гавриилом Степановичем Батеньковым (1793-1863), участником войны 1812 г. и заграничного похода русской армии, будущим декабристом. Батеньков своим умом и образованностью произвел на Сперанского такое впечатление, что тот не просто взял его в свой аппарат, но сделал домашним человеком.

26 июня Сперанский (вместе с Батеньковым, Цейером и Жоржем) покинул Тобольск. 29-30 он был в Омске. 1 июля генерал-губернатор пересек административную границу Томской губернии, где его встретили крестьяне, наслышанные о новом начальнике, обратившиеся к нему с застарелыми жалобами. Сперанский буквально в Барабинской степи „отрешает“ от должностей местного исправника и комиссара, причем обязывает их возместить крестьянам незаконно взысканные (просто отнятые) деньги.

5 июля Сперанский - в Томске, где губернаторствовал Д.В.Илличевский, товарищ генерал-губернатора по Главной семинарии. Назначенный на пост по протекции Сперанского, Илличевский отличился тем, что по дороге в Сибирь, проезжая через Пермь, приказал не останавливать карету и проехать мимо вышедшего встречать его опального однокашника. Томский губернатор совершал вопиющие преступления во время своего правления. Сперанский все тщательно расследовал, послал следственные комиссии в Нарым, Енисейск и Туруханск. 31 июля, еще не добравшись до Иркутска, но получив достоверные сведения о превосходящих разуме злоупотреблениях тамошнего губернатора Н.И.Трескина, Сперанский обратился к царю об отстранении томского и иркутского губернаторов: „По общей инструкции сибирскому генерал-губернатору предоставлено /право/ сменять, удалять и отрешать чиновников, коих определение зависит от правительствующего сената; о высших же чиновниках губернских /.../ велено представлять на дальнейшее /Высочайшее/ усмотрение“.[171]

Бумаги шли долго (фельдъегери везли их на лошадях через полмира). В сентябре император ответил сибирскому генерал-губернатору: „Михайло Михайлович! Гражданских губернаторов, иркутского Трескина и томского Илличевского, предоставляю вам, впредь до окончательного усмотрения, устранить на время от управления губерниями, если по производству дел и вверенному вам обозрению вы найдете сие нужным; исправление же должности их можете вы поручить на время вице-губернаторам. Пребываю /к/ вам благосклонный. Александр. Вильна. Сентября 17-го 1819 г.“.[172] Сперанский получил письмо 20 октября (уже в Иркутске) и тотчас же отстранил преступных администраторов. Когда о Высочайшем рескрипте узнали Пестель и его клеветы, это явилось для них сокрушительным ударом; Пестель принялся в петербургских сферах всячески интриговать против своего теперь уже заклятого врага.

3 августа Сперанский покидает Томск. Путь его через Ачинск и Енисейск лежит в Красноярск, куда он приезжает 11 августа. С места в карьер генерал-губернатор снимает с постов трех комиссаров, которых принуждает выплатить „обиженным“ по 5 тысяч рублей. Через день Сперанский вновь трогается в путь. 16 августа Сперанский арестовывает в Нижнеудинске тамошнего легендарного исправника Лоскутова („первого министра Трескина“), возившего с

собой по деревням воз розог для сечения свободных сибирских крестьян, изымает у него 80 тысяч награбленных рублей. Изумленный масштабом лихоимства, Сперанский пишет дочери из Нижнеудинска: „Здесь-то настоящая Сибирь и здесь-то наконец чувствую, что Провидение, всегда правосудное, не без причины меня сюда послало. Я был здесь Ему действительно нужен, чтоб уменьшить страдания, чтоб оживить надежды, почти уже исчезающие, и ободрить терпение, слишком утомленное. Через два или три дни /так !/ мы отправляемся в Иркутск /.../ пятьсот верст, два дни пути по-здешнему“.[173]

29 августа генерал-губернатор попадает наконец в Иркутск, где задерживается на четыре с половиной месяца. Сперанский и его помощники неустанно занимаются служебными расследованиями, вскрывая новые факты притеснений и поборов. В Иркутске Сперанский получает приятное известие о том, что Императорская /Петербургская/ академия наук 12 мая 1819 г. избрала его своим почетным членом. [174] В Иркутске же Сперанский узнает и о выходе в свет его перевода трактата Фомы Кемпийского. 10 декабря он пишет дочери: „Мое намерение было издать сей перевод так, чтоб никто не знал и не подозревал моего имени. /.../ Во время гонения меня между прочими нелепостями подозревали в безбожии или по крайней мере деизме. В ответ я указал на сей перевод, который взят был и хранился вместе с моими бумагами. /.../ Книга прекрасная, а перевод отличается тем от всех прочих переводов, что он отменно близок и почти буквальный; со всем тем мне жаль, что все это огласилось“.[175]

Масштаб сибирских деяний Сперанского поражает воображение. Помимо следственной и фискальной работы,[176] он занимается множеством важнейших дел: хлебными запасами, винокурением, путями сообщения, расселением ссыльных, соляными промыслами, переселением из европейской части казенных крестьян, замирением инородцев, пропагандой среди них христианства, строительством, устройством казачьих команд, государственными и частными заводами, сбором податей, обменом ассигнаций, народным образованием, организацией китобойного промысла, экспедиций к Ледовитому океану и на Камчатку, народным образованием, руководством дипломатической миссией в Пекине, делами Российско-Американской компании и т.д.[177] Скрупулезный исследователь приводит рассказ свидетеля событий (Н.П.Булатова), записанный им 15 февраля 1868 г. о благотворном воздействии Сперанского на судьбы далекого края: „Личность его производила самое благодатное впечатление: светло-голубые глаза, симпатичное ангельское выражение лица; обращение доброе, кроткое - совсем не то, что было до него. Он был из поповичей - но в нем этого вовсе не было заметно: до такой степени изящны, утонченны были его манеры. Управлял он уже в новом духе. По моему мнению, приезд Сперанского произвел в Сибири переворот во всех отношениях. /.../ Законы Сперанского имели влияние на Сибирь в том отношении, что ограничивали деспотизм. В старину царствовал совершенный произвол; со времен Сперанского этого уже не было. Он внес новый дух в управление“.[178] Прекрасные слова благодарного современника.

Многие ставили Сперанского в один ряд с Ермаком, покорившим отдаленный край русской короне: „Как новый Ермак, он присоединил Сибирь к общему порядку и благоустройству Империи“[179]. „Назначенный генерал-губернатором Сибири, он своею организаторской деятельностью, можно сказать, вторично приобрел для России этот дотоле мало устроенный край“[180]. Ермак покорил Сибирь силой оружия, Сперанский - силой закона.[181]

В непосильных для заурядного человека трудах прошел 1819 год, наступил 1820-ый. Сперанский встретил новолетие в Иркутске - неофициальной столице девственного края. 30 января генерал-губернатор обратился к царю с донесением о преступлениях, вскрытых двумя „следственными комиссиями“ в трех сибирских губерниях, с информацией об отрешении от должности и предании суду чиновников. Особое внимание государя он обращает на „1. Злоупотребления в порядке заготовления хлеба для магазинов провиантских, винокуренных и запасных. 2. Злоупотребления в порядке земских повинностей, в налогах и поборах, особливо ясашных. 3. Злоупотребления в движении внутренней промышленности и торговли и введение

правил, противных пользам их и свободе“. Вывод Сперанского: „Число людей, прикосновенных в разных степенях, составляет до 216 человек! Сумма одних частных взысканий простирается свыше двух миллионов“.[182] Успешно осуществив свою многотрудную миссию, Сперанский надеется на скорое возвращение в Петербург (хотя бы в европейскую часть империи).

28 января он пишет дочери пространное письмо, в котором, помимо развернутой оценки творчества драматурга Владислава Александровича Озерова (1769-1816), впервые сообщает о своем желании оставить службу: „Лишь бы была свобода жить, где пожелаем. А сей свободы, кажется, лишить меня теперь невозможно. Хотя публичное мнение в России еще весьма молодо: однако же оно существует и знаю, что оно в мою пользу“.[183] К прискорбию, изгнанник, облеченный властью, но все равно изгнанник, заблуждался...

13 февраля Сперанский отправился в Кяхту (через Байкал - Верхнеудинск - Селенгинск) - на китайскую границу.[184] Отметим, что впервые за вековую историю Сибири чиновник такого высокого ранга посещал столь удаленные от центра края. Из Кяхты он отбыл в Нерчинск, побывав в Чите, вернувшись в Иркутск 10 марта. 17 марта в „роковой день“ он писал дочери: „Покорность и гибкость вот все, что нам осталось. Всякий ропот есть бунт против Провидения“.[185] Через два месяца Сперанский предпримет (может быть, первый раз в жизни) попытку бунта.

25 апреля Сперанский записывает в дневнике: „/.../получено письмо графа В.П.Кочубея от 8 марта с означением Высочайшей воли, чтобы я с делами сибирскими прибыл в Петербург в исходе октября сего года“.[186] Генерал-губернатор был чрезвычайно обрадован этим известием, окрылен, воодушевлен надеждами на скорое завершение восьмилетнего изгнания. Однако император (в течение 12 дней) коварно изменил свое решение, о чем Сперанский узнал 7 мая. В этот день он пишет в дневнике: „При письме князя Голицына /получен/ рескрипт от 20 марта, коим возвращение мое отложено до исхода марта будущего 1821 /г./“.[187]

Александр Павлович извещал сибирского генерал-губернатора: „/.../По окончании возложенного Мною на вас поручения ожидаю Я возвращения вашего /.../. Рукоположите путь ваш таким образом, чтобы прибыть в Санкт-Петербург к последним числам марта будущего года“.[188] Горю Сперанского не было предела, вновь он почувствовал себя безвинно униженным и бессовестно обманутым. Дело свое в Сибири он завершил, доложил монарху о его исполнении, и вдруг новый и такой неожиданный удар.

15 мая в полном отчаянии он пишет дочери, решившись на „бунт“: „Отсрочка сия и сама по себе горестна; но горестнее еще по смыслу, который, она впоследствии иметь может. Если без всякой видимой причины могли отсрочить до будущего марта: то могут отсрочить еще на год и так далее. /.../ Посему я решился сделать следующее: *во-первых*, с сим же фельдъегерем пишу и к Е/го/ В/еличеству/ и к министрам, что отсрочку сию я принимаю в точном смысле удаления. *Во-вторых*, чрез месяц или два посылаю прошение в отставку, о чем ныне же и предваряю графа Кочубея. /.../ Отставки, вероятно, не дадут; по крайней мере почувствуют, что нельзя никого держать генерал-губернатором поневоле и, следовательно, скорее на что-нибудь решатся. Впрочем, я исчислил все последствия. Если меня и уволят от службы: ни ты, ни я ничего не потеряем. Ничего существенного. Время то прошло, когда могли меня теснить по произволу: ибо всему есть конец, даже и народным заблуждениям и моему терпению“.[189] Бунт, правда, состоялся только на бумаге. Никому ничего в этот день Сперанский не написал. Несколько дней он провел в тяжелых раздумьях о том, что предпринять, как ответить царю и его присным на незаслуженное оскорбление. Царский фельдъегерь покорно ждал.

20 мая Сперанский, собрав всю волю, сдержав и переселив себя, написал три письма. В послании царю Сперанский дипломатично проявил смирение, хотя и выразил свои боль и обиду: „Мне остается сожалеть, что я или не умел представить ни моего положения, ни положения здешних дел в истинном их виде, или не заслужил доверия к моим объяснениям. Остается желать, чтоб силы мои достаточны были прожить здесь еще почти год, без всякой впрочем вероятной пользы: ибо управлять без людей, без средств и без моральной власти никому и нигде невозможно. Но если и сия жертва нужна, я приношу ее с глубоким чувством прискорбия, но с покорностью и благоговением“.[190] Совсем не верноподданнейшая тональность.

В письме к князю Голицыну Сперанский обращает внимания на бессмысленность с позиции дела продления его изгнания: „/.../мне остается влачить здесь почти целый год в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я могу их остановить, но не истребить: ибо порядок управления, краю сему свойственный, остается тот же; исправить его я не могу; люди остаются те же, переменить их некем“.[191]

А вот в откровенном письме к графу В.П.Кочубею от того же числа (20 мая) изгнанник дает выход своим ярости и гневу: „Из полуофициального моего письма изволите усмотреть, каким образом первое движение Государя, всегда мне благотворное, успели переменить,[192] точно так же, как и в Перми первое движение, мне с достоверностью тогда означенное, было вызвать меня в Петербург, второе проводить меня за присмотром в деревню. /.../ мудрено ли в течение девяти месяцев найти причину и наконец решиться вовсе заточить меня в Сибири /.../. Если отставка последует, то вероятно с запрещением въезда в столицы, и я отправлюсь умирать в Пензу. /.../ если не дадут отставки, то по крайней мере сим я решительно заявлю, что служу здесь поневоле, а сделать поступок мой гласным я всегда имею способы; пусть же знают, что девять лет, без суда и малейшего обвинения, влача меня по всей России, наконец заточили в Сибирь. Сей пример, если не для меня, то для других пригодится“. И все же Сперанский не решился потребовать отставки. В конце письма он в одной фразе очертил бытовые условия своего жительства в столице Сибири: „Дому нет ни в одной из трех губерний; в Иркутске осталась одна развалина, 13 лет никем уже не обитаемая; везде помещение самое скудное; морозу 40 градусов; всю зиму я в двух комнатах и не выходил из теплых сапогов“.[193]

Скрепя сердце, Сперанский продолжил управление Сибирью. Прожив почти год в Иркутске, он отправляется в новое „путешествие“. Выехав 1 августа, он следует маршрутом: Томск-Барнаул-Змеиногорск-Семипалатинск-Омск. 8 октября он вторично прибывает в Тобольск, где остается до 8 февраля 1821 года.

16 октября он пишет дочери письмо, в котором упоминает главную литературную сенсацию года - вольнодумно-пародийную поэму А.С.Пушкина „Руслан и Людмила“, вызвавшую бурную полемику: „Руслана я знаю по некоторым отрывкам. Он /Пушкин/ действительно имеет замашку и крылья гения. Не отчаивайся; вкус придет; он есть дело опыта и упражнения. Самая неправильность полета означает тут силу и предприимчивость. Я так же, как и ты, заметил сей метеор. Он не без предвещения для нашей словесности“.[194]

Любопытный факт: в Тобольске Сперанский занимается расследованием деятельности местной масонской ложи, результаты которого отправляет в Петербург.[195] Большое внимание в последние месяцы своего сибирского „сидения“ Сперанский уделяет облегчению положения инородцев (прежде всего киргизов (казахов), которые из-за невыносимых притеснений и поборов вынуждены были откочевывать в Китай).[196] Однако сердце Сперанского рвется в столицу, к любимой дочери, которой он столь давно не видел.

8 февраля 1821 г. Сперанский, завершив Сибирскую эпопею, выезжает из Тобольска. Маршрут его стремителен: делая в сутки по 300 верст, он проезжает Екатеринбург (11 февраля), Пермь (15 февраля), Казань (17 февраля), Симбирск (19 февраля). 25 февраля он прибывает

в полюбившуюся ему Пензу, где останавливается на отдых, встречается с начальством и горожанами. 6 марта он покидает гостеприимный город, где хорошо помнят прежнего гражданского губернатора, и через Козлов и Тамбов 11 марта прибывает в Рязань. В этом городе губернаторствовал тогда старинный враг Сперанского А.Д.Балашов, который, заискивая теперь перед сибирским генерал-губернатором, устраивает в его честь обед. Во время приема Балашов сообщает Сперанскому полуправдивые сведения о причинах „падения“ и ссылки нашего героя. Отводя свою причастность к этим трагическим событиям, Балашов перекладывает всю вину на Армфельта, чей „удар“ был направлен не только на Сперанского, но и на министра финансов графа Гурьева и на самого рязанского губернатора. [197]

14-17 марта Сперанский провел в Москве. 22 марта он прибыл в Царское село, где его обняла горячо любимая и любящая дочь. К вечеру он был в Петербурге, [198] где остановился в трактире (собственный дом был продан).[199] Встреча с царем была далеко впереди. Некоторые биографы пишут о том, что Александр в течение двух месяцев не желал видеть Сперанского. Это не так: император надолго уехал из России. Еще 4 января государь (вместе с братом Николаем) отправился на конгресс „Священного союза“, который проходил с 26 января по 12 мая 1821 г. в городе Лайбахе (ныне: Любляна, столица Словении). Лайбахский конгресс был продолжением конгресса в Троппау (ныне: Опава), начавшегося еще в октябре 1820 г. Русский император выехал в Лайбах, крайне обеспокоенный революционным брожением в Европе (Испания, Португалия, Сицилия, Неаполь). Революция в Неаполе так напугала европейских монархов, что по решению конгресса 21 марта 1821 г. австрийская армия заняла Неаполь, установив там контрреволюционный террор. Сетования историков по поводу отвержения Сперанского Александром не имеют фактического основания: монарх вернулся в Петербург лишь в конце мая.

24 марта Сперанский пишет царю: „/.../По Высочайшему соизволению прибыв В С/анкт/-Петербург имею донести, что в губерниях, Высочайше мне вверенных, дела, от местного управления зависящие, имеют установленное движение. До того времени, как обстоятельства позволят представить Высочайшему Вашего Императорского Величества усмотрению собранные мною сведения, я займусь здесь предпочтительно двумя предметами: 1) устройством питейного сбора, 2) устройством соляного управления“.[200]

Потянулись недели ожидания, заполненные трудами теперь по финансовой части, обработкой сибирских расследований и отчетов, скрашенные общением с совсем уже взрослой дочерью, светскими раутами, посещением театров (этих незатейливых радостей Сперанский был лишен долгие годы). 15 апреля 1821 г. Сперанский взволнованно пишет верному другу: „Все ко мне здесь весьма добры, но положение мое тем труднее: ибо на всех угодить невозможно. О возвращении Его Величества нет ничего верного. Все слухи не имеют твердых оснований, и мы все живем в надеждах от одного курьера до другого“.[201] Царь приехал 26 мая. Томительно тянулся день за днем, монарх не приглашал к себе Сперанского.

Дата встречи императора со своим в прошлом ближайшим помощником, совопросником и соответчиком достоверно (часто ошибочно называются другие датировки) устанавливается по камер-фурьерскому журналу: „В четверг. 2 июня. Его Величеству в кабинете представлялся Сибирский ген/ерал/-губернатор Сперанский“.[202] Никто достоверно не знает, что чувствовали два великих человека после девятилетнего расставания, о чем молчали (разговор был в принципе довольно пустой: царь принял бумаги, извинился за промедление с встречей, посоветовал дружить с Аракчеевым). Подлинные свои чувства император и Сперанский, сокрыв от всех, унесли в могилу.

Общим местом у всех биографов без исключения является утверждение о том, что Александр принял Сперанского достаточно небрежно,[203] автоматически возобновленные отношения были весьма поверхностны и прохладны, император избегал встреч с прежним фаворитом и т.д. Бесстрастный камер-фурьерский журнал опровергает подобные недостаточно

аргументированные суждения. Начиная с 16 июня Сперанский постоянно получает приглашения отобедать с императорской четой (речь идет именно об интимных трапезах на 8-10 персон, а не о торжественных приемах с сотнями приглашенных). Стандартная запись в камер-фурьерском журнале выглядит следующим образом (речь идет об обедах в Царском селе): „За обеденным столом Их Императорские Величества /так !/ кушали в Арабейской комнате в 3 часа пополудни в следующих особах“ (идет список приглашавшихся к столу). Так вот, вновь якобы отвергнутый Сперанский отобедал с 16 июня по 23 октября 1821 г. с монаршьей четой 31 (тридцать один) раз. 3 и 9 ноября, а также 17 декабря Сперанский обедает с царем без дам в присутствии Аракчеева и трех-четырех ближайших генералов.[204] Итого: за полгода 34 обеда с царем. Это отнюдь не прохладные, а весьма тесные отношения, свидетельствующие о том, что Сперанский почти мгновенно снова становится близким императору человеком, лично угодным и приятным, вхожим в самый сокровенно узкий круг приближенных монарха - виднейших сановников империи (Аракчеев обедал с царем, например, не в пример реже).

Итак, Сперанский вернулся в большую жизнь, в большую политику, начался второй этап его служения в масштабе всей империи. Царь, отрехнувшись от либеральных мечтаний юности (последние сполохи вольнолюбивых устремлений видны в его речи, сказанной весной 1818 г. в сейме Царства Польского), принял решение с максимальной пользой применить в государственных делах ум и дарования Сперанского. Уже в мае-июне 1821 г. остававшийся в своем звании сибирский генерал-губернатор подготовил пространный документ, в котором отверг идею соединения губерний в укрупненные „наместничества“. [205]

Сперанскому (настолько часто он встречался с императором) была предоставлена служебная квартира в Царском селе. Прожив длительное время у А.А.Жерве, Сперанский снял квартиру по протекции руководителей армянской общины в доме Армянской церкви (Невский, 42; по старой нумерации - дом 44). В 1999 г. на стене здания была установлена мемориальная доска с текстом: „В этом доме с 1823 по 1832 год жил выдающийся государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский“.

Еще до встречи с царем и получения новых назначений Сперанский единогласно был избран почетным членом Российской академии наук. Диплом, оформленный 15 июня 1821 г, подписали президент (вице-адмирал А.С.Шишков) и „непременный секретарь“ (П.И.Соколов) академии. В сопроводительном письме от 16 июня П.И.Соколов извещал сибирского генерал-губернатора: „Императорская Российская Академия, уважая в полной мере отличные познания Вашего превосходительства в науках, ревностное усердие к языку российскому и труды, для пользы отечественной словесности Вами подъятые, избрала Вас, в 21-й день минувшего мая, по предложению Господина Президента, на основании 5-й статьи главы IX Устава своего почетным членом“. [206]

Современники чрезвычайно высоко ценили литературное дарование Сперанского, его реформаторскую (преобразовательную, революционную) деятельность в сфере профессионального юридического языка. Так, П.Д.Рунич писал в статье „Погребение графа Сперанского“: „Что Карамзин сделал для русской словесности /.../, то сделал Сперанский для Правительственного слога. /.../ До него и слог сей и самый почерк были варварские; в чем согласятся со мною все, подобно мне, начавшие и продолжавшие сорок лет назад гражданскую службу“. [207] Другой биограф справедливо писал о том, что Сперанский оказал отечественной словесности важнейшую „услугу“, „преобразовав русский канцелярский слог, который дошел было до крайней запутанности: все, что ни писал Сперанский даже и по обыкновенным делам, было образцом прекрасного изложения“. [208] Академик А.В.Никитенко в речи, произнесенной „в годичном собрании Императорской Академии наук“ 29 декабря 1870 г., поставив Сперанского („гениального писателя“) в один ряд с Ломоносовым и Карамзиным, так охарактеризовал его литературный талант: „Сперанский распоряжался средствами отечественного языка с полной властью, свойственной высшим дарованиям и высшим идеям; это особенно выражалось в сфере идей государственных, где было настоящее место его деятельности. /.../ Это был язык

литературный и его-то в обновленном и усовершенствованном виде он внес в сферу правительственную, приспособив его ее особенным предметам и требованиям. Во всем, что им написано, господствуют неукоризненная /так !/ правильность и чистота выражений; каждое слово поставлено на своем месте, каждый сгиб или оборот речи сообразны с свойством мысли и ее оттенками“.[209] Подобные суждения современников можно умножить.

Вскоре после возвращения из Сибири Сперанский назначается на новые должности. 17 июля 1821 г. он был определен „членом Государственного совета по Департаменту законов“. Запись в формулярном списке снабжена подстрочным примечанием: „Всемиловейше было /повелено/ Сперанскому возобновление работ по Гражданскому и Уголовному Уложению в Комиссии составления законов и в Государственном совете“.[210] Высочайшим указом предписывалось: „Государственному совету. Тайному советнику Сперанскому Всемиловейше повелеваем присутствовать в Государственном совете по Департаменту законов. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано тако: Александр. Царское село июля 17 1821 года. С подлинным верно: За Государственного секретаря статс-секретарь А.Оленин“.[211]

Днем раньше Сперанский был введен в Сибирский (стал регулярно проводить заседания под председательством графа Кочубея с 28 июля) и Азиатский комитеты. Разумеется, Сперанский стал „мозговым центром“ и, пожалуй, единственным подлинным „двигателем“ дел в Сибирском комитете. Приведем мнение компетентного исследователя: „Деятельность по Сибирскому комитету составляет второй период сибирской деятельности Сперанского; этот период гораздо продолжительнее первого. Он обнимает пространство времени с 1822 по 1838 год. Можно положительно сказать, что в продолжение этого времени Сперанский был не только душою, но и единственным деятелем в комитете. Роль других состояла только в обсуждении мер, предполагавшихся Сперанским и, большею частью, в безусловном согласии на них“.[212]

В работе Азиатского комитета Сперанский также принял самое активное участие. Приведем архивную запись от 16 июля того же года: „В заседание Азиатского комитета сего числа, член оного статс-секретарь граф Нессельрод /так !/ объявил, что Государь Император Высочайше указать соизволил присутствовать в оном генералу-от-инфантерии Ермолову и тайному советнику Сперанскому; вследствие чего они и приглашены им, графом Нессельродом, к принятию участия в занятиях Комитета“.[213]

Вслед за назначениями не заставила себя ждать новая монаршая милость. Процитируем архивный документ: „Указ Правительствующему Сенату. Участок земли, по решению Правительствующего Сената поступивший в казенное ведомство /.../, Пензенской губернии Чембарского уезда, в коем кроме неудобных мест /так !/ заключается три тысячи четырехсот восемьдесят шесть десятин шестьсот девяносто семь сажень удобной, Всемиловейше жалуем тайному советнику Сперанскому в вечное и потомственное владение, повелевая отвести ему оный с исключением из казенного ведомства и оброчного оклада. Александр. В Царском селе 5 августа 1821 года“.[214]

Жизнь Сперанского казалась безоблачной (на первый взгляд). Однако царь ничего не забыл и не простил. Много общаясь со Сперанским по многоаспектным служебным делам, император противился внеделовым контактам его с другими сановниками. Сохранилась запись рассказа генерал-лейтенанта Арсения Андреевича Закревского (1786-1865), сделанная 12 ноября 1861 г. Свидетель повествует о том, что летом 1821 г. он вечерами часто гулял по царскосельскому парку вместе со Сперанским, Ермоловым, Иоаннисом Каподистрия (в русском обиходе: Иваном Антоновичем; 1776-1821; греком по происхождению, статс-секретарем министерства иностранных дел, в будущем - первым президентом Греции). Узнав о совместных прогулках Сперанского с придворными, „царь через фрейлину выразил неудовольствие:

„Скажите от меня Закревскому, что я не желал бы, чтобы он и друзья его гуляли со Сперанским, даже чтоб они очень сходились““.[215] Испуганные придворные стали избегать общества Сперанского.

Лето-осень 1821 г. Сперанский посвятил завершению сибирских дел. Труды генерал-губернатора ознаменовались грандиозным успехом. Отчет о „ревизии“ был рассмотрен 2 октября 1821 г. Сибирским комитетом во главе с графом Кочубеем. Пестель, Трескин и Илличевский были обвинены в противозаконных действиях и уволены со службы (указом от 26 января 1822 г.). По протекции Сперанского дела в отношении Пестеля и Илличевского были прекращены. Трескин же (иркутский губернатор) был предан суду, лишен чинов и орденов с запрещением въезда в столицы. По предложению генерал-губернатора была осуществлена реформа управления Сибирью: „Сибирь, по представлению Сперанского, была разделена указом 26-го января

1822 года на *Восточную* и *Западную*, а затем 22 марта назначены тоже по его выбору новые в каждую часть губернаторы /.../. /.../все проекты Сперанского по Сибири, миновав Государственный совет, но по рассмотрению их в особом комитете, были утверждены Государем 22-го июля 1822 года. /.../ С утверждением нового сибирского учреждения прекратились личные работы Сперанского с Императором“.[216] Последняя фраза ошибочна, и после завершения сибирских дел Сперанский определенное время деятельно работал вместе с императором (историк не был знаком с дневником сановника).

Параллельно с сибирскими нововведениями Сперанский осенью все того же 1821 г. занят составлением „Обозрения дел по Комиссии законов /так !/“. Первая страница документа содержит собственноручную помету автора: „Читано Е/го/ И/мператорскому/ В/еличеству/ 30 сентября 1821. На Каменном острове /так !/“. В своем обзоре Сперанский докладывает самодержцу о том, что до 1809 г., т.е. до начала работы Сперанского в комиссии, она ничем дельным не занималась. В период же с 1809 по 1812 гг. было „приступлено к действительным работам и составлены проекты: 1) двух частей Гражданского Уложения; 2) Торгового Уложения“. Далее в „обозрении“ разворачивается целый план реформ в области законодательства. Сперанский (редкий случай) в докладе императору обрушивается на своего заклятого врага (например: „Комиссия есть Розенкампф и ничего более“).[217]).

Дела не отменяли житейских забот и хлопот государственного мужа. Любимая дочь Лизонька давно выросла, превратившись во взрослую (по тем временам) незамужнюю барышню (девушки тогда весьма рано выходили замуж, Елизавета засиделась „в девках“). Она унаследовала от матери одухотворенную красоту, от отца - несомненное литературное дарование (писала стихи и прозу). Отец выхлопотал ей фрейлинское звание. Приведем Высочайший „указ Придворной конторе“: „Дочь сибирского генерал-губернатора тайного советника Сперанского Елизавету, дочь гофмейстера двора Его Высочества Великого Князя Николая Павловича графа Модена Аделаиду и княжну Параскеву Хилкову Всемилоостивейше пожаловали Мы во фрейлины к Их Императорским Величествам Государыням Императрицам. /Александр./ В Царском селе 14/-го/ октября 1821 /года/“.[218]

Забегаая вперед, скажем несколько слов о замужестве Елизаветы. Фрейлина Сперанская, дочь в недавнем прошлом опасного опального изгнанника, в мгновение ока стала желанной невестой. Отец познакомил ее с племянником могущественного графа Кочубея - Александром Алексеевичем Фроловым-Багреевым (1785-1845), дипломатом, участником войны 1812 г., в то время черниговским гражданским губернатором. Жених был существенно старше невесты, до нас дошла никак и ничем не подтвержденная легенда, что у Елизаветы был другой избранник, что она противилась браку с сыном родной сестры Кочубея.

Ухаживания черниговского губернатора (он был в длительном отпуске в столице) возымели последствия. 6 февраля 1822 г. счастливый Сперанский записывает в дневнике: „Понедельник. Объяснение А.А./Фролова-Багреева/ с Лизою у меня в кабинете./.../Сердце мое привыкает к радости. Отсюда, с 6 февраля, начинается новая эпоха /так !/ моего бытия“.[219] До поры до времени о свадьбе решили молчать. Будущий муж уехал к месту службы.

28 апреля Сперанский писал в Чернигов жениху дочери, узнав о согласии на бракосочетание „матушки“ Фролова-Багреева: „Хотя не получили еще мы соизволения вашего батюшки, но решились предварительно донести Государю. Вчерашний день, окончив обыкновенную работу, я сие исполнил. Его Величество соизволил при сем случае отозваться о вас с удовольствием и похвалою. Вы можете себе представить, как мне было сие приятно. Сделав сей шаг, мы поступим /так !/ на будущей неделе к формальным объявлениям и визитам. /.../ Прошу не величать меня отныне в письмах ни милостивым государем, ни превосходительством. По счастью это уже поздно“.[220]

Сперанский, хлопотавший о новом отпуске для жениха дочери, уведомлял его об объявленной помолвке 5 мая 1822 г.: „Поздравляю вас, любезный Александр Алексеевич, настоящим женихом, а Елизавету настоящею невестою. В минувшее воскресенье она получила соизволение Государыни Императрицы во всех формах, и в тот же день весь город узнал тайну, столь долго и столь худо хранимую“.[221]

Сперанский был счастлив первый раз за долгие годы. 28 июня 1822 года он писал матери: „При сем считаю долгом Вас уведомить, что с благословением Божиим и моим внука Ваша Елисавета /так !/, помолвлена за действительного статского советника Александра Алексеевича Багреева /так !/, человека отменно доброго и почтенного. Он служит губернатором черниговским. Брак назначен здесь в следующем июле месяце; а в августе или сентябре они отправятся в Чернигов, где его отчина и поместье. Прошу Вас их заочно благословить и помнить в Ваших молитвах“.[222]

Торжественное венчание состоялось 16 сентября 1822 г.[223] Через некоторое время молодые уехали в Чернигов, Сперанский опять остался один. Тяготясь одиночеством, он писал дочери 14 ноября 1822 г.: „Пошел слух, что меня более не увидят в обществе; что, не имея в нем более нужды, я брошу все приязни и знакомства. Не отгадали, ибо гадали в дурную сторону; хотя и не без тягости, но я являюсь везде, где бывал с тобою. Отстану, но не вдруг, а постепенно“.[224] Сперанский появляется в обществе для того, чтобы (вот уж никак не характерно для его личности) подробно информировать отбывшую в провинцию дочь о светских новостях, сплетнях, свадьбах, крестинах, модах, литературных новинках и т.д. Приведем отрывок из весьма содержательного письма от 16 „генваря“ 1823 г.: „Было годовое собрание в Российской академии. Стечение знати чрезвычайное. /.../ Карамзин читал отрывок из десятого тома его Истории: смерть Димитрия и восшествие на престол Годунова. Читал прекрасно. Гнедич читал перевод Жуковского /так !/ из Илиады - взятие Трои и картину Лаокоона. Перевод прекраснейший. Как скоро он появится где-либо в печати, я пришлю его. Читано худо. К/нязь/ Шаховской читал две сцены: перевод из Аристофана изрядно - читали также перевод из Тита Ливия. Все сии переводы доказывают, по крайней мере, что мы опомнились и начинаем учиться

(faire des etudes) не с списков, но с подлинников, добрый знак. Стихи Жуковского так сильны и так верны, что не мог не узнать в них Вергилия. Они произведут в одних охоту, в других раскаяние и вообще уважение к древним“. [225]

В первую годовщину свадьбы дочери (16 августа 1823 г.) Сперанский писал ей: „Неужели прошел год с того времени, как любезная моя Елисавета /так !/ замужем - время есть большой чародей - то выше леса, то ниже травы; иногда очень длинно, иногда чрезвычайно коротко“. [226] В письмах к дочери, дышащих любовью и нежностью, великий государственный деятель раскрывает свою душу. В феврале 1824 г. Сперанский узнал долгожданную новость (письмо шло из Чернигова в Петербург неделю) о рождении внука. 18 февраля он зафиксировал в дневнике: „Родился Михаил в 10 1/2 часов февраля 11-го в понедельник на Масленице после долговременного ожидания и после 2-х дневного /так !/ страдания матери“. [227]

Разлука с семьей (Сперанский несколько раз приезжал в Чернигов) со временем стала невыносимой. 15 апреля 1824 г. он обратился к императору с Всеподданнейшим прошением („всенижайшей просьбой“) о переводе зятя в Петербург: „Одиночество мое здесь - болезненные припадки, с летами возрастающие и впереди мрачным уединением мне грозящие, - наконец прещение /так !/ совести частыми отлучками прерывает ход службы и бременит /так !/ внимание Вашего Величества частыми отпусками для свиданий с дочерью, в коей одной заключается все мое семейственное благо, все сии причины, строгому долгу службы посторонние, но чувству милосердия, чувству сердца Вашего внятные, дерзаю представить в ходатайство и оправдание“. [228] Государь исполнил просьбу Сперанского: зять был переведен в столицу, назначен членом совета министерства финансов, управляющим Государственным заемным банком, дослужился до чина Тайного советника, стал сенатором (1834 г.). Петербургское жалование А.А.Фролова-Багреева составляло примерно 11 тысяч рублей в год, Сперанский дополнительно ежегодно выдавал зятю 25 тысяч рублей. [229] Любопытно, что они (Сперанский, дочь, зять, внук и Г.С. Батеньков) жили в одной квартире на Невском, вели совместное хозяйство, имели общую прислугу, выезд и т.д.

О финансовой стороне семейной жизни Сперанских-Багреевых за 1824 г. красноречиво свидетельствует „приходо-расходная книга“ бюджета сановника, которую аккуратно вел К.Г.Репинский. Приведем итоговую запись: „Всего в 1824 году /истрачено/ 31 790 рублей. Против прихода передержано 107 рублей 49 копеек. Наем дома 5083 рублей /так !/ 33 коп/ейки/. Поправка оного. Освещение. Отопление. Покупка вещей для оного и мытье полов: 12329 рублей 72 коп/еек/. Содержание конюшни. Наем лошадей и поездки за город. 3960 рублей. Наем извозчиков и кучерам. 149 рублей 34 коп/еек/. Смазка экипажа. 11 рублей 85 коп/еек/. Итого: 4221 рубль 19 коп/еек/. Книги - 2869 рублей 45 копеек. Нищие: 729 рублей 12 коп/еек/“. [230]

Вернемся к рассказу о служебных делах Сперанского, о его совместной работе с императором, причинившим столько горя нашему герою. Бесценным источником информации является дневник Сперанского, в который он скрупулезно (правда, очень кратко) заносил важные сведения.

1821 год. Запись от 8 сентября: „Четверток. Обед во дворце. После обеда разговор с гр/афом/ Нессельродом /так !/. На мой вопрос он дал мне разуметь, что сносится со мною по Высоч/айшему/ повелению“. С ведома императора канцлер дает Сперанскому читать депеши Меттерниха, посвящает его в высшие дипломатические секреты империи (Л. 10). 24 сентября Сперанский в один день посещает супругу государя и его многолетнюю возлюбленную Марию Антоновну Нарышкину (1779-1854) (Л. 10 об.). 27 сентября: „Царское село. 27. Вторник. Утро; свидание с Государем в саду“ (Л. 11). „Октябрь. Царское село. 9. Воскресенье. Свидание с Е/го/ В/еличеством/ в саду. Разговор об университетских делах“ (Л. 14). „15 /октября/. Суббота. Пред столом Государь объявил мне о пожаловании Елисаветы фрейлиною“ (Л. 16

об.). „Октябрь. 19. Середя. Свидание с Государем“ (Л. 17). „20 /октября/. Четверг. Свидание в саду с Государем, упомянуто о гербовом налоге“ (Л. 17). Настораживает некоторая конспиративность встреч с царем „в саду“, глубокая осень, холодно; Александр предпочитает свидания со Сперанским с глазу на глаз, без свидетелей, без чужих ушей. „3. /Ноябрь/. Четверг. Обед у Г/осударя/ И/мператора/. В 6-ть часов работа“ (Л. 21 об.). Далее следуют записи об обедах во дворце, об обеде у вдовствующей императрицы. В декабре появляется трагическая запись: „Декабрь. 10. Суббота. Вечер в Смольном монастыре. Праздник. Г/осударь/ И/мператор/ избегал всякого со мной разговора. Работы с 25 ноября не было. Первый знак охлаждения“ (Л. 30 об.). Сперанский ошибся: общение с царем вскоре возобновилось, но уже никогда не было столь интенсивным.

Наступил 1822 год. Запись 20 января: „Пятница. В вечеру в 6-м часу работа у Е/го/ В/еличества/. Свидание с гр/афом/ Аракчеевым. Известие, что указы по Сибири подписаны“ (Л. 41). „Февраль. 2. Работа у Г/осударя/ И/мператора/ (Л. 41 об.). Далее в течение года свидания с императором (достаточно частые) происходят на публике, на заседаниях Государственного совета, на праздниках, на балах и т.д.

Сперанский фиксировал в дневнике далеко не все события своей личной и служебной жизни. Так, нет записи о его резком столкновении с князем Голицыным, обвинившим его в безбожии. Сперанский писал императору 18 января 1822 г.: „Святоши запишут меня в безбожники; противники их будут о мне сожалеть и причислять к своей стаде /так !/, а я, равно гнушаясь теми и другими, принадлежу и желаю принадлежать единственно и исключительно Вам. В Вас, Всемилостивейший Государь, в Вашем образе мыслей, равно от той и другой крайности удаленном, могу я искать и надеюсь всегда найти твердую защиту против всех хитросплетенных тонкостей врагов моих, врагов, ни десятилетним молчанием, ни кротостию всего моего поведения, ни уступчивостью моею, можно сказать, безмерною, ничем не умолимым“.[231] Царь, которому Сперанский напомнил о старом дружестве, о безвинных страданиях, вызванных злобной клеветой, оставил нападение Голицына без последствий.

Общение с царем ненадолго возобновляется в 1823 г. „22 января. В кабинете Его И/мператорского/ В/еличества/“ (Л. 76 об.). „Февраль. 25. Работа у Е/го/ И/мператорского/ В/еличества/ - журналы Совета по уложению“ (Л. 77). „Работа у Е/го/ Величества/“ (б.д.; Л. 79). „Май. 16. Работа у Е/го/ В/еличества/ на К/аменном/ острове /так !/“ (Л. 81). „Май. 21. Обедня во дворце во фраке. Обеду Г/осударя/ И/мператора/ /.../ после у Государя в Кабинете“ (Л. 82). Позднейшие (приватные) встречи с императором в дневнике Сперанского не зафиксированы. Как прежде, были встречи на людях, совместное участие в публичных государственных актах, но личные свидания, видимо, прекратились навсегда.

Карьера Сперанского не замедлилась. 29 июня 1822 г. „при определении в Сибири двух генерал-губернаторств ему велено /было/ управлять сибирскими губерниями до прибытия их на места“.[232] В тот же день царь подписал распоряжение графу Гурьеву: „Господину министру финансов. Тайному советнику Сперанскому Всемилостивейше повелеваю производить из Государственного Казначейства жалованье и столовые, какие он получал по званию Сибирского Генерал-Губернатора по двадцати по две /так !/ тысячи рублей в год. Александр. В Сарском / так !/ 29 июня 1822-го /года/“.[233] 24 января 1823 г. Сперанский был назначен „членом Комитета о Проекте учреждения для военных поселений“,[234] а 21 мая того же года - „членом Комитета о Проекте учреждения для Донского войска“.[235] В августе того же года Сперанский получил пост главноуправляющего Комиссией составления законов. Тогда же он подал царю записку с перечнем разрабатываемых Комиссией законов: „Предметы присутствия в Комиссии законов /так !/. I. Законы государственные. II. Законы церковные. III. Законы военные. IV. Законы гражданские. V. Законы уголовные. VI. Законы финансовые. VII. Законы экономические. VIII. Законы полицейские“.[236]

Это были его последние назначения в эпоху Александра I, царствование которого клонилось к закату. В конце жизни император, впавший в своеобразный мистицизм, несколько отошел от дел. Получая огромное количество доносов со сведениями о бурной деятельности протодекабристских организаций, император не дал им никакого хода, положив под сукно. [237]

В последние годы жизни император много внимания уделял пресловутым военным поселениям. Сперанский не только вошел в Комитет военных поселений, но и определил туда на службу Батенькова. Сперанский, лично обязанный Аракчееву, положительно относился к военным поселениям. Еще раз скажем о них несколько фраз. Военные поселения - любимое детище Александра Павловича и графа Аракчеева - это особая организация войск в России (1810-1857 гг.). Достаточно широкое распространение они получили после заграничного похода русской армии. К концу эпохи Александра I к военным поселениям была причислена примерно четверть армии. В Новгородской губернии (с центром в Грузино, куда Сперанский неоднократно наезжал и после возвращения из Сибири) размещалось 18 пехотных полков, 3 артиллерийские бригады, один саперный батальон, в Могилевской губернии - 6 пехотных полков, в Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях - 20 кавалерийских полков. Насильственное учреждение военных поселений сопровождалось крестьянскими бунтами (в 1819 г. - на Украине, в 1831 г. - в Старой Руссе). После подавления восстания в Старой Руссе военные поселения были переименованы в округа пахотных солдат (в 1857 г. - упразднены, переданы в ведение министерства государственных имуществ). При создании военных поселений вопреки благим намерениям (как всегда в России) зачастую допускалось грубое насилие, ущемление законных прав крестьянства. [238]

Незадолго до смерти Александра I Сперанский анонимно (все мгновенно определили его авторство) издал брошюру, представляющую собой апологию военных поселений. [239] Либеральные историки заклеили Сперанского как сервильного царедворца, допустившего в желании угодить царю и Аракчееву бессовестную ложь, пережившего подлинное духовное падение. Мы помним, что к крепостному праву Сперанский всегда относился отрицательно. Жаль, мало кто из обличителей Сперанского удосужился хотя бы пролистать эту брошюру. Откроем ее.

Прежде всего Сперанский предлагает определение: „Военные поселения суть часть общего народонаселения, особенно определенная к оставлению воинских сухопутных сил, к их пополнению и содержанию“ (С. 2) Далее Сперанский, анализируя Высочайшие указы Правительствующему сенату от 26 августа 1818 г., 12 декабря 1821 г. и 18 февраля 1825 г. о военных поселениях, обрушивается на „неудобства“ рекрутских наборов, их „неуравнительность“, осуждает разрыв родственных связей и брачных союзов (срок службы в армии равнялся 25 годам), „бесприютность“ отставных ветеранов. Сперанский обращает внимание на сложность обеспечения армии продовольствием, обременительность для населения „квартирования“ войск (длительный постой в деревнях и городах) (С. 2-9).

Основную задачу создания военных поселений Сперанский видит в том, чтобы „составить из двух разнородных частей - из крестьян-старожилов и из людей военных - одно целое, привести первых в военное положение, не расстраивая их хозяйства и собственности, привести вторых в состояние оседлости, не расстраивая порядка службы“ (С. 11).

„Правила первоначального устройства для коренных обитателей /т.е. крестьян; по мысли Сперанского/ суть: 1. Сохранить всю собственность их неприкосновенною. 2. Исправить и устроить их дома и дополнить все потребности сельского хозяйства на счет казенный. 3. В тех округах, кои землею недостаточны, наделить поселения землею, или посредством новых расчисток, или покупкою за счет казенный. 4. Упрочить поселениям сии земли навсегда в безоборочное пользование с одною обязанностью службы. 5. Освободить их навсегда от всех казенных податей и общих земских повинностей“ (С. 13).

Сперанский прямо говорит о значительной (в принципе - огромной) выгоде, получаемой крестьянами при учреждении на их земле военного поселения (прежде всего подразумевается уничтожение личной зависимости от помещика-душевноладельца, строительство (пусть стандартных) каменных домов за государственный счет, бесплатное наделение землей, скотом и сельскохозяйственным инвентарем за счет казны, освобождение от податей и повинностей (селяне в военных поселениях перестают быть податным сословием, приобретая права лично свободных людей). Об этом молчат либеральные историки. В военных поселениях Сперанский, несомненно, видел путь к постепенной, сложной, модифицированной отмене крепостного права.

Одну из задач военных поселений Сперанский усматривал в том, чтобы „соединить военнотружущих с их семьями, инвалидам доставить призрение, малолетним детям воспитание“ (С. 14). Что же в этом плохого? Далее Сперанский очерчивает вертикальную иерархию объединений военных поселений: Полковой Округ - Округ Бригадный - Округ Дивизионный - Округ Корпусный - Армия (С. 16). „Каждый Полковой Округ имеет два разных состава: 1) Состав поземельной /так !/. 2) Состав строевой. Все поселение /так !/ каждого Полкового Округа делится на две главные части: на недвижимую и строевую. *Неподвижную* часть населения составляют все те лица, кои не участвуют в военных походах

Каждый Полковой Округ имеет два разных состава: 1) Состав поземельной. 2) Состав строевой (С. 17). Все поселение каждого Полкового Округа делится на две главные части: на недвижимую и строевую. *Неподвижную* часть населения составляют все те лица, кои не участвуют в военных походах и остаются всегда на местах поселения. *Подвижную* часть населения составляют все те лица, кои участвуют в военных походах. К *неподвижной* части принадлежат: 1. Хозяева. 2. Кантонисты. 3. Инвалиды. 4. Все старожилы выше 45 лет. 5. Семьи лиц, выступающих в поход. *Хозяева* суть лица, коим вверяется участок земли со всеми его хозяйственными принадлежностями (С. 19). /.../ В число *кантонистов* поступают все дети мужского пола, как подвижной, так и недвижимой части населения; кантонисты разделяются на три возраста: меньший, средний и больший. В каждом Полковом Округе устраиваются Церкви (С. 22). /.../ В каждом округе для обучения кантонистов среднего возраста учреждаются Школы“ (С. 25-26). Мало кто помнит, что из этих кантонистов, не крепостных уже, лично свободных людей, имевших право на получение даже высшего образования, вышло огромное количество деятелей отечественной культуры, науки, искусства и литературы.

В военных поселениях строились дома инвалидов и „гошпитали“ (*Там же*): сельское население впервые в российской истории получало квалифицированную врачебную помощь. Военные медики занимались социальной и бытовой гигиеной, что было просто чудом по тем временам. Почему все это осмеяно, оплевано и забыто?

Все население военных поселений обладало полномасштабным правом наследования, распоряжения нажитым имуществом. Сперанский пишет: „Все то, что независимо от произведений хозяйства приобретено будет личными трудами, промыслом или торговлею как хозяев, так и людей, подвижную часть полка составляющих, есть личная его собственность, полному его распоряжению подлежащая“ (с. 20). Поощрялись занятия коммерцией, предпринимательской деятельностью, выделялся в этих целях специальный „заемный денежный капитал“ (С. 27).[240] Укажем, что бичом России в течение столетий был голод, вызванный случавшимися неурожаями и недородами, так вот население военных поселений было избавлено от него, ибо находилось под продовольственной эгидой государства (С. 29). Вывод: в своей брошюре Сперанский (вопреки облыжным обвинениям) выступает не как вредоносный „крепостник“, воспевавший палочную муштру и утеснение свободы, а как радатель за крестьянское дело, сторонник облегчения и улучшения жизни миллионов подданных Российской империи. В конце брошюры Сперанский выражает надежду и на постепенную отмену бесчеловечных рекрутских наборов, на полный переход армии к системе военных поселений (С. 29-30).

19 ноября 1825 г. в поездке по глухой провинции (в Таганроге) внезапно умирает Александр I при загадочных, до сих пор не проясненных обстоятельствах.[241] Смерть императора, сыгравшего определяющую роль в судьбе Сперанского, породила лавину слухов, недомолвок, достоверных и баснословных легенд. Начался последний этап жизни нашего героя...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: *Платонов С.Ф.* Время Александра I (1801-1825) // *Платонов С.Ф.* Сочинения в 2-х т. Т. 1. СПб., 1992. С. 650-652.

[2] В письме от 16 марта 1823 г. (почти через 22 года) он вспоминал: „19 марта 1801 /г./ я сделан статс-секретарем“ (*Сперанский М.М.* Письма к дочери. Часть третья. Письма петербургские. 1821-1824. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1965. Л. 104).

[3] Реестр именных Высочайших указов // РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ед. хр. 3918. Л. 74. См. также: *Васильев А.И., барон.* Письмо к М.М.Сперанскому от 11 апреля 1801 г. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2034. Л. 1.

[4] РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 2 об.-3. Неточность составителя „формулярного списка“ (позднейшая аналогия); правильно: канцелярии „Совета при Высочайшем дворе“, который в это время был переименован в „Непременный совет“. См.: *Туманский В.И.* Опыт истории Государственного совета в России (/до преобразований Сперанского; 1839 г./) // РНБ. Ф. 794. Ед. хр. 8. Успехи Сперанского были замечены в ученых кругах: в апреле 1801 г. он был принят в Вольное экономическое общество (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 15. Л. 1).

[5] Через много лет вельможа с обидой извещал друга в письме из Москвы от 17 марта 1821 г. о Сперанском: „/.../ сибир/ский/ генерал-губернатор третьего дни сюда приехал, а сегодня, говорят, по утрам отправился в П/етербург/. В столь краткое его пребывание видно не желал или же не рассчитал навесить меня, считая может быть несовместимым с высоким званием его вспомнить о прежнем начальнике. Бог с ним! Я желаю ему всякого счастья, я отнюдь не в претензии на его забвение“ (*Трощинский П.Д.* Письма (67) Л.И.Голенищеву-Кутузову. 3 января - 28 декабря 1821 г. // РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 51). Речь идет о возвращении Сперанского после ссылки, губернаторства в Пензе и Сибири в столицу.

[6] Цит. по: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 96.

[7] РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 2 об.-3.

[8] Перу Сперанского принадлежат Высочайшие указы о статусе Одессы, о промысле соли, о новом управлении медицинскими учреждениями и др. (все эти дела находились в ведении тогдашнего министерства внутренних дел).

[9] Как установлено авторитетным исследователем, известная записка графа А.Р.Воронцова о преобразовании Сената от 3 мая 1802 г. целиком и полностью принадлежит перу Сперанского (см.: *Валк С./Н./* Предисловие // *Сперанский М.М.* Проекты и записки. Подготовили к печати А.И.Копанев и М.В.Кукушкина /Под ред. С.Н.Валка. М.;Л., 1961. С. 14; 67-75).

[10] См.: *Там же.* С. 17-85.

[11] *Там же.* С. 43.

[12] *Там же.* С. 84.

[13] РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 2 об.-3.

[14] Именно Сперанский разработал позднее основные положения знаменитого Высочайшего указа от 9 декабря 1804 г. „Положение для евреев“, весьма либерального для своего времени (за что его по сей день проклинаят антисемиты).

[15] Сперанский писал: „/слово/ *Государственный закон* принято вместо слова *конституция* и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государства между собою“ (*Там же.* С. 87).

[16] См.: *Там же.* С. 86-139.

[17] В двух публикациях этого письма ошибочно указано „1808 году“ (см.: План государственного преобразования графа М.М.Сперанского: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 330; *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор... С. 179). С 24 ноября 1807 г. по 4 ноября 1819 г. (вторичное назначение министром внутренних дел) В.П.Кочубей находился в отставке.

[18] *Сперанский М.М.* Письма (4) к императору Александру I. 1813-1820. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 13.

[19] См.: Историческое обозрение. Т. XI. СПб., 1901. С. 1-53; План государственного преобразования графа М.М.Сперанского... С. 121-229.

[20] *Кочубей В.П., граф.* Письма (23) М.М.Сперанскому. 1804-1825. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2099. Л. 1.

[21] Ф. 731. Ед. хр. 29. Л. 1, 2. Гак (гакен) - кадастровая мера земельной собственности в Лифляндской губернии, служившая основой для оценки земельного участка, установления размера налога.

[22] См. письмо Александра I министру финансов графу Д.А.Гурьеву от 29 октября 1816 г. (РНБ. Ф.731. Ед. хр. 2056. Л. 5).

[23] *Сперанский М.М.* Проекты и записки... С. 142.

[24] Цит. по: *Томсинов В.А.* Светило русской бюрократии... С. 98.

[25] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 4. Л. 3. Орден, учрежденный в 1782 г., имел 4 степени (Сперанский сразу получил, минуя 4-ю, 3-ю степень).

[26] Там же. Л. 4. См. также: «Квитанция № 409. Оставшиеся по кончине господина действительного тайного советника и кавалера графа Сперанского орденские знаки» // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 28. Л. 1.

[27] РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 539. Л. 4.

[28] Значение Сперанского и Аракчеева в судьбе России проникательно определил Пушкин в дневниковой записи от 2 апреля 1834 г.: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. /.../ Сперанский у себя очень любезен. - Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени (*Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 12. Критика. Автобиография. Л., 1949. С. 323.*)

[29] См. например: *Середонин С.М. Граф М.М.Сперанский: Очерк государственной деятельности.* СПб., 1909. С. 7.

[30] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 4. Л. 4.

[31] Влияние Сперанского настолько усилилось, что на время пребывания в Эрфурте он (не царь) оставил инструкцию Комитету министров (см.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 88. Л. 1); см. также его письмо о «бумагах, конфирмованных императором» из Эрфурта к сенатору Г.В.Орлову от 23 сентября 1808 г. (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1923. Л. 1-2).

[32] «Изменническая» связь с Талейраном позже ставилась Сперанскому в тяжкую вину, хотя французский дипломат был тайным агентом русского правительства.

[33] Цит. по: *Макеева Г./П./ Сперанский и другие: Роман о первой русской перестройке.* М., 1990. С. 75.

[34] См.: *Корф М.А., барон. Жизнь графа Сперанского.* Т. 1. С.105 (запись разговора с Е.М.Сперанской (Фроловой-Багреевой)).

[35] См.: *Середонин С./М./ Сперанский // Русский биографический словарь. /Т. 19/. Смеловский-Суворин.* СПб., 1909. С. 194 и след. Прусский король наградил Сперанского в октябре того же года орденом Красного Орла (см.: РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 539. Л. 4).

[36] *Бурнашев В.П. Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 5 об.*

[37] Именно Сперанскому принадлежит идея создания Царскосельского Лицея. 11 марта 1808 г. он закончил работу над черновиком устава этого славного учебного заведения (на 36 листах), в котором четко определил его задачу: «Лицей учреждается для образования юношества, особенно предназначенного к высшим частям государственной службы» (*Сперанский М.М. Проект образования Царскосельского Лицея // РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 5*). Много лет спустя он с обидой заметил: «Училище сие образовано и устав написан мною, хотя и присвоили себе работу сию другие» (цит. по: *Новаковский В./И./ Михаил Михайлович Сперанский. 2-е изд. СПб., 1868. С. 29*). Сперанский в октябре 1810 г. разработал и «Положение об управлении Императорскою Публичною библиотекою» (см.: *Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795-1917): Хрестоматия.* СПб., 1998. С. 64).

[38] *Погодин М.П. Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871, № 7-8. Стлб. 1120.*

[39] РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 2.

[40] Там же. Л. 11 об.-12.

[41] Там же. Л. 12 об. -13, 14. См. также: *Сперанский М.М. Форма объявления указов о чинах по экзамену // РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1.*

[42] Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому... С. 8.

[43] Ф. 539. Ед. хр. 1719. Л. 4 об.-5. Або - шведское название финского города Турку.

[44] *Бурнашев В.П. Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 5.*

[45] *Фатеев Ар.Н.* М.М.Сперанский (1809-1909): Биографический очерк. Харьков, С. 18, 19, 20.

[46] Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1901, № 10. С. 6.

[47] Барон, в частности, возненавидел Сперанского за то, что тот прекратил денежные выплаты юристам-иностранцам (из-за их полной профессиональной непригодности), приглашенным в Комиссию составления законов. Под редакцией Розенкампа, кстати плохо владевшего русским языком, были изданы ныне забытые «Труды Комиссии составления законов» (Ч. 1. СПб., 1804. 2-е изд. Ч. 1. СПб., 1822).

[48] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Репринтное воспроизведение издания 1928-1955 гг. Т. 10. «Война и мир». Том второй. М., 1992. С.160. Любопытно, что Андрей Болконский служит в романе под началом Сперанского «начальником отделения комиссии составления законов», работает над гражданским уложением, составляя раздел «Права лиц» (*Там же*. С. 171). Впрочем, герой романа скоро разочаровывается в Сперанском.

[49] См.: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 110-111. Проницательный Чернышевский заметил это сознательное умолчание в своей рецензии на двухтомную работу Корфа: «Особенно чувствителен пробел в изложении плана реформ, составлявших предметы занятий Сперанского с императором Александром I в периоде между эрфуртским свиданием и войной 1812 г.» (*Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1950. С. 795). Существенные фрагменты из этой работы Сперанского были впервые напечатаны декабристом Николаем Ивановичем Тургеневым (1789-1871) во французском переводе в кн.: *Tourgueneff N. La Russie et les Russes.* V. I. Bruxelles, 1847. P. 423-447. На родине реформатора «Введение к Уложению государственных законов» впервые было опубликовано лишь через 90 лет после написания (см.: Историческое обозрение. Т. X. СПб., 1899. С. 1-62; План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 1-120).

[50] *Сперанский М.М.* Проекты и записки. С. 164.

[51] *Там же*. С. 179.

[52] По планам Сперанского Государственная дума должна была собраться на первое заседание 1 сентября 1810 г.

[53] *Там же*. С. 216.

[54] Император в том же 1809 г. поручил Сперанскому разработать меры по санированию финансовой системы, изменению налогообложения, увеличению государственных доходов, что было с честью исполнено.

[55] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 57. Л. 1- 1 об., 2 об.- 3 об., 11 об.-12. Писарская копия, выполненная Ф.И.Цейером, с исправлениями Сперанского. См. также: *Сперанский М.М.* Проекты и записки. С. 231-237.

[56] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 13.

[57] *Там же*. Л. 16.

[58] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 902. Л. 1-1об.

[59] «Речь Его Императорского Величества, произнесенная в Государственном Совете в 1-ый день генваря 1810-го года. Проект сей составлен гр/афом/ М.М.Сперанским. Исправления сделаны рукою Государя Императора» // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 80. Л. 2 об. См. также: *Сперанский М.М.* Положение о Государственном Совете. 1810 г. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 73. Л. 1-12 об. Документ следует датировать 1811 г. («по опыту протекшего года»).

[60] РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 380. Л. 1. Тем же указом друга Сперанского Алексей Николаевич Оленин (1763-1843) и Михаил Леонтьевич Магницкий (1778-1844) были назначены статс-секретарями соответственно в департаменты «гражданских дел» и «законов».

[61] *Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 6-7. Сопоставление этого очерка с текстом переведенного с немецкого газетного некролога Сперанского (*Allgemeine Zeitung.* 1840, № 14, 15), написанного «неустановленным лицом»,

позволяет сделать безоговорочный вывод о принадлежности некрологической статьи перу Владимира Петровича Бурнашева (писатель, агроном; 1812-1888) (см.: Некролог М.М.Сперанского неустановленного лица // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 50. Л. 9 и след.).

[62] Письма графа Сперанского к Х.И.Лазареву. СПб., 1864. С. 15 и след. Петербург насчитывал всего 335 тысяч жителей.

[63] Сперанский подготовил и осуществил «план воспитания» дочери («Элементы наук и нравственности от 7 до 17 лет»); см.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 328).

[64] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 18.

[65] Член тайного общества, основанного в 1776 г. Адамом Вейсгауптом (идеолог-провозвестник Французской революции), члены которого декларировали замену христианства деизмом, монархического правления республиканским (крайний левый фланг масонства).

[66] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 14-14 об.

[67] Напомним, что патрон Сперанского в памяти потомков остался Александром *Благословенным*.

[68] Последователь мистического учения Клода Луи Сен-Мартена, популярного у русских масонов.

[69] Отчет в делах 1810 года, представленный Императору Александру I М.М.Сперанским 11 февраля 1811 года (Сообщено А.Ф.Бычковым) // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 458-459, 460-462. См. также: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 65.

[70] Россия ждала войну. Судя по описи (два списка) бумаг, возвращенных Сперанскому из кабинета Александра I, по прибытии из ссылки, Пензы и Сибири в 1821 г. перу нашего героя принадлежали секретнейшие «Записка (собств./енной/ руки) о вероятностях войны с Франциею после Тильзитского мира», «Два проекта Манифестов о войне с Франциею» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 47. Л. 2.). В числе возвращенных бумаг упомянем «Проект, каким образом доставить вольность и недвижимую собственность крестьянам» (*Там же*. Л. 46). См. также: Опись бумаг М.М.Сперанского 1812 года, изданная под редакцией князя Н.В.Голицына // Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. Вып. I. Пг., 1916. С.9-10.

[71] *Сперанский М.М.* О силе правительства (черновой автограф) // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1524. Цит. по писарской копии: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1526. Л. 1, 3, 4, 5, 7, 14. На обложке единицы хранения ошибочно поставлена дата «1804 год». Правленная Сперанским писарская копия содержит его помету: «Читано Е/го/ И/мператорскому/ В/еличеству/ 3-го дня /так !/ 1811 года» (в тексте также упоминаются «доходы за 1809 год»).

[72] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 4. Л. 5.

[73] В письме к Феофилакту, епископу Калужскому (бывшему однокашнику) от 5 сентября 1801 г., представляющем собой целый богословский трактат, Сперанский тонко подмечает: «Я считаю нужным побеседовать несколько с вами вообще о духовных сочинениях и переводах нашего времени. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, все они имеют один главный недостаток. В них сочинители не говорят с христианами, но с безбожниками и деистами. Я считаю, что первое нужнее» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1959. Л. 4).

[74] См. например: *Соколовская Т.О.* Возрождение масонства при Александре I // Тайные ордена: Масоны. Харьков; Киев; Ростов-на-Дону, 1997. С. 247, 263-269; *Борисов А.* Департамент полиции против тайных лож // *Оккультные силы России: Тайная война от Ивана Грозного до Николая II.* СПб., 1998. С. 277-281.

[75] См.: «Мнение» М.М. Сперанского «о конспекте философских наук, представленном г/осподи/ном Фесслером». Б.д. // РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Ед. хр. 31. Через несколько лет Фесслер, обвиненный в атеизме, был выслан в Саратов, где возглавлял лютеранскую общину. В новое царствование в 1833 г. был возвращен в Петербург в должности генерала-суперинтенданта общины.

[76] Цит. по: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 727-738. На письме сохранилась помета автора «Оставлено», т.е. не отправлено.

[77] См.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1845; РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2040. Сперанский переписывался со знаменитым писателем-мистиком, другом Гердера и Гете, чрезвычайно авторитетным у русских масонов, Иоганном Генрихом Юнг-Штиллингом (1740-1817). Сохранилось его интереснейшее письмо к Сперанскому от 4 августа (новый стиль) 1810 г., в котором проповедуется скорое пришествие Христа (1816, 1819 или 1836 гг.), «сохранение верных» на территории России. В конце письма немецкий мистик просит Сперанского передать поклон известной проповеднице баронессе Варваре-Юлии «Криденер» (чаще пишут Крюднер, Криднер; 1764-1825), мистической наставнице Александра I. Письмо подписано: «С вечной любовью остаюсь ваш верный брат в Господе Штилинг-Юнг» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2100).

[78] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2143. Л. 5-6, 9. Новый император подозревал Сперанского в причастности к декабристскому движению.

[79] Литературная учеба. 1988, № 4. С. 101, 115, 119.

[80] *Завитневич В.З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование Императора Александра I. Киев, 1907. С. 3 (оттиск из журнала: Труды Киевской Духовной Академии. 1907, № 11). См. также: Карамзин и Сперанский // Русский заграничный сборник. /Т./ VI. Лейпциг, 1858.

[81] См. например: *Грот Я.К.* К истории ссылки Сперанского // Русский архив. 1871, № 12. Стлб. 2073-2078; *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский: Историческая монография. СПб., 1910. С. 122-137, и мн. др.

[82] *Погодин М.Н.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу). Русский архив. 1871, № 7-8. Стлб. 1133, 1124.

[83] Цит. по: *Дмитриев Д.С.* Два императора: Повесть. *Мережковский Д.С.* Александр Первый: Роман / Сост. Новиков И.В. Комментарий. Виноградова А.Е. М., 1994. С. 477. Себастьян Ле Претр де Вобан (1633-1707) - маршал Франции, величайший военный инженер, построивший несколько сотен крепостей, основоположник научных основ фортификации. Воблан - в переводе с франц. - белый теленок.

[84] Суть обвинений, возводимых на него врагами, Сперанский, прямо называя имена Балашова, Армфельда и Розенкампа, сам четко определил в «пермском письме»: «Я не знаю с точностью, в чем состояли секретные доносы, на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главные пункты обвинения: 1) что финансовыми делами я пытался расстроить государство; 2) привести налогами в ненависть правительство; 3) отзывы о правительстве» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 17 об.).

[85] Цит. по: *Погодин М.Н.* Сперанский (Посвящается Модесту Андреевичу Корфу)... Стлб. 1169.

[86] *Там же.* Стлб. 1169. Слова государя Де-Санглен сопровождает свои кратким комментарием: «Замашка ограничить самодержавие была (у Сперанского), это верно».

[87] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 20-21.

[88] Версию о секретных сношениях Сперанского с французским императором поддерживали Де-Санглен и А.И.Тургенев (см.: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу)... Стлб. 1142-1143).

[89] Цит. по: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Часть пятая. Сперанский при императоре Николае I-м. СПб., 1861. Корректурa с исправлениями М.А.Корфа и А.Ф.Бычкова // РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 495. С. 12 (308).

[90] Некоторые исследователи подвергают сомнению авторство Ростопчина. Сам Сперанский не сомневался в принадлежности документа перу своего врага и сохранил список в своем архиве (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2331). Список из архива Сперанского ошибочно (дважды) датирован 9 апреля и 14 марта 1812 г. Существуют и другие, ошибочные, на наш взгляд,

датировки: 20 марта, 5 апреля. Точная дата: «Марта 4 дня» легко устанавливается по другому списку (РНБ. Ф. 73. Ед. хр. 343. Л. 7). См. также: *Ростопчин Ф.В.* Письма (3) императору Александру I. 1809-1812 // РНБ. Ф. 73. Ед. хр. 343; *Попов А.Н.* Эпизоды из истории 1812 года // Русский архив. 1892. Кн. 2. № 8.

[91] В списке из архива Сперанского следует ряд буквенных аббревиатур, которые раскрываются в примечании к списку, сохранившемуся в архиве С.Н.Шубинского: «Граф Николай Румянцев, Николай Мордвинов, Маркиз Траверсе, князь Волконский, Федор Голубцов, Гурьев» (РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Ед. хр. 114. Л. 1 об.).

[92] Пропуск в списке Сперанского восстанавливается по списку из архива С.Н.Шубинского: «/.../ отобраны и Вашему Величеству представлены, Вы ясно усмотрите, что уже неистовое намерение и действие происходит более четырех лет» (РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Ед. хр. 114. Л. 2).

[93] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2331. Л. 1-2. Отечественная война началась 24 июня (по старому стилю) 1812 г., когда многонациональные наполеоновские полчища, перейдя Неман, вторглись в Россию с территории герцогства (княжества) Варшавского. «Оборона в Польше» (Польском крае), предложенная Сперанским, оказалась единственной возможной.

[94] Весьма информированный Л.Н.Толстой, тщательно изучавший биографию реформатора, писал в черновом варианте романа, не вошедшем в основной текст: «/.../ старая партия бранила Сперанского - говорила, что он вор, взяточник /.../» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 13. «Война и мир». Черновые редакции и варианты. Репринтное воспроизведение издания 1928-1958 гг. М., 1992. С. 709).

[95] Цит. по: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу)... Стлб. 1175.

[96] Князь А.Н.Голицын (1773-1844) - в то время обер-прокурор Синода, статс-секретарь, член Государственного совета, главноуправляющий делами иностранных исповеданий.

[97] РНБ. Ф. 637. Архив К.Г.Репинского. Ед. хр. 850. Л. 1-1 об. Царь передал князю Голицыну через камердинера отказ в свидании.

[98] Граф Д.Н.Блудов со слов Н.М.Карамзина говорил, что царь подозревал Сперанского в связи с таинственным французским агентом (Талейран ?) (см.: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу)... Стлб. 1218.

[99] См.: *Там же..* Стлб. 1178. Де-Санглен, сыгравший в судьбе Сперанского весьма гнусную роль, через четверть века обратится к отправленному в вечную ссылку, но восставшему из «небытия» государственному мужу с униженным письмом от 16 июня 1837 г., в котором, прося помочь с пенсией, защитить от предания суду, бессовестно умоляет: «В руках Ваших - весы правосудия. Прочтите милостиво прилагаемое при сем верное, беспристрастное описание моих страданий от несправедливости. Та же рука, которая начертала для России законы, да защитит русского, отца семейства, никогда ни в каком случае не отступавшего от законов, правом предписываемых, и никому не желавшего, никому зла не делавшего» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2129. Л. 1).

[100] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 850. Л. 2 об. Эта фраза царя, став крылатой, передаваясь из уст в уста, облетела всю Россию.

[101] Так, Н.М.Карамзин писал старшему брату 28 мая того же года: «История Сперанского есть для нас тайна: публика ничего не знает. Думают, что он уличен в нескромной переписке. Его все бранили, теперь забывают. Ссылка похожа на смерть» (*Карамзин Н.М.* Из писем к В.М.Карамзину // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 228). Враги продолжали ненавидеть Сперанского и после его кончины. Так, небезызвестный Ф.Ф.Вигель писал М.А.Корфу 14 мая 1847 г. (через тридцать пять лет после описываемых событий: «/.../ в последние три года его первого могущества /я/ со всей Россией разделял

подозрения на счет соумышленности с ее врагами; наконец собственным рассудком и размышлениями убедился, что вечные его теории нанесли более вреда Государству, чем принесли ему пользы» (РНБ. Ф. 380. Архив М.А.Корфа. Ед. хр. 332. Л. 2).

[102] Вот она подлинная причина «падения» Сперанского. Позднее реформатор дипломатично камуфлировал ее. Так, 1 марта 1828 г. кодификатор зафиксировал в дневнике свое сообщение новому императору: «/.../ рассказана вся история моей ссылки, причиной коей была финансовая система, мне порученная, введение налогов вместо ассигнаций» (*Сперанский М.М.* Дневник. 24 марта 1821 - 21 апреля 1828 гг. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 42. Л. 106 об.).

[103] Цит. по: Описание бумаг М.М.Сперанского 1812 года, изданная под редакцией князя Н.В. Голицына. Труды комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. Вып. I. Пг., 1916. С. 7 (оригинал письма написан по-французски). Царь еще 20 марта распорядился создать специальную комиссию по разбору бумаг Сперанского и Магницкого.

[104] Цит. по: *Корф М.А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 51.

[105] См. его «Всепопданнейшее донесение» от 11 мая 1827г. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 910. Л. 1.

[106] См. письмо Балашова от 31 марта 1812 г. к почт-директору Н.И.Калинину с приказанием доставлять министру «пакеты» на имя Сперанского и Магницкого // *Дубровин Н./Ф./* Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (с 1809-1825 год). СПб., 1883. С. 51. Министр полиции приказывал нижегородскому гражданскому губернатору А. Руновскому 12 апреля того же года: «/.../ кроме прямой переписки г/осподина/ Сперанского, куда бы то ни было и с ним других лиц, порученной вашему надзору, надлежит иметь подобное наблюдение и за перепискою не токмо его окружающих, но и тех лиц, коих связь или знакомство с ним может обращать на них подозрение в том, что они употребляют средством как к передаче ему, так и к пересылке его писем под посторонними адресами» (*Там же.* С. 52-53). Лишь один преданнейший друг Цейер (работавший со Сперанским еще в канцелярии Куракина и уволенный со службы после «падения» патрона без объяснения причин) обратился к петербургскому генерал-губернатору С.К.Вязьмитинову (1749-1819) за разрешением последовать в ссылку за своим «благодетелем и другом». На просьбу была наложена резолюция «Высочайшего соизволения не последовало. 6 апреля 1812 г.» (*Там же.* С. 51-52).

[107] *Там же.* С. 55.

[108] См.: РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1, 39-40, 20-27.

[109] *Там же.* Л. 60. Речь идет о «Комитете охранения общей безопасности» во главе с бывшим воспитателем царя генерал-фельдмаршалом графом Н.И.Салтыковым. Тот же комитет расследовал (безрезультатно) и дела о распространении Сперанским писем с критикой внутренней и внешней политики империи (см.: РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 5), «о злонамеренных сношениях Сперанского /.../ с Французским двором» (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 914. Л. 1 (история попала в парижские газеты).

[110] Ф. 731. Ед. хр. 2341. Л. 1-1 об. Донос содержит две резолюции Балашова: «Докладывал /царю/ 6 сентября. 7 сентября 1812 /г./. К делу приобщить».

[111] Цит. по: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу)... Стлб. 1143-1144. Слухи о мнимом предательстве Сперанского достигли Черкутина, где мужики хотели «раскатать по бревнам» дом «изменника». Зять Сперанского в ужасе хотел с семьей бежать из села. Опальный сановник пристыдил и отговорил М.Ф.Третьякова от этого необдуманного поступка в письме от 14 сентября (за день до отъезда из Нижнего) (См.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1955. Л. 1-3).

[112] *Дмитриев А.И.* Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869, № 8. С. 744. Автор снабдил статью примечанием: «Подробности, здесь описанные, сообщены мне другом моим Ф.А.Прядыльщиковым, одним из старожилов Перми, слышавшим все это от современников и очевидцев» (*Там же*). Приведем свидетельство другого биографа, также

записывавшего рассказы очевидцев: «Двое полицейских служителей посменно сидели у него в передней. Кроме того, городничий (прежнее название нынешнего полицмейстера) каждый день, а иногда и по нескольку раз в день, приезжал к нему в квартиру» (*Попов Е., протоиерей. М.М.Сперанский в Перми и Сибири. Пермь, 1879. С. 10*).

[113] *Попов Е., протоиерей. М.М.Сперанский в Перми и Сибири. Пермь, 1879. С. 10-11.*

[114] Еще 14 августа 1812 г.(из Нижнего) Сперанский писал другу о вынужденной необходимости сноситься через нарочных: «Я не вижу никакой надобности переписываться по почте. Что бы мы ни написали, ничему не поверят. К чему же нам тешить наших неприятелей. Путь теперь проложен/.../» (Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому... С. 25).

[115] Цит. по: *Томсинов В.А. Светило русской бюрократии... С. 219.*

[116] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2019. Л. 1-1 об.

[117] *Попов Е., протоиерей. М.М.Сперанский в Перми и Сибири. С. 16, 15.*

[118] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 26. Л. 1-1 об.

[119] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 22. Письмо долго шло к царю (Александр I участвовал в заграничном походе русской армии; император получил послание Сперанского не ранее лета 1814 г.). См. также: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 310).

[120] Хозяин дома, где жил Сперанский, вспоминал: «Читал он в Перми больше все богословские сочинения; в порядочной семинарской библиотеке не осталось ни одной книги, им не прочитанной с величайшим вниманием, и большей частью с составлением для себя выписок» (цит. по: *Новаковский В./И/. Михаил Михайлович Сперанский... С. 62.*

[121] *Бурнашев В.П. Граф Михаил Михайлович Сперанский // РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 9. Л. 7 об.*

[122] *Катетов И.В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. С. 9.*

[123] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 425.

[124] *Попов Е., протоиерей. М.М.Сперанский в Перми и Сибири. С. 29.* В конце мая 1819 г. Сперанский вновь посетит Пермь, но уже в ином обличье и качестве.

[125] Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому... С. 55.

[126] Цит. по: *Дубровин Н./Ф./ Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 160-161.*

[127] Впрочем, доброта не помешала Сперанскому отдать «в рабочий дом», а потом «в рекруты» дворовых «негодяев» Карнея и Виктора (сбегавших из имения, обкрадовавших барина; видимо, шпионивших за ним по поручению властей) (см.: Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г. Масальскому... С. 74; письмо от 1 января 1816 г.).

[128] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1761 (мистико-апологетическое исследование, черновой автограф, 89 лл., бумага с водяным знаком 1809 г.).

[129] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1767 (заметки при чтении Нового Завета, черновой автограф, 111 лл., бумага с водяным знаком 1813 г.).

[130] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1763 (предисловие, изложение, перевод; черновой автограф, 58 лл., бумага с водяным знаком 1815 г.).

[131] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1818 (на латинском языке, 26 лл., бумага с водяными знаками 1812 и 1815 гг.).

[132] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1768, 1769-1775.

[133] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1816, 1817. Иоганн Таулер (1300-1361) - германский мистик, теолог, проповедник. См. также черновой автограф развернутого плана мистического сочинения по истории мироздания от сотворения мира до Страшного суда в 24 главах (от «Первоначального рождения Сына» до «Предания царства Отцу»)// РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1807 (бумага с водяным знаком 1812 г.).

[134] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1836. Л. 1-5. Речь идет об опубликованном документе, парафировавшем договор о заключении союза.

[135] Цит. по: *Корф М.А.* Из бумаг о графе Сперанском, в дополнение к его «Жизни», изданной в 1861 г. // Русский архив. 1865, № 1. Стлб. 451-452.

[136] См.: *Федоров В.А.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997. Изменившееся отношение к Сперанскому при дворе тонко почувствовал его бывший начальник граф В.П.Кочубей, который писал изгнаннику 27 июня 1816 г.: «Я не имею нужды удостоверять вас, сколь искреннее участие принимаю я в положении вашем и сколь сокрушен я был случившимся с вами. Вы в/о/ мне не можете иметь никакого сомнения, зная чувства мои, и сколь искренне всегда отдавал я справедливость и дарованиям вашим и свойствам вашей души» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2099. Л. 2). Спустя два года (4 сентября 1818 г.), когда ссылка осталась в прошлом, он же признавался старому сослуживцу: «Ежели в 1812 г. оставался я в молчании, то легко вы себе представить можете, что это было для меня столь же прискорбно, сколько и самое положение ваше. Никогда не мог я вообразить, чтоб могло иметь какое-либо основание взведенное что-то на вас неприятелями вашими /.../. Сожалею, что Государь и государство лишились по продолжении многих лет полезных трудов ваших» (*Там же*. Л. 2).

[137] *Сперанский М.М.* Письма (10) к генералу от инфантерии, члену Государственного совета А.А.Аракчееву // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1838. Л. 1-6 об. В конце письма Сперанский, проявляя истинное благородство, хлопочет об освобождении сосланного в Вологду Магницкого и просит фаворита помочь с продажей имения Великополье в казну (л. 7 об.).

[138] *Аракчеев А.А.* Письма (25) к М. М. Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2015. Л. 3-4.

[139] См., например: РНБ. Ф.539. Архив В.Ф.Одоевского. Ед. хр. 1719. Л. 5 об. - 7. Годы изгнания в послужном списке деликатно обозначены: «Отставлен с сохранением оклада по 6000 рублей - 17 марта 1812 года» (см., например, РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 3). В личном архиве К.Г.Репинского сохранился важный документ, характеризующий истолкование ссылки Сперанского императором Николаем I: «В 11 день февраля 1839 года (в день кончины Графа Сперанского) министр юстиции Д.В.Дашков предписал Начальнику Герольдии следующее: "По поводу рапорта Вашего за № 15, коим испрашивали моего разрешения: должно ли будет поместить в диплом на Графское достоинство графа Сперанского обстоятельство об удалении его в 1812 году от службы, я входил с всеподданнейшим докладом к Государю Императору и Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: /.../ изложить в дипломе на графское его достоинство следующее: *находился вне службы с 1812 по 1816 год, а в сем году Высочайшим указом 30 августа определен Пензенским Гражданским Губернатором*"/.../» (РНБ. Ф.637. Ед. хр. 732. Л. 4). Находился вне службы... и все...

[140] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 22. Л. 1. Еще 4 сентября министр финансов граф Д.А.Гурьев уведомил Сперанского: «Всемиловнейше пожалованные вашему превосходительству на проезд в Пензу по случаю определения вам тамошним гражданским Губернатором шесть тысяч рублей ассигновал я из Новгородской Казенной палаты» (*Гурьев Д.А.* Письма (24) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2056. Л. 1). В письме от 5 октября Гурьев сообщил новоиспеченному губернатору о том, что государь распорядился выплачивать ему дополнительно по 500 рублей ежемесячно (*Там же*. Л. 2). Позднее он же выслал Сперанскому императорские указы о продолжении выплат по 6000 рублей в год, назначенных еще 29 декабря 1812 г., и о продлении аренды мызы Агоф еще на 12 лет (*Там же*. Л. 4, 5).

[141] *Сперанский М.М.* Письма к дочери (1816-1821) // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 1.

[142] *Трошинский Д.П.* Письма (3) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2182. Л. 1. П.В.Лопухин, также в прошлом патрон Сперанского, писал ему 30 октября 1816 г.: «Я всегда искренне вас любил и почитал и прошу быть уверену, что чувства сии сохраню, пока жив»

(*Лопухин П.В.* Письма (10) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2126. Л. 1). См. также письмо к Сперанскому известного дипломата Александра Б. Куракина (брата Алексея Б. Куракина) от 23 ноября 1816 г. (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2106. Л. 1).

[143] 31 октября 1816 г. Сперанский пишет другу: «Хотите ли знать образ моей жизни. - Утро - в губернском правлении. Обедаю каждый день на большом званом обеде у здешних весьма избыточных дворян. Вечер - дела уголовные. Сплю прекрасно и давно уже не бывал так бодр и здоров. Со временем надеюсь быть свободнее, когда очищу губернское правление и земские суды от множества запущенных дел» (Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому... С. 91).

[144] Сперанский писал Аракчееву: «Пребывание мое здесь день ото дня становится лучше и тверже. И в малом круге есть много упражнений» (16 января 1817); «Пристрастие мое к здешнему краю основано на причинах весьма твердых. Здесь, в первый раз после пятилетнего моего странствия, нашелся я в некоторой свободе, без подозрений и надзора и с уверенностью быть кому-нибудь и сколько-нибудь полезным» (27 марта 1817 г.) (*Дубровин Н./Ф./* Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 183, 190-191).

[145] *Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский... Л. 8.

[146] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 4. Речь идет о древнегреческих и древнеиудейских мыслителях, чьи труды он читал на языке оригиналов.

[147] См.: *Сперанский М.М.* Письма (32) к графу Д.А.Гурьеву // РНБ. Ф.731. Ед. хр. 1860; *Гурьев Д.А.* Письма (24) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр.2056.

[148] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2056. Л. 11 об.

[149] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 4. В благодарственном письме к царю от 12 февраля 1818 г. Сперанский писал: «Отец великого семейства, распределяя насущный хлеб своим чадам, не столько смотрит на заслуги их, как на нужды» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1854. Л. 4-4 об.).

[150] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 30. Л. 2 об. Десятина несколько превышает по площади современный гектар.

[151] Из записи К.Г.Репинского мы узнаем о масштабах поместных владений Сперанского на день смерти: «/.../ имеет во владении мужеского пола душ дворовых людей и крестьян /.../ Пензенской губернии и уезда в деревне Хоневке /так !; иногда пишут: Ханеневке/ 379 душ; Саратовской губернии в Сердобском уезде, в деревне Сперанке 63 души» (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 1 об.). Душевладение Сперанского по тем временам было весьма скромным.

[152] *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М.Сперанского. М., 1905. С. 12, 13.

[153] *Магницкий М.Л.* Письма (2) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2123. Л. 1. Впоследствии пути Сперанского и Магницкого (в частности, он посылал тому деньги в Вологду), ставшего симбирским губернатором, позднее - попечителем Казанского университета, впавшего в рептильный обскурантизм, совершенно разошлись См.: *Магницкий М.Л.* Дума на гробе графа Сперанского // *Москвитянин.* 1843, № 4. С. 480-490; *Магницкий М.Л.* Дума при гробе графа Сперанского // Письма графа Сперанского к Х.И.Лазареву. СПб., 1864. С. 90-100.

[154] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1896. Л. 1-1 об. 6 мая 1818 г. Сперанский был избран Почетным членом Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности (1816-1825; «декабристская» организация, членами которой были Ф.Н.Глинка (председатель), К.Ф.Рылеев, В.К.Кюхельбекер, Н.А. и А.А.Бестужевы и др.). См.: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2123. Л. 1-1 об. Значимый факт в биографии Сперанского.

[155] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1503. Л. 2, 1.

[156] См. «благодарственное письмо пензенского дворянства пензенскому гражданскому губернатору» от 12 января 1819 г. (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2214. Л. 1).

[157] *Александр Первый*. Письма (5) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2012. Л. 1-3. С неточностями опубликовано /А.Ф.Бычковым ?/: В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 105-107.

[158] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2015. Л. 18. Подсластив пилюлю, Аракчеев в этом же письме уведомляет Сперанского о долго ожидаемой покупке Великополья (Л. 17).

[159] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 150. 5 апреля в письме к Елизавете он вспоминал: «31 марта, в страстной понедельник, я сидел после обеда и беседовал с моим греческим Геродотом - колокольчик, фельдъегерь - я сибирский генерал-губернатор» (цит. по: В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 130-131). Через 10 дней 15 апреля Сперанский в очередном письме к дочери трактует свое новое назначение в более благоприятном освещении: «Одна разлука с тобою составляет всю мрачную сторону моего нового назначения; все прочее достохвально и даже блистательно, а лучше всего то, что сия перемена венчает мою службу хоть странным, но весьма приличным и благовидным образом» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 160).

[160] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1860. Л. 44-44 об. В ответном письме (от 22 апреля 1819 - Сперанский еще в Пензе) граф Д.А.Гурьев конфиденциально сообщает новоназначенному сибирскому генерал-губернатору сведения, непосредственно полученные из разговоров с «Высочайшей особой»: «Когда пронеслись здесь слухи о вашем приезде в Петербург, я сердечно был обрадован; но вскоре с удивлением, случайно и от самого источника узнал я прежде всех о вашем новом назначении: тогда не мог я возобновить повторения, сколь полезно было бы занять вас важнейшими делами при самом центре общего правления, а не в отдаленной какой-либо части. Мне отозвались: взгляд ваш на столь малооткрытый и неизвестный край довершит ваши общие сведения о положении всех частей государства и тогда с большим еще совершенством вы можете привести в образование и порядок все то, что на вас возложено будет. Причем весьма убедительно меня уверили, что через самое короткое время вы к нам будете с тем, чтобы навсегда здесь остаться: я сего непременно желаю» (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2056. Л. 50-51). Увы, опять император слукавил («короткое время»); Сперанский возвратился в столицу лишь 21 марта 1821г.

[161] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 113.

[162] *Там же*. С. 118.

[163] *Там же*. С. 152.

[164] *Там же*. С. 158-159.

[165] *Там же*. С. 7.

[166] См. его письма (89) к М.М.Сперанскому. 1817-1828 // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2121. Лубяновский управлял пензенским имением Сперанского.

[167] *Сперанский М.М.* Дневник («Путешествие в Сибирь») с 31 марта 1819 по 24 марта 1821 г. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 479.

[168] В Казани его ждал вновь принятый на службу и откомандированный (помог Аракчеев) в помощь генерал-губернатору М.А.Цейер (сведения об этом достойнейшем человеке содержатся в его формулярном списке, приложенном к письму к Сперанскому от 12 января 1828 г. с прошением об увольнении со службы - РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 590. Л. 4-11; за 31 год Цейер дослужился до чина действительного статского советника; был «правителем дел» канцелярии своего патрона, позже работал с ним во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии).

[169] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 166.

[170] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 18.

[171] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 495. С. 1.

[172] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 856. Л. 1.

[173] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 226.

[174] См. «диплом» на латинском языке, подписанный президентом С.С.Уваровым (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 7. Л. 1). В благодарственном письме С.С.Уварову Сперанский скромно отмечает: «Любовь к наукам и искреннее уважение к сему знаменитому сословию составляют всю мою заслугу, но Академия взирала не на дела, и поставила высокую цену самим побуждениям. И в Сибири побуждения сии сохранили свою силу» (ошибочно хранится: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 12 - среди документов Российской академии наук, имеющих отношение к Сперанскому (должно быть: РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 7). Немного истории: Академия наук основана 28 января 1724 г. Петром Великим; с 1747 г. - Императорская академия наук и художеств; с 1803 г. - Императорская академия наук. Российская академия (1783-1841) - центр изучения русских языка и словесности (и только).

[175] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869. С. 26-27. См.: *Фома Кемнийский*. О подражании Христу. СПб., 1819 /имя переводчика не указано/. Согласно «ведомости» на 9 мая 1821 г. было «продано 169 и 944» экземпляров книги. «Выручено 6371 р/убль/ 28 к/опеек/», которые «Попечительским комитетом» переданы «дряхлым, увечным и больным» (*Тургенев А.И.* Письмо к М.М.Сперанскому от 9 мая 1821 г./ с приложением письма П.Галахова к А.И.Тургеневу от 9 мая 1821 г./) // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2183. Л. 3).

[176] 18 сентября он пишет из Иркутска А.А.Столыпину: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить» (В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 246).

[177] См. подробнее: *Вагин В./В./* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1, 2. СПб., 1872.

[178] *Там же*. Т. 1. С. 569, 571. Ср.: «При всей простоте в обхождении он увлекал вас своей личностью: наружность его сама по себе была приятна, но выражение какого-то радужного достоинства сообщало ей особенный интерес /.../» (*Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский... Л. 11). Пристрастный Л.Н.Толстой, не любивший Сперанского, создал его отталкивающий (карикатурный) портрет (См.: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений... Т. 10. «Война и мир». Том второй. С. 164-165).

[179] *Магницкий М.Л.* Дума при гробе графа Сперанского // Письма графа М.М.Сперанского к Х.И.Лазареву. С. 97. Эту фразу почти слово в слово повторяет другой биограф (см.: *Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский... Л. 9). См. также письмо графа Уварова к Сперанскому от 1 декабря 1819 г. (В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 238).

[180] Столетняя годовщина рождения графа Михаила Михайловича Сперанского // Юридический вестник. 1872, № 1. С. 146-147 /речь профессора Московского университета С.И.Баршева, служившего под началом Сперанского в Петербурге/.

[181] См.: *Сперанский М.М.* Опись дел по управлению Сибирью. 1822. 79 лл. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 478.

[182] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 494. Л. 5.

[183] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... С. 105.

[184] Сохранился документ, в котором подробно зафиксирован маршрут (станции, число верст, истраченные «прогонные» деньги) этой поездки на 9 лошадях (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 487).

[185] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... С. 119-120.

[186] Цит. по: В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 60.

[187] *Там же*. С. 64.

[188] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2012. Л. 5-5 об.

[189] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... С. 141-143.

[190] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 303.

[191] *Там же*. С. 304.

[192] Сперанский отсрочку своего возвращения в столицу связывал с интригами Трескина (через Пестеля), в чем Голицын (с ведома царя) разубеждал Сперанского в письме от 15 июля 1820 г. (*Там же*. С. 324). Благорасположение императора к себе Сперанский, видимо, намеренно преувеличил.

[193] *Там же*. С. 306, 307, 308.

[194] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1963. Л. 344 об. При сверке оригинала письма с печатным текстом установлено: анонимные публикаторы слово «словесности» заменили на «поэзии» (Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... С. 213). Через несколько лет Пушкин станет посетителем литературного салона дочери сановника. В сибирских письмах Сперанского к Елизавете содержатся также тонкие суждения о творчестве Монтескье, Фенелона, Шатобриана и Руссо.

[195] *Сперанский М.М.* Записка о томской масонской ложе. Б.д. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 559.

[196] См. его недатированные письма (о деятельности пекинской миссии, о настроениях киргизских племен, об избрании киргизского хана) к министру иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде (1780-1862) (*Сперанский М.М.* Письма (14) к К.В.Нессельроде. 1820-1834, б.д. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1919).

[197] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 98.

[198] В тот же день он с горечью зафиксировал в дневнике: «Выехал 17 марта 1812-го. Возвратился 22 марта 1821/-го/. Странствовал 9 лет и 5 дней» (*Там же*. С. 101).

[199] Финансовое положение Сперанского было весьма незавидным. Еще 25 сентября 1820 г. он писал другу: «В течение одного года я продал на 215 т/ысяч/ р/ублей/ имения / Великополье, дом в Петербурге/ и из денег сих не видал у себя ни одного рубля. Все пошли на уплату долгов. Это лучший ответ тем, кои искали или предполагали у меня богатство» (Письма графа М.М.Сперанского к Х.И.Лазареву. С. 48).

[200] В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 101.

[201] Письма графа М.М.Сперанского к Х.И.Лазареву. С. 50.

[202] «Журнал камер-фурьерской должности Государя Императора Александра Павловича 1821 года» // РГИА. Ф. 516. Камер-фурьерские журналы. Оп. 1. (28/1618). Ед. хр. 119. Л. 136.

[203] Лишь один (весьма информированный) биограф констатирует: «/.../ император Александр Павлович удостоил его самого милостивого приема и назначил членом Государственного совета и Сибирского комитета /.../» (*Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский... Л. 9).

[204] РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (28/1618). Ед. хр. 119. Л. 149, 154, 160, 162, 174, 177 об., 179 об., 188 об., 190 об., 191, 192, 201, 202, 209, 212, 222 об., 223, 243, 244 об., 245 об., 256 об., 258 об., 260, 269, 271 об., 272 об., 275, 277, 278 об., 280 об.; 294, 303, 333.

[205] *Сперанский М.М.* Примечание к проекту об учреждении наместничеств. Черновой автограф чернилами. 32 лл. // РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 752.

[206] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 12. Л. 2. Действительным членом Российской академии наук Сперанский был избран 24 января 1831 г. (РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 19).

[207] РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 59. Л. 2. Статья (предназначавшаяся для самой многотиражной литературно-политической газеты «Северная пчела») осталась неопубликованной. Соредатор газеты, журналист и беллетрист Н.И.Греч писал Руничу 15 февраля 1839 г.: «/.../ статья Ваша в "Северной Пчеле" напечатана быть не может потому, что вследствие принятых журналами / так !/ правил одно частное лицо не может судить о жизни и заслугах государственных мужей от своего собственного имени» (*Там же*. Л. 6). В николаевское время частные мнения не приветствовались.

[208] *Бурнашев В.П.* Граф Михаил Михайлович Сперанский... Л. 5.

- [209] *Никитенко А.В.* Воспоминание о М.М.Сперанском // РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 872. Л. 5 об.-6 об.
- [210] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 7.
- [211] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 24. Л. 1. Еще до официального назначения главноуправляющий Комиссией составления законов писал Сперанскому 11 июля 1821 г.: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Комиссии составления законов во время отсутствия моего из Петербурга находиться под управлением Вашего превосходительства» (*Лопухин П.В.* Письма (10) к М.М.Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2120. Л. 2-3).
- [212] Вагин В./В./ Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 2. С. 339. В канцелярию Сибирского комитета были приняты Цейер, Репинский и Батеньков.
- [213] Выписка из журнала Азиатского комитета Министерства иностранных дел // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 23. Л. 1. Алексей Петрович Ермолов (1777-1861), герой войны 1812 г., друг и покровитель будущих декабристов.
- [214] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 31. Л. 1.
- [215] *Давыдов Д.В., генерал-майор.* Из памятных записок // Русский архив, 1871. № 4-5. Стлб. 0964 /так !/. Этот факт подтверждает и Де-Санглен (см.: *Погодин М.П.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу). Стлб. 1148).
- [216] *Шильдер Н. /К./* Александр I // Русский биографический словарь. /Т. 1./ Аарон - Александр II. СПб., 1896. С. 369. См. также: *Дамешек Л.М., Кузнецов А.С.* Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 3. Иркутск, 1973. С. 116-146; *Кодан С.В.* Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX - начала XX века. Иркутск, 1988. С. 114-123.
- [217] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 908. Л. 1, 2, 7. Биограф врага Сперанского ошибочно утверждает, что Сперанский никоим образом не прикладывал руку к увольнению Розенкампа, последовавшему по Высочайшему указу 13 апреля 1822 г. (см.: *Майков П./М./* Розенкамп /Русский биографический словарь. /Т. 16/. Рейтерн - Рольцберг. СПб., 1913. С. 368). Критика деятельности Розенкампа, содержащаяся в «обозрении» Сперанского, опровергает это мнение.
- [218] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2244. Л. 1.
- [219] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 42. Л. 42.
- [220] *Сперанский М.М.* Письма (14) А.А.Фролову-Багрееву. 18 марта 1822 - 17 февраля 1823 гг., б. д. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1962. Л. 10-10 об.
- [221] *Там же.* Л. 12.
- [222] *Сперанский М.М.* Письма (2) к матери // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1942. Л. 3-4.
- [223] 27 августа 1822 г. Сперанский писал мужу своей сестры: «/.../ в 16-й день сего месяца совершился брак моей Елизаветы с Александром Алексеевичем Багреевым /так !/» (*Сперанский М.М.* Письма (15) к протоиерею М.Ф.Третьякову. 1812-1832 // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1955. Л. 6).
- [224] *Сперанский М.М.* Письма к дочери. Часть третья /так !/. Письма петербургские. 1821-1824 // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1965. Л. 21.
- [225] *Там же.* Л. 57 об. - 58 об. Князь Александр Александрович Шаховской (1777-1846) - поэт, переводчик, драматург.
- [226] *Там же.* Л. 152.
- [227] *Сперанский М.М.* Дневник. 24 марта 1821-21 апреля 1828 («Записки М.М.Сперанского за 1821-1828 /гг./») // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 42. Л. 99 об. Далее ссылки на дневник Сперанского даются в тексте с указанием в скобках номеров листов документа.
- [228] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 473. Л. 1 об.- 2.

[229] См.: *Фролов-Багреев А.А.* Сравнительная ведомость финансового положения украинских имений М.М.Сперанского в 1831 и 1837 гг., составлена 7 июня 1837 г. // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 37. Л. 2.

[230] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 735. Л. 67.

[231] *Дубровин Н./Ф./* Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 331.

[232] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 4 об.

[233] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2056. Л. 65.

[234] РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 8.

[235] *Там же.*

[236] РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 921. Л. 6-8 об.

[237] См., например: Тайна, или секретная Апология, поданная архимандритом Фотием Императору Александру I „1824 года апреля 12 дня“ (РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 87. Л. 1-5. Фотий называет будущих декабристов „карбонариями“ (члены тайного террористического общества в Италии, боровшиеся против австрийского владычества).

[238] См. подробнее: *Карцов П.П.* О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник, 1890. № 2, 3, 4.

[239] */Сперанский М.М./* О военных поселениях. СПб., 1825. 32 С. („печатано в типографии Штаба военных поселений“). Ссылки даются в тексте с указанием в скобках номеров страниц.

[240] Аракчеев, ставший в 1817 г. начальником военных поселений, лично честный, абсолютно бескорыстный человек, сумел аккумулировать громадные средства для развития военных поселений (25 миллионов рублей; совершенно фантастическая по тем временам сумма).

[241] К.Г.Репинский сообщает, что Сперанский хранил некие документы, связанные с кончиной самодержца (их видела Елизавета), бумаги были переданы сановником Николаю I (РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 855. Л. 11).

ГЛАВА III

ЭПОХА НИКОЛАЯ I

Неожиданная кончина самодержца повлекла за собой неожиданные последствия. Кратко напомним династическую историю на тот период. Император Павел Петрович от второго брака с императрицей Марией Федоровной (урожденная София-Доротея-Августа, принцесса Вюртемберг-Штутгартская; 1759-1828) имел детей: в мужском “колоне” - Александра (1777-1825), Константина (1779-1831), Николая (1796-1855), Михаила (1798-1849); дочерей - Александру (1783-1801), Елену (1784-1803), Марию (1786-1859), Анну (1795-1865). Трон унаследовал старший сын Павла Александр. Согласно павловскому закону о престолонаследии дочери самодержцев не могли претендовать на императорскую корону.

Брак императора Александра Павловича и императрицы Елизаветы Алексеевны (урожденная Луиза-Мария-Августа, маркграфиня Баден-Баденская; 1779-1826) был бездетным; они родили двух дочерей, которые умерли во младенчестве. Наследником престола автоматически становился великий князь Константин Павлович. Так все и думали. Однако от сановников и обывателей было скрыто одно чрезвычайно важное обстоятельство.

Великий князь Константин, названный так державной бабкой с дальним политическим прицелом: посадить его на трон возрожденной православной империи со столицей в Стамбуле (Константинополе), был женат на Анне Федоровне (урожденной Юлиане-Генриетте-Фредерике-Ульрике, принцессе Саксен-Заафельд-Кобургской; 1781-1860), которая уехала в 1801 г. за границу, прекратив с ним брачные отношения. Долгие годы брак официально не расторгался. Цесаревич Константин имел внебрачного сына, названного Павлом Константиновичем Александровым (по имени крестного отца - императора Александра I; 1808-1857), который в силу незаконнорожденности никаких династических прав не имел. В 1815 г., будучи многолетним наместником старшего брата в Польше, Константин без памяти влюбился в графиню Иоанну (Жаннету) Грудзинскую (1795-1831). Желая вступить с ней в брак, Константин начал бракоразводный процесс с Анной Федоровной, которому противились и мать, и брат-император. Константин настоял на своем: 20 марта 1820 г. появился манифест о расторжении брака великого князя.

12 мая того же года Константин венчался с польской графиней. Манифестом от 8 июня 1820 г. ей был дарован титул “светлейшей княгини Ловицкой” (часто пишут: Лович). Однако брак этот был “неравномерным” (морганатическим), поэтому великий князь Константин вынужден был отказаться от права наследования престола. Манифестом от 16 августа 1823 г. император Александр I провозгласил наследником великого князя Николая Павловича. Этот манифест был объявлен государственной тайной, никто его не читал (о нем знали митрополит Филарет и два-три ближайших царедворца; даже великому князю Николаю было устно сообщено его содержание).

Известие о кончине Александра Павловича было получено в Петербурге 27 ноября 1825 г. Законным наследником все обоснованно считали великого князя Константина, которому немедленно (в тот же день) присягнули и Николай (он отрекся от своего публично оглашенного права), и Государственный совет, и двор, и гвардия.

Началось знаменитое междуцарствие: 27 ноября - 14 декабря, приведшее к декабристскому восстанию. Великий князь Константин категорически отказался приехать в столицу, чтобы публично сложить с себя корону и передать ее младшему брату. В трудной ситуации Николай прибегнул к золотому перу Сперанского.

Манифест о восшествии на престол Николая Павловича первоначально был написан Карамзиным, однако проект был отклонен, текст 12 декабря заново написал Сперанский (Николай подписал его 13 декабря). В тот же день от имени Николая Сперанский написал письмо великому князю Константину:

“Любезнейший Брат.

В полной мере разделяя с вами тяжкую скорбь, совокупно нас постигшую, я искал утешения в той мысли, что в вас, как старшем Брате, коего от юности моей сердцем и душою привык я чтить и любить, найду я Отца и Государя. Ваше Императорское Высочество письмом вашим от 26 ноября лишили меня сего утешения. Вы запретили мне следовать движениям моего сердца и присягу не по долгу только, но по внутреннему чувству мною вам принесенную, принять не восхотели /исправлено карандашом рукой Сперанского - не благоволили/.

Но Ваше Высочество не воспретите, ничем не остановите чувств преданности и той внутренней душевной присяги, которую вам дав, возратить я не могу и которой отвергнуть по любви вашей ко мне вы не будете в силах. Желания вашего Высочества исполнены. Я вступил на ту степень, которую вы мне указали и, к коей быв законом предначинаны, вы занять не восхотели. Воля ваша свершилась”.

В воскресенье - 13 декабря на 8 часов вечера было назначено чрезвычайное заседание Государственного совета. Оно началось около полуночи и завершилось около часа ночи 14 декабря (единственное ночное заседание за всю историю Государственного совета). Николай, которого в начале заседания именовали Вашим Высочеством, огласил текст манифеста,

написанного Сперанским, все присягнули новому императору. При прощании все обращались к нему с титулованием Ваше Величество. Покинув зал заседаний, новый царь сказал супруге: “Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, - умереть с честью”. Государь знал о готовящемся восстании, о планах заговорщиков убить его и всю императорскую фамилию, однако, как и старший брат, не принял (вопреки имеющейся информации) никаких мер для того, чтобы подавить мятеж в зародыше.

Утром 14 декабря Николай объявил военным, что принимает корону. Ему присягнули генералы, Сенат и Синод. Было отдано распоряжение зачитать манифест в церквях после обедни. Тогда же должна была состояться церемония торжественной присяги войск новому императору. Воспользовавшись тем обстоятельством, что в течение 17 дней войскам дважды нужно было присягать двум императорам, обманув солдат ложным известием (“Государь Константин Павлович не отказался от престола, а в цепях находится”), офицеры-революционеры склонили Московский полк и ряд других частей к бунту против Николая. Пролилась кровь (с двух сторон). Восстание было подавлено. При подавлении мятежа Кюхельбекер чуть было не застрелил Михаила Павловича, стреляли и в Николая: “По нем сделали залп и пули просвистали Ему через голову”.

Анализ причин и следствий декабристского восстания не входит в задачу настоящего исследования (напомним о восстании Черниговского полка на Украине 29 декабря 1825 - 3 января 1826 гг.). Победа восставших (под руководством Северного и Южного обществ) привела бы, на наш взгляд, к национальной катастрофе (террор, всевластие политического сыска и тайной полиции, ксенофобия, изгнание евреев и т.д.). К счастью (или к несчастью), история не имеет сослагательного наклонения. Участников восстания, понесших суровую кару, искренне жаль. Уже вечером 14 декабря начались аресты и допросы.

Деятели республиканского крыла Северного общества знали в главных чертах реформаторские труды Сперанского (в бумагах Н.И.Тургенева обнаружены списки трактатов 1802 г. и проекта 1809 г.). Со многими декабристами Сперанский был лично знаком. Рылеев показал на следствии, что предполагалось после победы “принудить Сенат назначить временную правительственную думу, состоящую из Мордвинова, Сперанского и, в качестве правителя дел, члена Северного общества, подполковника Батенькова” (“Он, верно, будет наш; мы на него действуем через Батенькова”). Напомним, что Г.С.Батеньков, офицер, философ, поэт, революционер, сподвижник Аракчеева (да!), жил в семье Сперанских.

Как вспоминал дворянский революционер Д.И.Завалишин, утром 14 декабря к Сперанскому был послан декабрист А.О.Корнилович „объявить ему о предстоящем перевороте и испросить его согласия на назначение его в число членов регентства. - „С ума вы сошли, - отвечал Сперанский, - разве делают такие предложения преждевременно? Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне““. Зная о декабристских знакомствах и связях Сперанского и адмирала, графа Н.С.Мордвинова, царь распорядился учредить в отношении этих лиц „самое секретное исследование“, которым занимался некий „делопроизводитель“ /

так !/ А.Д.Боровков. Материалы расследования позднее были уничтожены по личному распоряжению императора. Однако царь долго подозревал Сперанского в причастности к декабристскому движению.

17 декабря 1825 г. Высочайшим указом был основан „тайный комитет для изыскания

соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря“ (через месяц слово „тайный“ было убрано из названия комитета). Комитет возглавил военный министр А.И.Татищев, в него вошли (помимо А.Н.Голицына) великий князь Михаил Павлович и ближайшие к царю генералы. С 23 декабря начались регулярные допросы декабристов. 22 января император собственноручно составил проект манифеста о создании Верховного уголовного суда над участниками восстания. Сперанский посоветовал государю на время (до суда) отложить опубликование манифеста, сосредоточив внимание на следствии. Юрист сразу же понял, что царь хочет воспользоваться его умом, познаниями, пером для осуждения декабристов (члены комитета ни дарованиями, ни опытностью, ни умением составлять государственные бумаги не обладали).

6 мая Сперанский, переработав императорский план, представил царю свой проект учреждения суда над декабристами. Царь долго изучал его, 30 мая он выслушал последние соображения Сперанского при встрече в Царском селе. 1 июня 1826 г. был опубликован манифест о создании Верховного уголовного суда (в чрезвычайно расширенном виде, по мысли Сперанского) „из трех государственных сословий“ (Государственный совет, Сенат и Синод). Верховный уголовный суд включал председателя, 17 членов Государственного совета, 3 синодальных членов, 36 сенаторов и 15 особо назначенных лиц (всего 72 персоны). В тот же день Сперанский написал от имени царя рескрипт министру юстиции о порядке ведения дел.

Судьба уготовила Сперанскому новое тяжелейшее испытание. Будучи реформатором, сторонником постепенных (впрочем, иногда и мгновенных) изменений в государственной сфере, он вынужден был теперь судить реформаторов-революционеров, попытавшихся путем вооруженного восстания, военного мятежа с пролитием крови (назовем лишь убийство П.Г.Каховским петербургского генерал-губернатора, героя войны 1812 г. графа М.А.Милорадовича) переломить судьбу России. Сперанский испытывал, несомненно, тяжкие душевные муки, угрызения совести, но... делал свое дело. Не заключалась ли в привлечении Сперанского к суду над его во многом единомышленниками (отмена крепостного права, например) тонкая и злая месть нового государя, подозревавшего его в непосредственном участии в декабристском заговоре.

Компетентный исследователь абсолютно прав: „Сперанский, оставаясь официально в тени, не выдвигаясь из числа рядовых членов Верховного суда, в то же время был главной пружиной его работы, тем скрытым маховым колесом, которое приводило в движение весь сложный механизм этого чрезвычайного судилища“; „/.../ благодаря работе Сперанского действия суда получали известную долю юридической обоснованности, которою искупалось отчасти отсутствие правильного судебного разбирательства“.

Де-Санглен, со слов друга Сперанского А.А.Столыпина, утверждает, что сановник был против смертной казни вождей декабризма. Однако жизнь и судьба распорядились иначе. Император непременно хотел казнить главных бунтовщиков. Публичных казней в России не было со времен Екатерины II (казнь в Петербурге подпоручика В.Я.Мировича (1764 г.), сделавшего попытку освободить из Шлиссельбургской крепости несчастного императора Ивана Антоновича (Иоанна VI); казнь Е.И.Пугачева и его соратников в Москве (1775 г.). Именно Сперанскому царь поручил юридическое обоснование наказания виновных.

С 3 по 28 июня суд заседал практически ежедневно. Изучив подлинные судебные документы Мировича и Пугачева, Сперанский разделил декабристов (всего к следствию по делу о „мрачном духе крамолы“ (слова Сперанского) было привлечено 579 человек) на 11 разрядов. В проекте о мерах наказаниях декабристам („росписи“) Сперанский определил: „Всем преступникам, к первому разряду принадлежащим, положить *смертную казнь отсечением головы*. /.../ Всем преступникам, ко второму разряду принадлежащим, определить так называемую в законах наших политическую смерть, то есть *положить голову на плаху и потом сослать вечно в каторжную работу*. /.../ Преступникам, к третьему разряду принадлежащим, *по лишению чинов и дворянства /определить/ ссылку в каторжную работу вечно*. /.../ Преступникам, к четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащим, *по лишению чинов и дворянства /определить/ ссылку в каторжную работу на определенное время и потом вечно на поселение*“. И так далее по степени уменьшения вины. 11 разряд (единственный без лишения дворянства) предполагал после лишения чинов запись „в солдаты с выслугою“.

Дело каждого подсудимого (их было 121 человек) рассматривалось особо, каждому выносился особый приговор. Увы, все приговоры были написаны Сперанским. Юрист выделил три главных рода преступлений: умысел и попытку цареубийства, бунт и „воинский мятеж“. Исследователь отмечает: „/.../ по ясности юридического построения, по логической стройности хода мысли, по лапидарной чистоте изложения схема обоснования разрядов подсудимых, составленная Сперанским, является одним из лучших произведений его пера, образцовой переработкой очень не образцового по форме и существу материала“.

Чуть позже во Всеподданнейшем докладе (несомненно, под нажимом императора) Сперанский поставил пять подсудимых „вне разрядов“, изменив (ужесточив) меру наказания: „Из сей росписи Ваше Императорское Величество усмотреть изволите: 1) что из 121-го человека подсудимых приговором Верховного Уголовного Суда осуждаются: *пять человек*, вне разрядов состоящих, к смертной части четвертованием; *тридцать один человек*, в первом разряде состоящих, к смертной казни отсечением головы; *семнадцать человек*, во втором разряде состоящих, к политической смерти с ссылкой вечно в каторжную работу /.../“ и так далее.

27 июня состоялось последнее заседание по поводу разрядов будущих осужденных. С 28 июня по 9 июля состоялся суд, подневный „сценарий“ которого был составлен Сперанским. 29 июня проводилось поименное голосование членов Верховного суда о наказаниях лицам, поставленным по важности преступлений вне разрядов. На баллотировочном бюллетене Сперанский позорно написал: „Поступить Воинского Устава 1716 г. арт/икул/ 19“.

Сперанский пережил муки теперь уже подлинного „падения“. Изуверская средневековая жестокость приговоров смутила его душу. Только один Мордвинов открыто выступил против смертной казни, что осталось в памяти потомков. 30 июня состоялось поименное оглашение приговоров. В этот же день царь вызвал Сперанского на свидание в Царское село. О чем они говорили? Царь оставил загадочную запись (в оригинале по-французски): „У меня была длинная беседа со Сперанским; она прошла очень спокойно и дружественно, и он принес повинную“.

8 июля Верховный суд утвердил Всеподданнейший доклад, написанный Сперанским, т.е. приговоры декабристам. 10 июля император резко смягчил наказания, оставив в силе смертную казнь лишь в отношении пяти приговоренных. Четвертование (средневековый мучительный

вид казни) он заменил позорным для дворян повешением. Лицемерный царь, снимая с себя ответственность за казнь, поручил Сперанскому написать черновик письма от лица генерала-от-инфантерии, члена Государственного Совета И.И.Дибича к председателю Государственного совета, князю П.В.Лопухину: „Государь Император повелеть мне соизволил предварить Вашу светлость, что Его Величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как на казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную“.

12 июля осужденным были объявлены приговоры. Декабрист Н.В.Басаргин, лично знавший Сперанского, вспоминал: „/.../ он грустно взглянул на меня, опустил голову, и как будто слеза выпала из глаз его“. 13 июля на кронверке Петропавловской крепости были повешены: М.П.Бестужев-Рюмин, П.Г.Каховский, С.И.Муравьев-Апостол, К.Ф.Рылеев и П.И.Пестель. В тот же день был опубликован манифест, также написанный Сперанским, в котором четко от имени императора было проведено выношенное автором положение о том, что „не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усвершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверстым, всегда будут приняты Нами с благоволением /.../“. В этих словах, опубликованных в страшный день, оставивший черное пятно в биографиях нового императора и Сперанского, намечена программа действий, которую они начали осуществлять еще до суда над дворянскими революционерами.

Деятельность Сперанского (и не только судебная) была вознаграждена. В день коронации он получает первый орден (второй по достоинству для гражданского лица) из рук нового императора. В „жалованной грамоте“ указано: „Божиею Милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Нашему Тайному Советнику и Члену Государственного Совета Сперанскому. В воздаяние за отличные труды и ревностную вашу службу Всемилостивейше пожаловали Мы вас Кавалером Ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира первой степени большого Креста, коего знаки, при сем препровождаемые, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам Императорскою нашею милостию благосклонны. Николай. Москва. 22 августа 1826 года“.

Совместная работа Сперанского с новым царем началась (как выше отмечено) еще до вступления молодого императора на престол. Николая (третьего сына Павла I) никто не готовил специально к занятию трона. Однако он получил достойное образование. Все современники обращают внимание на то обстоятельство, что Николай Павлович проявлял недюжинную компетентность в многоаспектных юридических проблемах (Сперанский, в частности, отмечал, что царь говорит, как профессор). Николай получил хорошую юридическую подготовку. В течение четырех с лишним лет с ним (и великим князем Михаилом) занимался правовыми дисциплинами знаменитый „законоведец“ Михаил Андреевич Балугьянский (1769-1847), „венгерский уроженец“ (карпаторус), выпускник Венского университета, профессор Пештского университета, поступивший на русскую службу 1 августа 1803 г. В „формулярном списке“ Балугьянского отмечено: „С 20 апреля 1813 по 1 июля 1817 года обучал Их Императорских князей Николая Павловича и Михаила Павловича правам: естественному, публичному и народному“ (т.е. международному). Едва заняв трон, Николай решительно занялся правовыми проблемами, проявив недовольство деятельностью Комиссии составления законов.

В январе 1826 г. царь поручил Сперанскому составить подробный доклад о деятельности Комиссии за век с четвертью ее деятельности. Работа над пространным отчетом-исследованием заняла, видимо, несколько недель. В трактате, представленном на Высочайшее усмотрение, Сперанский, коротко охарактеризовав историю деятельности Комиссии, представил план

системы права (законодательства), которую необходимо было заново создать: „Все законодательство разделить на шесть следующих частей. Первая часть должна заключать органические или коренные /законы/, до правления государственного относящиеся. Вторая часть должна вмещать в себя общие основания или начала прав /так !/. Третья /так !/ должна содержать в себе общие государственные законы относительно лиц, вещей, действий, обязательств, собственности, владения. Четвертая - законы уголовные и Устав Благочиния. Пятая - способы приведения законов в исполнение и применение оных (судоустройство, судопроизводство). Шестая часть - частные законы (губернии, города, общества)“. Царь принял этот план.

Далее Сперанский гордо отмечает свое участие в деятельности Комиссии в 1808-1811 гг., когда под его руководством были подготовлены „1) вторая часть Гражданского Уложения, 2) проект Торгового Уложения, 3) проект Уголовного Уложения“, и полный развал деятельности Комиссии в годы его многолетнего удаления (1812-1821). Работа полностью застопорилась, утонув в бесплодных спорах, подготовленные проекты не были даже толком рассмотрены. Далее он пишет о себе в третьем лице: „/.../ 3 ноября 1821 года последовали два Высочайших указа, /.../ коими повелено Тайному Советнику Сперанскому, получая проекты из Комиссии, представлять их Государственному совету, давать на них изъяснение, составлять по оным журналы и подносить их на Высочайшее усмотрение. Для сего поставлен он в сношения с Комиссиею без участия, однако, в ее управлении“. Последняя фраза определила судьбу Сперанского до самой смерти... Возвращение Сперанского в Комиссию составления законов вдохнуло новую жизнь в ее замершую деятельность, начались регулярные заседания, возобновилась работа над Торговым и Уголовным уложениями.

В том же январе Сперанский представил царю доклад, в котором был намечен четкий план к „окончательному составлению законов“. По мысли Сперанского, „образ составления законов есть тройкий: 1) свод, 2) уложение, 3) учебные книги.

Свод (digeste) есть соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке. Порядок сей бывает или *Хронологический*, когда законы слагаются по порядку их издания, невзирая на разность их содержания; или *Азбучный*, когда они располагаются по порядку слов; или наконец *Систематический*, когда они расположены по предметам и по тому же плану, какой принят в Уложении.

Уложение (Code) есть систематическое изложение законов по их предметам, так устроенное, чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; чтоб все законы, по своду недостающие, дополнены были в Уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя однако же к весьма редким и чрезвычайным подробностям.

Учебная книга (institutes) есть то же самое Уложение, но более методическое и приспособленное к учебному преподаванию в училищах.

Сверх сих трех главных видов есть еще четвертый, принадлежащий Уложению под именем *изъяснений* (commentaires). В них излагается разум или основание законов, дается отчет о причинах и необходимости дополнений или перемен, в Уложение введенных, и устанавливается связь их с законами существующими. /.../ Об учебной книге, кроме некоторых слабых опытов профессора Кукольника, и помышляемо еще не было. Некоторые начатки изъяснений сделаны в тетрадях, кои читаны были в Совете при рассмотрении Уложений. /.../

Три есть степени законоведения: *Приказный*; он есть память законов без связи их отношений; *Ученый* - он есть познание законов в связи и систематическом отношении их предметов; *Государственный* - он есть соображение законов с положением Государства.

Из сих трех степеней один токмо первый составляет у нас предмет постоянных занятий и практического навыка. Второму едва положены в университетах слабые начала, без книг и без пособий. Третий зависит от личных способностей и приобретает опытом дел государственных“.

Прочитав доклады Сперанского, царь отреагировал немедленно. Через семь лет он вспоминал (19 января 1833 г.): „При самом моем восшествии на Престол я счел долгом обратить внимание на разные предметы управления/.../. Первым занявшим меня делом было, естественно, правосудие. /.../ Это побудило меня с первых дней моего правления рассмотреть состояние, в котором находилась комиссия, учрежденная для составления законов. К сожалению, представленные сведения удостоверили меня, что ее труды оставались совершенно бесплодными. /.../ Вместо сочинения новых законов я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют, а самое дело, по его важности, взял в непосредственное мое руководство, закрыв прежнюю комиссию“.

31 января Комиссия составления законов была преобразована в прославленное II Отделение Собственной Его Императорского Величества (далее - С.Е.И.В.) канцелярии. Начальником II Отделения стал М.А.Балугьянский. Царь (напомним, что в разгаре было следствие по делу декабристов) не доверял Сперанскому. При назначении на пост Балугьянского император сказал ему о Сперанском: „Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810-м году: ты у меня будешь за него в ответе“.

Однако царь вверил Сперанскому (без поста и чина) общее „возглавление“ важнейшей отрасли государственного дела. Приведем слова биографа, который не без некоторого удивления свидетельствует: „Сперанский /.../, которому было вверено управление всего дела и все доклады по этой части у Государя, не получил никакого официального титула. А в продолжение тринадцатилетнего управления он постоянно носил одно прежнее звание члена Государственного совета по департаменту законов“. Император отчетливо понимал, что в осуществлении планов, намеченных Сперанским, ему не обойтись без его гениального ума, обширнейших правовых познаний, юридической опытности. До самой смерти Сперанский руководил II Отделением без какого-либо юридического оформления своей нелегкой миссии. Бытует легенда, что, пережив гонения и ссылку, он позже неоднократно отказывался от портфеля министра юстиции.

4 апреля 1826 г. были изданы Высочайшие указы (Правительствующему Сенату и министру финансов) об укомплектовании чиновниками II Отделения С.Е.И.В. канцелярии. Вместо 44 человек, служивших в Комиссии составления законов, во II Отделение было зачислено 20 чиновников (чиновникам, оставшимся за штатом, было выплачено годовое жалование). В штат II Отделения (помимо прочих) были зачислены известнейшие ученые, профессора А.П.Куницын (преподаватель Лицея, фундатор политических воззрений А.С.Пушкина), М.Г.Плисов (оба были уволены из Санкт-Петербургского университета за вольнодумство и демонстративно приняты Сперанским и Балугьянским на службу во II Отделение), В.Е.Клоков (у почтенного профессора был замечательно интересный чин: „обер-гиттен-Фервальтер 8 класса“); „действительный статский советник Цейер“, „коллежский секретарь /Н.М./ Старцов“ (ставший ближайшим помощником Сперанского в последние годы жизни будущего графа), „надворный советник барон Корф“. На содержание II Отделения было ассигновано 37 800 рублей (Комиссия составления законов тратила 95 000 рублей в год). Отдельной строкой финансировалось приобретение книг для II Отделения - 10 000 рублей в год.

Сперанский прозорливо наметил три направления в титаническом труде по систематизации законодательства: составление Полного собрания законов, на его основе - Свода законов и Уложений (кодексов, выражаясь современным языком). Гигантская работа была завершена (первый и последний раз в российской истории) в кратчайшие сроки и увенчалась блистательным успехом. Но обо всем по порядку.

Номинально возглавив II Отделение, Сперанский попытался создать при нем некую высшую юридическую школу, он даже подумывал об академии. Создание этого юридического учебного заведения не было никак оформлено, но оно существовало фактически долгие годы. Начало преподавания юридических дисциплин было положено самим Сперанским.

Прочитируем запись М.А.Корфа: „При первоначальном приступе во II-м Отделении Собственной Его /Императорского/ Величества канцелярии к составлению свода законов граф Сперанский собственноручно написал для каждого чиновника предварительное обозрение и главные разделения вверенных ему частей“. Сохранились законченные мини-трактаты Сперанского: „Об охранении“, „К праву вообще“, „К праву яко способности“, „О праве личном“, „О системе законов вообще“, „О системе законов собственности“, „О собственности“, „О законах гражданских“.

Приведем определение, данное Сперанским: „*Право* иногда употребляется в смысле закона (objective), а иногда в смысле власти (subjective). Употребление сего слова в первом смысле Российскому языку не свойственно. Слово *jus* могло быть употребляемо в смысле закона, ибо оно происходит от *justum* (*jus a jübendo*); по сему понятию *jus* есть род, а закон его вид. Но слово *право* происходит от слова *править*, правят *по закону* лица и места, *законом* установленные, но закон сам по себе не правит. Управление действует по закону, но закон различен от управления. Право есть следствие закона и законом определяется. Если закон называть правом, то право (subjective) будет определяемо правом (objective); смешение и в других языках весьма примечательное, но от привычки к употреблению менее приметное. Право обыкновенное различают от действительной власти и поставляют его в одной способности или возможности иметь власть. Сие происходит от того, что власть (*potestas*) смешивают с владением (*potestio*)“. Любопытно, что Сперанский - христианин, идеалист, мистик-визионер - исповедует совершенно позитивистское понимание права.

И после составления „трактатов“ Сперанский продолжал „преподавательскую“ деятельность во II Отделении, читал лекции и проводил семинары (выражаясь современным языком). Так, во II Отделении в 1828-1829 гг. у Сперанского, Куницына, Плисова и Клокова обучался (параллельно с занятиями в университете) молодой, в будущем выдающийся правовед, автор „Энциклопедии законоведения“, первого в России оригинального труда по философии права и истории философии права К.А.Неволин. Неволин (с группой товарищей) по протекции Сперанского был отправлен позже на учебу в Берлинский университет, где слушал лекции у Гегеля и Савиньи. Для работы во II Отделении Сперанский отбирал лучших выпускников Духовных академий и университетов (так, незадолго до смерти он принял к себе на службу „кандидата прав“ И.Д.Делянова (1818-1898), будущего министра просвещения в правительстве Александра III).

В своей преподавательской и кодификаторской деятельности Сперанский использовал богатейшую библиотеку, собранную им за долгие годы. Библиотека была сугубо научной (труды на английском, немецком, французском, латинском и древнегреческом языках), судя по всему, в ней не было книг на русском языке (помимо карт и географических атласов). Сохранился рукописный каталог библиотеки Сперанского. Раздел „*Rechtswissenschaft*“ включал 358 наименований: *Corpus juris civilis*, *Corpus juris germanici*, салические тексты, дигесты Юстиниана, произведения Пухты (5 книг), Бунге (5 книг), Савиньи (4 книги), Миттермайера (3 книги), Фейербаха (3 книги), два парижских издания Кодекса Наполеона (1809 и 1819 гг.), все французские кодексы и мн. др. Раздел „*Staatswissenschaft*“ включал 210 наименований: два собрания сочинений Монтескье, Пелитц (4 книги), Макиавелли (на французском языке), Рейналь, А.Смит, И. Бентам, Б. Констан, Мирабо, Д.Рикардо и мн. др. Раздел „*Geschichte, Geographie und Statistik*“ включал 300 наименований: Нибур, Гиббон, Сисмонди, Мишле, литература по истории Французской революции, биографии Наполеона и мн. др. Раздел „*Religion*“ включал 199 наименований: Библия на древнееврейском, латинском, древнегреческом и чешском языках и мн. др. Раздел „*Philologie und Pädagogik*“ включал 285 наименований (на древнегреческом и латинском языках): Гомер, Эсхил, Софокл, Ксенофонт, Геродот, Плутарх, Платон, Аристотель, Вергилий, Гораций, Плавт, Катулл, Лукреций, Цицерон (отдельно трактаты и речи), Цезарь, Сенека, Тацит, Саллюстий, Светоний и мн. др. Раздел „*Philosophie*“ включал 109 наименований: два собрания сочинений Канта на латинском языке, труды Канта

на немецком и французском языках, собрание сочинений Юма на французском языке, собрание сочинений Гегеля, труды Шеллинга, Декарта, Спинозы, Ф.Бэкона, Лейбница, Пуфендорфа, Паскаля и мн. др. Раздел „Literatur und Kunst“ включал 50 наименований: Ариосто, Камоэнс, Монтень, Ламартин, Фонтенель, Руссо (собрание сочинений), произведения Ф.В.Булгарина (в переводе /!!!/ на немецкий язык) и мн. др. Сперанский также собирал книги по астрономии, математике, горному делу, природоведению и медицине.

Ко времени работы Сперанского во II Отделении у него выработалась четкая система подготовки рукописей. В те времена не было никакой множительной техники, поэтому карандашные наброски Сперанский отдавал своим помощникам, которые расшифровывали весьма трудный для чтения почерк шефа и аккуратно его переписывали набело. С набросками Сперанского работали Старцов (в последние годы чаще других), Репинский и Цейер. В перебеленные рукописи Сперанский часто вносил чернилами (реже карандашом) исправления своей рукой. Исследовательница архива великого юриста отмечает: „Подавляющее большинство рукописей Сперанского представляет собой черновые автографы, написанные карандашом. Сперанский имел обыкновение записывать свои мысли по разным вопросам на ходу /.../. Значительная часть рукописей Сперанского носит следы работ его помощников“.

В архиве кодификатора сохранилось большое количество недатированных рукописных (в подавляющем большинстве до сих пор не опубликованных) работ по теории, истории, философии права, по отраслевым правовым дисциплинам. Установить время их создания (все они написаны в промежутке между 1826-1838 гг.) не представляется возможным. Часть их относится к „штудиям“ для сотрудников II отделения, часть - к занятиям с наследником престола, часть - ко времени (незадолго до смерти) переработки юридических „бесед“ с будущим Александром II в незавершенный труд правоведа „Руководство к познанию законов“.

Назовем лишь важнейшие из них (часто будет указан шифр черновой и перебеленной рукописей): „Честное, совестное и нравственное есть одно и то же“, „Правило общежития по Канту“ („Правило союза есть то же, что и Кантово правило: так поступай - то же, что возлюби искреннего твоего, яко же сам себя. В Боге все едино: да будут едино, яко же и мы. Правило Канта есть не что иное, как необходимость совместности. Но неправилен его вывод добра и зла - отсюда следует только справедливость, а не добро и зло“ /весь текст/), „Мнение о „Духе Законов“ Монтескье“ (заголовок дан Н.М.Старцовым), „О началах законовещения римского в приложении их к российскому“, „Русская Правда есть Правда Варяжская“ („Почему нет ни слова в Русской Правде о церковном причте, о/б/ убийстве священника, боярина новгородского, тысяцкого и проч. Потому что сие уложение есть Правда Варяжская, Правда Русская“ /весь текст/), Юриспруденция“, „Право“, „Основания российского права“, „Сходство в образовании права с образованием языка“, „Власть и право“, „Обращение власти в право“, „Право сильного - не есть право“, „О стихиях права. Когда человек в союзе с самим собою“ (заголовок Н.М.Старцова), „Охранения /так !/ права“, „Править собой, править другими“, „Значение слова jus“, „Три степени законовещения“, „Записка о предметах законовещения“, „Степени и образы познания законов“, „Закон“, „О праве естественном“, Общее понятие о законе“, „Закон. Источник любви к отечеству“, „Афоризмы о разделении законов“, „Афоризмы юридические“, „Афоризмы политические и юридические“, „Афоризмы юридические и философские“, „Законы гражданские и законы политические“, „Изъяснение духа времени или либеральности“.

Из всех работ этого цикла лишь одна „О законах римских и различии их от законов российских“ четко датирована: карандашная запись Сперанского - „10 марта 1826 /года/“. Столь точную датировку Сперанский ставил в тех случаях, когда читал императорам свои тексты. Можно уверенно утверждать, что данная работа была прочитана вслух Сперанским Николаю I. Она настолько важна для уяснения правопонимания Сперанского, что целесообразно привести ее целиком:

„Законы по разделению, принятому в Юстиниановом Уложении, суть или естественные (jus naturae), или общенародные (jus gentium), или Римские (jus civile); сии последние суть или публичные, ко всему государству принадлежащие (jus publicum), /или/ к пользам частных людей относящиеся (jus privatum). На сем разделении впоследствии основано другое, более употребительное.

Законы суть или естественные, или положительные; естественные (jus naturae) суть те, кои здравым разумом устанавливаются; *положительные* (jus positivum) устанавливаются верховною властью.

Естественные законы делятся на два рода: публичные и приватные (jus publicum et jus privatum).

Законы естественные публичные еще делятся на два рода: на внутренние и внешние (jus civitatis et jus gentium). Законы естественные приватные не делятся на роды, но располагаются по их предметам тако же, как и законы положительные приватные.

Законы положительные, тако же как и естественные, делятся на два главные рода: на публичные и приватные.

Законы положительные публичные (jus civitatis statuarum) заключают в себе:

- 1) Законы государственные основные (jus fundamentale).
- 2) Законы о правах состояния (jus privilegiorum).
- 3) Законы управления (jus politicae).
- 4) Законы уголовные (jus criminale).
- 5) Законы церковные (jus ecclesiasticam).

Законы положительные приватные не имеют родов и делятся по предметам на законы: о лицах, о вещах и об исках (jus personarum, jus rerum et jus actionum); впоследствии им присвоено в особенности именование законов гражданских (jus civile). Хотя в первоначальном смысле все роды законов, свойственных Риму, назывались jus civile, и законы сии противопоставались законам внешним (jus gentium). Здесь представляется сие разделение в общем его начертании; бесполезно было бы исчислять все изменения и поправки, в них сделанные; первоначальная их основа есть одна и та же система Юстинианова.

Сия система, во-первых, есть произвольна и неудобна и, во-вторых, не может быть приложена к Российскому законодательству.

1. Произвольность системы Юстиниановой.

В преклонном и близком уже к падению веке римской Империи ни в уме, ни в силе Государственного управления нельзя было по естественному вещей порядку ожидать здравых и точных о законах понятий. Римские законы, памятник тысячелетнего /так !/ гражданского образования и великой законодательной мудрости, в изложении Юстиниановом представляют развалину великолепного здания, в коем рукою и малосведущих художников наудачу слеплены разнородные драгоценные остатки. Не найдя в преданиях общего чертежа законодательства законники Юстиниановы выдумали свой, понятиям того времени свойственный, но обширности предмета несоразмерный. Когда же по сему тесному чертежу приступили к построению, тогда на опыте оказалось, что многие материалы оставались без размещения; сему неудобству желали пособить двумя средствами и допустили две новые погрешности: 1) Непрестанное от чертежа отступление, вставки в нем и поправки, разнообразные и часто противоречащие определения одних и тех же понятий. 2) Когда же и сие средство было недостаточно, тогда прикрепляли уже оставшиеся части одна к другой без всякой почти связи или с связью, из греческих полуученых того века тонкостей сплетенною.

К погрешностям первого рода должно отнести два главные разделения законов, сими законниками введенные, - разделение их на естественные и положительные, а потом на публичные и приватные.

Есть, без сомнения, законы природы, Творцом ея установленные, но законы сии не противопологаются законам, верховною человеческою властью установленным. Они составляют не особенный род, но основание всех законов человеческих. Законы сии объемлют всю природу, а не одно царство животных, и, следовательно, нельзя определить их одним инстинктом животных; нельзя сказать: *jus naturae est quod natura omnia animalia docuit*. Еще менее можно допустить другое определение, коим желали первое исправить, а именно, что законы естественные суть те, кои из одних начал здравого разума к благосостоянию Государства произвести можно, как будто законы положительные, верховною властью издаваемые, основаны не на тех же началах разума: но разума, объемлющего различие климата, степень образования и местных обстоятельств, без чего и здравым он быть не может.

Разделение законов на публичные и приватные тако же неправильно и произвольно.

Закон имеет две составные части: правило и охранение. Охранение всех законов есть сила Государственная (публичная) и, следовательно, с сей стороны все законы суть публичные. Цель законов публичных, как, например, законов безопасности, столько же относится к Государству вообще, как и к частным людям в особенности; следовательно, с сей стороны и законы безопасности могут назваться приватными.

Трудно вообразить себе, что есть Государство без обывателей, и, следовательно, представить законы, полезные Государству, но бесполезные для частных людей. Правда, что есть собственность частная и собственность государственная (*res publica et res privata*), в сем уважении приватным законам должно бы было противопоставлять токмо законы Государственного Хозяйства, а не все вообще законы, к частной собственности не принадлежащие.

Невзирая однако же на все недостатки Юстиниановой системы таково было превосходство Римских законов в существе их, что изложение их, хотя и безобразное, принято в Европе во всеобщее почти употребление. Недостатки сего изложения старались исправить разными дополнениями и изменениями и, хотя доселе в сем не успели, хотя коренной порок сей системы, произвольность плана, ничем не может совершенно быть исправлен; тем не менее однако же, чем более употребляли времени и трудов в обработке /так !/ его, тем более самую работою к нему привыкали и тем сильнее прилеплялись.

К сему присоединилось другое обстоятельство.

Римские законы вскоре после разрушения Западной Империи и после завоевания Европы северными народами вошли в ней в употребление. Юстинианово изложение, особенно после открытия известных Флорентийских пандектов, укоренилось во всех училищах, во всех судах, соделалось святынею для всех законников. Тщетно было бы помышлять испровергнуть тысящелетнее /так !/ могущество, особливо *когда* нет еще системы, которая бы могла заменить его с очевидным преимуществом.

Совсем другие обстоятельства были в России, и сие ведет ко второй статье настоящего замечания.

II. О несовместности Юстиниановой системы с Российским законодательством.

Есть догадки, что в первых веках основания Российского Государства Юстинианово изложение законов под именем Законов Греческих имело некоторое участие в составе нашего законодательства, и что в позднейшие времена, с переводом Фотиева моноканаона или Кормчей Книги, градские законы, в ней содержащиеся, отрывок или лучше сказать последствие системы Юстиниановой, принимаемы были у нас в соображение. Но сие суть догадки, а подлинники законов, до нас дошедшие, указуют нам совсем другие источники.

Русская правда очевидный имеет отпечаток северных Германских законов; новгородские грамоты и судебники /пропуск/ годов, сохраняя еще некоторое сходство с сими законами, имеют уже свой местный, природный облик. Ни в разделении предметов, ни в судебном языке ничего нет похожего на изложение Юстинианово.

В предисловии к Уложению 1649 года, хотя и постановлено принимать в соображение Градские законы Греческих Царей, и хотя, быть может, что некоторые законы и действительно оттуда заимствованы, но ни в языке, ни в системе уложения нет ничего Римского, ничего Юстинианова.

В законах, а особенно в уставах (Регламентях), во время Петра Первого изданных, учреждения и уставы немецкие были принимаемы в соображение. Сие доказывается и содержанием их, и слогом, и самыми словами, но решительного поворота от Российского природного законодательства к системе Юстиниановой ни в сих уставах, ни в последующих не видно.

Первые следы некоторого сближения с сею системою являются в Наказе 1768-го года. Но Наказ сей остался без действия.

Таким образом, от самой древности до времен наших Российское законодательство, исключая двух эпох: при Ярославе и при Петре Великом, действовало и возрастало собственными своими природными силами и, может быть, одно во всей Европе ничего почти не почерпало в общем источнике законов, в Римском праве.

Отсюда происходит не только в существе законов, но и в системе их, а еще более в языке судебном и деловом столь резкое различие между законодательством Европейским и Российским, что соединить их нет почти никакой возможности, не переменяв обычаев, навыков, образа мыслей всех судей и делопроизводителей. Есть многие сходства в законах и особенно в делопроизводстве, но сии сходства возникли не от подражания, но от того общего правила, что одинакие обстоятельства производят у разных народов одинакия последствия. Проявляются даже некоторые и в словах подражания, но это суть более покусение и попытка, нежели обдуманый и решительный план законодательства. Из сего следует, что если бы система изложения Юстинианова и, действительно, была основательна, то и тогда можно бы было только пожалеть, что она с нашими обычаями несовместна, по счастью и жалеть не о чем. Одно неудобство: молодые наши законники вместо одной должны учиться двум разным системам: Российской и Римской, ибо никто ни в каком Государстве не должен иметь притязаний быть истинным законоведцем, не зная законов Римских, так как никто не может быть сведущ в истории своей страны без познания истории общей; но и сие неудобство со временем прекратится. Не выше сил человеческих слить обе системы в одну, т.е. составить изложение Римских законов по системе Российского уложения, и тогда обучение их будет столько же просто и удобно, сколько ныне оно трудно и редко бывает основательно“ /весь текст/. В этом „замечании“, представленном вниманию государя, Сперанский предстает не только как теоретик, историк права, но и как горячий патриот, отстаивающий самобытность русской правовой системы. „Слить обе системы в одну“ он успешно (победоносно) сможет в своей кодификаторской работе.

Итак, сотрудники II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, засучив рукава, принялись за беспримерный в отечественной истории труд (напомним, что численность их не превышала штатного расписания рядового сектора современного академического института). Позднее при II Отделении была создана специальная типография, в котором печатались тома Полного собрания законов и Свода законов Российской империи (ясно, что Полное собрание законов явилось основой создания Свода законов).

Работа (неимоверная по сложности, скрупулезности и напряженности) растянулась на несколько лет. Биограф кодификатора четко определяет функции номинального главы II Отделения: „Все чиновники трудились каждый день над своей частью и подавали письменный

отчет о сделанном ими в продолжение недели. Каждый вечер в 7 часов старшие редакторы поочередно являлись к Сперанскому с своими тетрадами; а он в присутствии Балугьянского делал поверки и исправления, не пропуская ни одной строки; причем высказывал свои меткие наблюдения, остроумные замечания, тонкие выводы, обращая свой кабинет в школу высшей государственной науки и делового красноречия“.

Работа над Полным собранием и Сводом законов шла параллельно. Сотрудники Сперанского (и он сам, в первую очередь) исписывали буквально тысячи листов тряпичной бумаги. Забегая вперед отметим, что сотрудники II Отделения к 1830 г. составили Полное собрание законов в 40 томах, начиная с Соборного уложения 1649 г. и заканчивая Манифестом от 14 декабря 1825 г. (составлен Сперанским). Нормативные акты публиковались в хронологической последовательности. Работа, помимо прочего, потребовала серьезнейших архивных изысканий.

Профессор С.И.Баршев, выученик Сперанского по II Отделению, в речи, посвященной памяти учителя, констатировал: „До издания Полного собрания и Свода русские законы скрывались в архивах и камерах и отчасти в частных сборниках, не заслуживавших никакого доверия по отсутствию всякой системы и неполноте содержания, были поэтому доступны и известны только служащим и ученым, да и то не вполне. Сперанский вывел русские законы из этих тайников и притонов, сделал их чрез то общеизвестными, и мгла, царившая в русских судебных местах, рассеялась“.

Полное собрание законов включало 30 920 актов плюс шесть томов приложений (алфавитно-предметный и хронологический указатели, графики, рисунки и т.д.). В том же 1830 г. началось второе издание Полного собрания законов. Новые нормативные акты составляли тома, выходившие ежегодно. После 1 марта 1881 г. (убийство народовольцами Александра II) началось третье издание Полного собрания законов (последний том, включавший законодательство за 1913 г., вышел в предреволюционном 1916 г.). Полное собрание законов включало все законы, постановления, нормативные акты, исходившие от верховной власти и правительственных учреждений, причем как действующие, так и отмененные (устаревшие).

Свод законов (работа над ним и издание были завершены в 1832 г.) заключал в себе только действующие законы, которые систематизировались не по хронологии, а по отраслевому принципу. Сперанский „со товарищи“ издали Свод в 15 томах, содержащих действующие законы на 1 января 1832 г. (издание включало 36 тысяч статей и 6 тысяч приложений). Его статьи соответствовали законам, входившим в Полное собрание.

В.М.Клеандрова, исследовавшая структуру и содержание уникального издания, пишет: „В соответствии с идеями Сперанского Свод делился на восемь главных отделов, помещенных в 15 томах. Структура Свода была следующей: I. Основные государственные законы (т. I, ч. 1); II. Учреждения: а) центральные (т. I, ч. 2); б) местные (т. II); в) уставы о службе государственной (т. III); III. Законы правительственных сил: а) уставы о повинностях (т. IV); б) уставы о податях и пошлинах (т. V); в) Устав таможенный (т. VI); г) уставы монетный, горный и о соли (т. VII); д) уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских /так !/ имений (т. VIII); IV. Законы о состояниях (т. IX); V. Законы гражданские и межевые (т. X); VI. Уставы государственного благоустройства: а) уставы кредитный, торговый, промышленности (т. XI); б) уставы путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (т. XII); VII. Уставы благочиния (законы полиции): а) уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (т. XIII); б) уставы о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (т. XIV); VIII. Законы уголовные (т. XV, кн. 1). В кн. 2 т. XV включались уголовно-процессуальные законы“.

В разгаре работ по составлению свода Сперанский докладывал царю (карандашная датировка кодификатора - 14 января 1828 г.) о „законах по гражданской части“: „Представляя Вашему Императорскому Величеству Свод существующих законов, /.../ считаю долгом изложить кратко: 1) существо сей работы; 2) сравнительное отношение ее к иностранным Уложениям; 3) действительную ее пользу и употребление.

1. О существе свода.

Гражданское наше законодательство, начиная с первого Уложения, обнимает с лишком 176 лет. Все Указы и постановления, на сем пространстве времени рассеянные, привесть в один состав; дать им систематическую связь так, чтобы они представляли одно целое, одну книгу, как бы одним приемом и в одно время сочиненную, *без повторений и противоречий* - в сем состояло дело свода и существо задачи, 2-му Отделению в начале 1826-го года данной“. Сперанский далее гордо заявляет, что его Свод полнее французского, прусского и австрийского сводов.

„*Определение и удостоверение в материалах.* Для сего сперва из разных архивов собраны реестры всех узаконений, по сим реестрам отысканы самые узаконения, таким образом полнота их удостоверена всеми возможными способами.

Извлечение. Из сего общего состава всех законов по предметам государственным, казенным, полицейским и уголовным отделены сначала те, кои принадлежат к составу законов гражданских. /.../

Надлежало составить два свода: один *исторический*, в коем изложены законы со всеми их изменениями, и другой *свод законов существующих*. /.../ Первый представляет, как законы наши образовались, возрастали, изменялись; а последний представляет то, что в них осталось и есть неизменно. На составление первого свода употреблено 15 месяцев, второй совершен в 6 месяцев.

Особенное прилагаемо было попечение, чтобы в своде не было противоречий и, кажется, цель сия достигнута. /.../

Свод содержит в себе 7341 статью. В сих статьях, составленных более нежели из 20 т/ тысяч/ разных указов, заключается:

1. Все то, что в иностранных законодательствах именуется собственно гражданским уложением (code civil, Bürgerliches Gesetzbuch).

2. Все то, что в них разумеется под именем Коммерческого уложения (code de commerce).

3. Все то, что в них составляет судебное уложение (code de procedure civile, Bürgerliche Gerichtsordnung).

Н/о/ сверх того в статьях свода заключаются:

4. Законы о состояниях - во Французском уложении они слегка упомянуты, в Австрийском они отнесены к законам политическим и в одном только Прусском изложены с подробностью.

5. Законы о совершении актов состояния, купли и продажи, залога, межевых и проч. - Законы сии известны во Франции отдельно под именем Уставов нотариата, в других же государствах они рассеяны в разных постановлениях.

6. Устав межевой, часть сия в других государствах составляет особенный отдел законов и в Уложение не входит.

7. Учреждение Судебных мест отчасти токмо изложено в Прусском Судебном Уложении, в других не собрано и не приведено в единство.

Следовательно, сколько объем свода нашего обширен и полон, столько составные его части недостаточны и скудны. Сие и быть иначе не могло. Гражданские законы нигде не были произведением умозрения. Они везде возникали от дел и случаев. Следовательно, чем более дел, чем жизнь Государства была продолжительнее, чем круг его действия обширнее, тем гражданские его законы обильнее, тем состав их полнее. Сто семьдесят пять лет гражданского бытия нашего есть эпоха весьма краткая в сравнении с другими. Прибавить к сему должно, что другие народы вступили в гражданскую жизнь с великим наследством; мы, напротив, мы ничего

почти не наследовали от Римлян и весьма мало от Греков. Все богатство наше в сем роде есть наше собственное, благоприобретенное. Справедливее можно дивиться тому, что мы имеем, нежели тому, чего у нас нет“. Доклад содержит важные теоретические и практические положения, использованные в работе над соответствующим разделом Свода его основным автором - М.А.Корфом. Отметим, что доклад весьма смел по тону и духу, а это свидетельствует не только о служебном, но и личном сближении с третьим в жизни нашего героя самодержцем.

Полное собрание и Свод законов Российской империи - вечный памятник творческому и организаторскому гению Сперанского.

Работа работой, а жизнь шла своим чередом. Перечислим награды и назначения Сперанского в этот период. 14 мая 1826 г. он был введен в Комитет об устройстве учебных заведений. 6 декабря 1826 г. Сперанского включили в Особый комитет, состоявший под председательством графа Кочубея из самых близких к императору персон, ведавший общими проблемами государственного управления. 8 июля 1827 г. он „жалован бриллиантовыми знаками Ордена Св. Александра Невского“ (высшая степень награды).

В специальном рескрипте император прочувствованно написал: „Михаил Михайлович. Я рассматривал с особым удовольствием составленную под руководством вашим во 2-м Отделении Моей канцелярии первую часть Свода Наших законов в Историческом виде. В сем обширном труде, бдительностию вашею столь скоро совершенном, приятно Мне видеть основания другого, еще - важнейшего, коего успех от самого начала минувшего столетия был предметом постоянных желаний и попечений всех Моих Предшественников и как вам известно одною из первых мыслей Моих при вступлении на Прародительский Престол. Вы конечно не ослабеете в рвении к довершению сего истинно полезного, с особенною доверенностию порученного вам дела и будете, как доселе, одушевлять и других своими наставлениями и примером. Отдавая полную справедливость трудам вашим и в изъявление благоволения Моего, жалуя вам украшенные алмазами знаки Ордена Святого Александра Невского, надеюсь, что сии труды и старания вскоре ознаменуются новыми успехами, кои удовлетворят ожиданиям Моим. Пребываю благосклонный к вам Николай. В лагере при Красном Селе 8-го июля 1827-го /года/“.

2 октября 1827 г. Сперанский был произведен в действительные тайные советники (чин второго класса, выше стоял лишь канцлер) - зенит карьеры государственного мужа. Через пять дней император назначил его председателем „Комитета о составлении вексельного устава, устава о торговой несостоятельности, учреждения коммерческих судов“. 2 января 1828 г. Сперанский „жалован табакеркою с портретом Его Императорского Величества“. 7 февраля (по другим сведениям 17 февраля) того же года „Всемилоостивейше пожаловано в арен/ду/ на 12 лет имение Волколаты /иногда пишут: Волоколаты/ с производством до вступления во владение оным по 5 т/ысяч/ рублей серебром из Государственного казначейства не в пример другим /так !/“. 22 августа 1828 г. Сперанский получил „Знак отличия беспорочной службы за 25 лет“, глубоко огорчивший награжденного (в выслугу не были включены годы вынужденной опалы и ссылки). 1 апреля 1830 г. он был назначен „Председателем Комитета о составлении Рекрутского устава“.

Николай Павлович (как и его старший брат) часто использовал золотое перо Сперанского при составлении важных правительственных документов. Например, в 1826 г. в преддверии вооруженного столкновения с Персией, попытавшейся захватить Закавказье, Сперанский от имени императора составил манифест, в котором объявлялась война: „Ныне от Главнокомандующего в Грузии Генерала Ермолова получены донесения, что со стороны Персии в разных пунктах учинено в пределы наши воинское вторжение. /.../ Генералу Ермолову предписано, отражая силу силою, прежде всего очистить границу и укротить возмутителей /.../, при помощи Божией действовать наступательно“. Им же составлен (24-25 декабря 1826

г.) проект Высочайшего указа об учреждении медали в память о взятии русской армией Парижа, выдававшуюся „в награду всем воинам, кои по 19-е марта 1814 года в действующих войсках состояли“.

По заслугам были оценены не только ученые и чиновничьи труды Сперанского, но и его, пусть косвенное, на расстоянии, но деятельное участие в делах столичного университета (в „Комитете об устройстве учебных заведений“ постоянно обсуждались учебные программы - система юридического образования в университетах разрабатывалась и корректировалась лично Сперанским, предлагались кандидатуры приглашаемых профессоров и т.д.). 31 января 1829 г. ректор университета (француз по происхождению) прислал Сперанскому диплом № 584: „Под высочайшим покровительством всепресветлейшего, державнейшего, великого государя Николая Первого, императора и самодержца всероссийского, и проч., и проч., и проч. Императорский Санкт-Петербургский Университет, уважая отличную любовь и ревность к пользам наук Господина Действительного Тайного Советника и Кавалера Михаила Михайловича Сперанского, признает Его Превосходительство Почетным своим членом, в совершенном удостоверении, что он всевозможно споспешествовать будет чести и успехам сего заведения. Дан в Петербурге, 1828 года декабря 31 дня. Ректор ИСПБУ /так !/, Ординарный профессор, действ/вительный/ ст/атский/ сов/етник/ и кавалер Антон Де Гуров“

19 января 1833 г. - день величайшего торжества Сперанского, воздаяния по заслугам. Император (скажем о нем несколько слов: человек редкой телесной красоты, прямой, жесткий, даже жестокий, требовательный, чрезвычайно умный и дельный, истинный труженик-венценосец - не зря его сравнивали с Петром Великим) приблизил и беспримерно наградил Сперанского за его титанические труды. В этот день в зале заседаний Государственного совета собрались в присутствии государя и Сперанского высшие сановники империи. Государственный совет собрался по торжественному поводу: на столах лежали объемистые тома Полного собрания и Свода законов Российской империи. Император и Государственный совет утвердили их, введя официально в действие с 1 января 1835 г.

В прочувствованной речи государь высочайшим образом оценил работу Сперанского и его помощников (все получили награды, но Сперанский был публично отмечен особо). Император пожаловал ему высший в наградной иерархии орден Андрея Первозванного (девиз ордена: За веру и верность). Процитируем подстрочное примечание к „формулярному“ („послужному“) списку Сперанского, сделанное К.Г.Репинским - свидетелем волнующего события: „Знаки сего ордена возложены были на графа Сперанского лично Государем Императором в Общем Собрании Государственного совета 19 января 1833 года по окончании рассуждений о пользе и порядке введения в действие Свода Законов Империи. Государь Император, встав со своего места, изволил подойти к графу Сперанскому, выразив в лестных выражениях свою благодарность ему за совершение сего труда, снял с себя знаки Ордена Св. Андрея и, целуя графа Сперанского, возложил их на него“. Поступок царя (небывалый и неслыханный) запечатлен на барельефе постамента памятнику Николаю I, отлитом скульптором П.К.Клодтом и установленном по воле Александра II перед Исаакиевским собором. Друзья и недруги Сперанского склонились перед страдальцем, безвинно пережившим тяготы изгнания, умом и делом заслужившим величайшее благорасположение сурового императора.

На следующий день специальным рескриптом (чрезвычайно лестным по тону и содержанию) царь объявил: „Божиею милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Нашему Действительному Тайному Советнику Сперанскому. В ознаменование Нашего особенного к вам благоволения и того непрестанного внимания, с коим Мы следовали за постепенными успехами порученного вам собрания законов Империи Нашей и составления полного оным Свода, видя ныне с живейшим удовольствием, что сей великий труд постоянным и неусыпным радением вашим приведен к желанному окончанию, Всемилостивейше жалуем вас Кавалером Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, коего знаки, при сем препровождаемые, Повелеваем вам возложить

на себя и носить по установлению. Пребываем Нашею Императорскою милостию к вам благосклонны. Николай. С/анкт/-Петербург. 20 января 1833 года“. В том же году Сперанский издал фундаментальный труд, в котором проанализировал и истолковал важнейшие документы по истории русского законодательства, истории правительственных учреждений, не утративший своего научного значения и по сей день.

Сперанский вновь (после изгнания и ссылки) пребывал в тесном кругу вершителей судеб великой империи. Ждут своего исследователя чрезвычайно содержательные письма Сперанского (1820-1830-е гг.) к шефу жандармов А.Х.Бенкендорфу, председателю комитета министров Д.Н.Блудову, министру юстиции Д.В.Дашкову, министру внутренних дел О.П.Козодавлеву, Государственному секретарю В.В.Марченко и министру финансов графу Е.Ф.Канкрину, канцлеру, руководителю внешней политики России К.В.Нессельроде, главноуправляющему С.Е.И.В. канцелярии А.С.Танееву, главноуправляющему IV Отделением С.Е.И.В. канцелярией принцу П.Г.Ольденбургскому, генерал-фельдмаршалу князю П.М.Волконскому, министру народного просвещения К.А.Ливену, морскому министру князю А.С.Меншикову и многим другим виднейшим царедворцам. В своих письмах Сперанский дает чрезвычайно важные и дельные советы по всем практически отраслям государственного управления.

Частная жизнь Сперанского была омрачена заключением Батенькова. Всего два года прожил второй внук Сперанского. Но дочь подарила деду двух внучек. Брак Елизаветы оказался счастливым. А.А.Фролов-Багреев любил и почитал тестя, занимаясь, помимо службы, управлением семейными имениями. В конце 1820 - начале 1830-х годов в квартире в доме Армянской церкви (позже в квартире в доме некоей грузинской царевны - наб. Фонтанки, 47) Елизавета держала известный литературный салон, посетителями которого были самые прославленные литераторы. К этому времени относятся частые встречи Сперанского с Пушкиным, которому он помог издать в лучшей тогда в России типографии II Отделения „Историю пугачевского бунта“ (так царь переименовал „Историю Пугачева“). 1 января 1834 г. Пушкин записал в дневнике: „Встретил новый год /в доме Сперанских/. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царств/ования/ Алекс/андра I/, о Ермолове etc.“ Двум гениям было о чем поговорить, а как тонко и точно выбраны темы для беседы...

Наградив Сперанского, царь уготовил ему новое почетное поприще: готовить наследника престола к принятию присяги. Цесаревича Александра, родившегося 17 апреля 1818 г., с детства приучивали к грядущему занятию трона (военным наукам он начал обучаться с 6 лет). Главным воспитателем был назначен В.А.Жуковский. Поэт разработал весьма обширный, проникнутый просветительно-либеральным духом план воспитания и обучения будущего Александра II. Цесаревич учил (были привлечены виднейшие ученые) математику, грамматику, историю литературы, логику, священную историю, Богопознание и начала христианской нравственности, географию, мифологию, геологию, минералогию, ботанику, зоологию, финансы, статистику, метафизику, мораль и другие предметы (в том числе языки: французский, немецкий, английский, польский). Ежемесячно он сдавал экзамен в присутствии матери, полугодовые экзамены - в присутствии отца.

17 апреля 1834 года ему исполнялось 16 лет (совершеннолетие у наследников престола наступало на пять лет раньше, нежели у дворян и обывателей). В связи с этим „Государь поручил Сперанскому приготовить Цесаревича к присяге, предстоявшей ему /.../, изложить своему слушателю понятие о законах вообще, разделение их на разные виды, краткий очерк истории русского законодательства и сущность основных законов нашей Империи“. Сперанский подготовил четыре „беседы“ с наследником, представлявшие собой развернутые лекции на основе диалога учителя с учеником (они состоялись 10, 17, 24 и 31 марта 1834 г.). В пасхальное воскресенье (22 апреля) 1834 г. в большой церкви Зимнего дворца в присутствии августейших родителей и высших должностных лиц империи наследник принял присягу, текст которой,

написанный Сперанским, в частности, гласил: „Именем Бога Всемогущего, пред святым Его Евангелием обещаюсь и клянусь: Его Императорскому Величеству, всемилостивейшему Государю, родителю моему, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови“.

Лекции так понравились цесаревичу и его родителям, настолько был высок авторитет наставника, что Сперанский в следующем году был приглашен к юноше главным преподавателем правовых дисциплин. Сперанский занимался с наследником с 12 октября 1835 г. по 10 апреля 1837 г. по 12 часов в неделю. Это был обширный теоретико-практический курс, охватывавший все отрасли правоведения и государствоведения. Биограф Сперанского вдохновенно писал о лекциях-“беседах“ своего патрона с цесаревичем Александром: „Это и были, в полном смысле, *беседы*, но беседы не схоластически преподающего профессора со студентом, следящим за его лекциями иногда только для выдержания экзамена, а государственного человека, глубоко и на практике изучившего жизнь России, с будущим ее Монархом, жадно вслушивающимся в науку царей и правителей. Сперанскому, при его даре слова и всегдашней отчетливости и ясности мыслей, не трудно было овладеть вниманием любознательного царевича. Преподаватель вложил в это дело всю свою душу, все благороднейшие свои стремления. Здесь он уже не был стеснен ни спешностью требований по делам текущим, ни житейскими расчетами. Для его знаний, для его мыслей, для истинных душевных его убеждений был такой простор, какой никогда, может быть, не открывался ему на служебном поприще. Здесь он мог и должен был говорить откровенно, свободно, смело, мог быть *настоящим* Сперанским“.

Авторитетный свидетель приводит важную подробность: „Сперанский незадолго до смерти своей рассказывал /.../, что Государь Цесаревич /после завершения занятий/ везде /.../, всегда искал заводить с ним разговор об этом важном, пленившем его предмете, т.е. о законодательстве государственном“. Сперанский хорошо выучил своего наставника, Александр II стал вторым по масштабному значению (после Петра Великого) реформатором в истории России. Государь-преобразователь хорошо усвоил уроки своего учителя, реформы 1860-х годов проектировали и воплощали в реальности прямые выученики Сперанского.

После завершения занятий с наследником Сперанский был удостоен 17 апреля 1837 г. (в день рождения цесаревича) большой золотой табакерки с портретами царя и царицы и „алмазных знаков Ордена Св. Андрея /Первозванного/“ - наивысшая степень награды в Российской империи. Преподавательская работа никоим образом не избавляла Сперанского от текущих дел. Круг обязанностей Сперанского все более расширялся. 10 ноября 1833 г. он назначен членом „Комитета об устройстве запасных магазейнов /так !/ народного продовольствия“, 6 января 1835 г. ему „повелено присутствовать в Департаменте дел Царства Польского“, на следующий день он был введен в члены „Комитета, Высочайше учрежденного для изыскания средств к уменьшению расходов по министерству финансов“, 1 марта 1836 г. ему повелено быть председателем Комитета об устройстве столичной полиции“, наконец, 2 апреля 1838 г. он получает вершинное назначение в своей блистательной карьере, становится Председателем Департамента законов Государственного совета“. 17 апреля 1838 г. ему „за свершение /так !/ Свода военных постановлений изъявлено Высочайшее благоволение“.

В специальном рескрипте император обращался к Сперанскому: „Михаил Михайлович. Долговременная, отлично ревностная служба ваша, обширные познания и опытность, доказанные многими особенно полезными трудами в высшем кругу дел государственных, побудили Меня верить главному руководству и попечительности вашей собрание отечественных законов и составление полного оных свода. Обширный труд сей, по части гражданской, приведен вами к окончанию еще в 1833 году с успехом, вполне соответствовавшим Моим ожиданиям. Для довершения сего необходимого Государственного дела оставалось еще собрать и составить полный свод законам, действующим в кругу управления военно-сухопутными силами Империи. Ныне и сей труд, под непосредственным вашим наблюдением,

вашею неутомимою деятельностью и неусыпным рвением окончательно совершен. Приемля с живейшею признательностью сей новый опыт вашей примерно полезной службы, Я за особенное удовольствие поставляю изъявить вам Мое полное и совершенное благоволение. Пребываю навсегда вам благосклонный Николай. С/анкт-/Петербург. 17-го апреля 1838-го года“. „Навсегда благосклонный“ - эти слова жесткого, скупого на похвалы самодержца дорогого стоят.

Львиную долю сил, времени, умственного напряжения требовало у Сперанского продолжавшееся годы руководство деятельностью II Отделения С.Е.И.В. канцелярии. В архиве кодификатора сохранились „Всепопданнейшие“ доклады-отчеты о работе этого важнейшего для императора и государства подразделения С.Е.И.В. канцелярии. Так, в отчете за 1833 г. (приписка Сперанского: „Представлено Е/го/ И/мператорскому/ В/еличеству/ 26 окт/ября/ 1833 /года/) содержатся сведения о тираже первого издания Свода (3000 экземпляров), причем указано: „Частным людям продано 886 экземпляров на 99 320 рублей“. Отчет о работе II отделения от 26 июня 1836 г. содержит собственноручные приписки Сперанского и Николая I: „Читано Е/го/ И/мператорскому В/еличест/ву/ 27 июня 1836 /года/ в Александрии“; „Прошу быть ко мне завтра после обедни“ (воля самодержца). К отчету „О состоянии дел по 1-е генваря /так !/ 1838 года“ сделана приписка рукой Сперанского: „Представлено Е/го/ И/мператорскому/ В/еличеству/ 16 декабря 1837 /года/“. В последнем при жизни Сперанского отчете (приведем чернильную приписку кодификатора: „Представлено Е/го/ И/мператорскому/ В/еличеству/ 8-го июня 1838 /года/ в Александрии“) он счел нужным отметить: „Во 2-м Отделении изготовлено сравнительное изложение разных систем уголовного законодательства: немецкого, французского и английского /так !/“.

Укажем, что в архиве Сперанского сохранилась пространная рукопись „Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян“ (работа датирована 3 октября 1836 г., что позволяет предположить, что она была прочитана царю, как это практиковал автор). Доклад Сперанского, представляющий историческое исследование истории возникновения, укоренения и изменения крепостного права, содержит не только признание „законности крепостного состояния“, но и косвенное осуждение его, стремление к смягчению, изменению в лучшую сторону, постепенному вытеснению этого уродливого пережитка „стародавней старины“.

Сперанский, в частности, пишет: „Чем различается крепостное состояние от рабства? Раб весь, душой и телом, принадлежит господину. Запрещено было только его уродовать, но и за сие никакого наказания не назначено. Он не считался в Государстве, не был ни в податях, ни в службе. Он переходил из рук в руки как движимое имущество и мог принадлежать не только дворянину, но и лицу духовному, обывателю городскому и сельскому. Раб не мог иметь никакой собственности, быв сам полною собственностью другого.

Крепостной крестьянин принадлежит прежде всего Государю; он принадлежит ему податью, им лично платимую; он принадлежит ему еще более рекрутскою повинностью; он обязан в свою очередь стать в рядах государственной воинской службы не по воле помещика, но по закону, наравне с другими государственными сословиями. За сим уже, т.е. по исполнении всех сих главных обязанностей, он принадлежит помещику; но и тут принадлежит он ему не весь, но одною трехдневною работою, т.е. одною только половиною рабочих сил его; остальная же половина его сил и, следовательно, все произведение сей половины есть неотъемлемая, законная собственность крестьянина. Еще более, даже и та половина сил, которая неоспоримо принадлежит помещику, принадлежит ему не даром.

Вместе с правом на трехдневную работу помещик обязан доставлять крестьянину средства к пропитанию с его семейством, т.е. обязан наделить его землею, и обязанность сия столько положительна, что помещик не может продать своей земли, не оставив крестьянину, на той земле водворенному, до четырех десятин с половиною /.../.

Посему законное крепостное состояние в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещицей с потомственной и взаимною обязанностью: *со стороны крестьянина* обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил; *со стороны помещика* наделять крестьянина таким количеством земли, на коей мог бы он, остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное пропитание.

Сия взаимная обязанность может быть разным образом изменяема, а именно: 1) *по воле помещика* она может быть передаваема от одного владельца другому или прекращаема по его усмотрению освобождением крестьянина от повинности. 2) *По взаимному согласию помещика и крестьянина* она может быть заменяема: *со стороны крестьянина* вместо трехдневной работы оброком за землю или личными услугами за пропитание; *со стороны помещика* наделением крестьянина вместо земли другими средствами пропитания за услуги“.

Последний год жизни Сперанский провел в привычных (неподъемных дюжинному человеку) трудах. В первые месяцы 1838 г., а потом в отпуске в своей украинской деревне (имение Буромки в Полтавской губернии; июль-август) Сперанский усиленно перерабатывал текст своих „бесед“-лекций с цесаревичем „О законах“ в учебник „Руководство к познанию законов“, который, по мысли автора, должен был стать основным пособием по теории права для юридических факультетов университетов (Сперанский успел написать лишь 8 глав).

Сперанский, второй раз в жизни вознесшийся к вершинам управления Империей, обласканный по заслугам императором Николаем Павловичем, в обыденном быту был весьма скромнен. Приведем свидетельство неназванного современника, относящееся к последнему этапу жизни нашего героя: „Один старый знакомый Сперанского пришел к нему однажды поутру рано в Петербурге в день его рождения и застал его спавшим на голых досках. „Что это значит?“ - спросил его удивленный посетитель, когда тот проснулся. - „Так я сплю обыкновенно, - отвечал Сперанский, - в ночь своего рождения, чтоб напомнить себе о бедности, в которой родился““. После возвращения из ссылки Сперанский, виднейший сановник, жил в наемных квартирах и лишь в сентябре 1838 г. он (второй раз в жизни) купил собственный дом (на той же Сергиевской улице, напротив дома, из которого он был увезен в ссылку). Многие биографы пишут о том, что дом был подарен Сперанскому императором. Ничего подобного: дом был заложен владелицей (некоей Донауровой) в банке за 140 000 рублей. Хозяйка просила 240 000 тысяч. Таких денег у Сперанского не было, и тогда с разрешения царя „дом был перезаложен в Государственное казначейство с выдачей Сперанскому 240 000 рублей с обязанностью вносить в казну по 15 000 в течение 37 лет“.

16 октября 1838 г. Сперанский простудился. Будучи больным, 22 октября он съездил на встречу с царем в Царское село (побывал и на придворном балу), после чего слег с воспалением печени, осложненным гастрической горячкой. Сперанский никогда не отличался крепким здоровьем, к тому же его организм был ослаблен и изнурен ежедневными (часто еженощными) письменными занятиями, требовавшими максимального напряжения не только умственных, но и физических сил. Император поручил лечение своему личному лейб-медику, лучшему врачу того времени Николаю Федоровичу Арндту (1785-1859). Дважды в день составлялись подробные бюллетени о состоянии здоровья сановного пациента и лично доставлялись самодержцу. В конце декабря состояние здоровья Сперанского значительно улучшилось, однако тот продолжал оставаться дома. 23 и 27 декабря император лично навещал больного Сперанского (неслыханно высокая честь). Сперанский переносил недуг с истинно христианским терпением и смирением, исповедовался и причащался.

1 января 1839 г. (в шестьдесят седьмой день рождения) Сперанский был в последний раз награжден Николаем Павловичем: самодержец возвел его в графское достоинство. В собственноручном письме царь уведомлял верного сподвижника: „Граф Михайло Михайлович! Постоянными трудами вашими не представляли /так !/ вы являть достойный пример усердия и,

посвятив полезные познания ваши на пользу отечества, приобрели право на Мою совершенную признательность. Желая вознаградить важные заслуги, оказанные вами в различных государственных должностях, на вас возложенных, Я указал сего числа данным Правительствующему Сенату /пропуск/ признал за благо возвестить вас в Графское достоинство. Пребывая к вам навсегда благосклонный, Николай. С/анкт/-Петербург. 1-го января 1839 /года/“.

В Высочайшем указе было отмечено: „Нашего Действительного Тайного Советника Председателя Департамента Законов Государственного совета Сперанского в воздаяние долговременной отличной службы и неутомимых его трудов на пользу Отечества Всемиловейше возводим в Графское Российской Империи достоинство. Николай. 1-го января 1839 года“.

Сперанский был растроган, польщен, обрадован и глубоко удовлетворен: наконец-то его трудам („в различных государственных должностях“) воздали по заслугам. Он, обсуждая с К.Г.Репинским новую подпись (с „М“ - инициал имени - или без), гордо сказал: „Нет, граф Сперанский - один на свете“. В память о пережитых страданиях Сперанский выбрал для графского герба девиз: „In adversis sperat“ („В невзгодах уповает“).

И на одре болезни, и едва встав с него, Сперанский продолжал работать. Известно, что он много внимания уделял документам, связанным с грядущей финансовой реформой. Последняя работа Сперанского „О влиянии разума и совести на желания и намерения“ (черновик карандашом) датирована 8 января 1839 г. Это - своеобразное философское (этическое, нравственное) завещание мыслителя, обращенное к потомкам:

„Все желания и намерения воли сопровождаются разумом и совестью. Разум судит о пользе и вреде личном, не только соединяя будущее с настоящим, последствия с намерениями.

Совесть судит о пользе и вреде каждого намерения в отношении к созданию, соединяя настоящее и будущее *личное* с настоящим и будущим *всепревечным* /так!/.

Кто поступает по внушениям разума, тот поступает по внушению совести, тот правдив. Кто поступает против внушения разума, тот *безрассуден*. Кто поступает против внушения совести, поступает *лживо*.

Справедливость есть вид правды. Нельзя быть справедливым ни в союзе с Богом, ни в союзе с собою; можно быть справедливым только в союзе с другими. Союз с Богом и с собою есть только внутренний; союз с другими есть внутренний и внешний. Справедливость есть правда в отношении к союзу внешнему.

Сия правда может быть *неправдою* в отношении к союзу внутреннему. Уравнение внутреннего союза с внешним есть *oepitus*. Почему *oepitus* не есть свойство постоянное, но случайное; оно соединяет только тогда, когда внешнее не согласно со внутренним, и когда оно приводится к сему согласию не существом, но справедливостию.

Справедливость сия есть *правда*.

Преклонность воли ко впечатлению против разума и совести есть худой нрав. Преклонность к разуму против совести есть также худой нрав. Преклонность к совести против впечатления и разума есть добрый нрав. Посему нравственная сторона каждого предмета есть сила участия совести в суждении о доброте желания и намерения.

Если совесть не участвует, тогда намерение безнравственно. Преклонность воли к впечатлениям или к разуму и совести есть *нрав*.

Посему есть *две* свободы: одну дает разум, освобождая от впечатлений, - другую - совесть, освобождая от разума /весь текст/“.

Несколько окрепший Сперанский возобновил свои ежедневные длительные пешие прогулки (этого обычая он неукоснительно придерживался долгие годы). 7 февраля он вышел из дома в промозглую погоду, вновь простудился (теперь уже смертельно), вскоре у него случился „удар в голову и внутренности“ (диагноз Арендта).

Важные сведения о предсмертном заболевании, кончине и похоронах Сперанского содержатся в письме мужа сестры графа черкутинского протоиерея М.Ф.Третьякова к брату, архиепископу Аркадию (Третьяков приводит подробности из не сохранившегося письма своего сына Петра, племянника Сперанского) от 19 марта 1839 г.: 8 февраля Сперанский „почувствовал озноб - однако занимался делом - в четверг - удушье и лихорадочные припадки, провел ночь дурно, а говорил хорошо - на пятницу в 3 часа ночи напал Летаргический сон и покрыл глаза - а в субботу, то есть 11-го числа в 7 часов и сорок минут пополудни испустил дух. /.../ Петр в это время был и поцеловал теплую благодетельную графскую ручку в последний раз“. Проститься с телом усопшего, поприсутствовать на домашней панихиде, по словам М.Ф.Третьякова, пожелали очень многие. Далее он пишет: „15-го числа Киевский митрополит с архимандритами, монахами и белым духовенством, отпевши панихиду, провожали тело в /Александро/-Невский монастырь. /.../ При отпевании посетил и был наш Отец Государь Император с Великим князем. При провожании тела было по билетам до 600 человек разных чинов, а о низших сословиях и говорить нечего“. Первыми бросили горсти земли в могилу на гроб Сперанского император и наследник. Есть некая многозначительная символическая завершенность земного пути великого государственного деятеля: в стенах Александро-Невской лавры он безродным семинаристом начинал свое славное поприще, здесь же и упокоился с титулованием „Ваше сиятельство“ как граф Российской империи, торжественно провожаемый в последний путь самодержцем и цесаревичем, высшими сановниками, членами Синода и простыми горожанами. Вскоре над могилой по проекту архитектора А.П.Брюллова был воздвигнут гранитный саркофаг с бронзовым вызолоченным крестом. На саркофаге была выбита надпись: „Граф Михаил Михайлович Сперанский. Родился 1 января 1772 года, скончался 11 февраля 1839 года“. С восточной стороны саркофага (в ногах) изображен графский герб Сперанского с девизом: „In adversis sperat“.

В день кончины Сперанского огорченный до слез император сказал М.А.Корфу: „Михайла Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статья, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже и по случаю истории 14-го декабря! Но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с неустававшей никогда деятельностью. /.../“.

Закончилась земная жизнь великого человека, началась посмертная слава. Буквально на следующий день после похорон Сперанского третьестепенный поэт М.М.Поднебесный написал стихотворение „Мысли при гробе графа М.М.Сперанского“. После цензурного разрешения от 14 марта 1839 г. (цензор - А.В.Никитенко) оно было отпечатано и распространялось в виде листовки:

„Благоговею, размышляя...
Вот праведник во гробе спит!
Душа великая, святая
Уже пред Богом предстоит!

Прости, мудрец благочестивый!
Увы, пробил твой смертный час!
Высокий разум, прозорливый -
Светильник мудрости погас!
Как луч, краса души сияла,
И гений виден был в чертах:
Но смерть все чувства оковала,
Печать молчанья на устах!

Кого отечество лишилось?
Кто был вельможам образец!
Кем человечество гордилось!
Кто правотой стяжал венец! /.../

За ложной славой не гоняясь,
О благе царства помышляя;
Коварством, лестию гнушаясь,
Он истину Царям вешал.

.....
..... /так !/
Судьбою из простого рода
Был возведен на верх честей.

Сраженный злобой, клеветою,
Он падал с высоты своей;
Но не унизился душою.
Мудрец от бедствий стал умней“.

Фотография в те годы только зарождалась, не войдя еще в массовый обиход. О прижизненных портретных изображениях Сперанского в 1860-х гг. К.Г.Репинский составил специальную записку, в которой свидетельствовал: „Лучший с него портрет был написан по собственному его заказу для дочери /август-сентябрь 1822 г./ славившимся в то время в С/анкт/-Петербурге портретистом Доу (Dawe), членом Лондонской и нашей Академии художеств. Этот портрет был тогда же по заказу дочери отгравирован в Лондоне художником Райтом (T.Wright) в уменьшенном виде, и около 2500 оттисков быстро были раскуплены в С/анкт/-Петербурге и других городах несмотря на высокую цену (по 25 р/ублей/ асс/игнациями/ на китайской бумаге). Впоследствии, именно в 1845 году портрет, писанный Доу, погиб при перевозке из С/анкт/-Петербурга в малороссийскую деревню дочери Спер/анского/, - почти весь истерся дорогою от дурной укладки“.

После смерти Сперанского главноуправляющим II Отделением С.Е.И.В. канцелярии (с 1839 по 1862 гг.) стал граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785-1864). После смерти отца дочь вознамерилась издать „Руководство к познанию законов“. Именно к Блудову, а через него к императору она обратилась за разрешением на опубликование. Сохранился любопытный документ (неоконченный учебник не мог быть напечатан без Высочайшей воли):

„О рукописи Графа Сперанского под заглавием: Руководство к познанию законов. 22 февраля 1845 года. На подлинном рукою Графа Д.Н.Блудова написано: „Докладывано Его Императорскому Величеству в С/анкт-Петербург 15 марта 1845 года. Государь Император Высочайше соизволил уведомить г/оспо/жу Багрееву, что она может напечатать рукопись отца ея Графа Сперанского с соблюдением общих о том правил Цензуры“.

Далее идет речь непосредственно о книге покойного правоведа „Руководство к познанию законов“: „Из собственноручных его отметок на сем сочинении видно, что он им занимался в последний год своей жизни по окончании уже юридических бесед с Его Императорским Высочеством Государем Цесаревичем Наследником, а по отзыву людей, бывших с ним в близких сношениях, что он предполагал посредством сего сочинения сообщить Профессорам Прав в наших Университетах и других учебных заведениях мнение свое о том, в каком виде и духе надобно преподавать юношеству отечественные наши законы. Смерть не допустила исполнения

сего намерения, и самое сочинение Графа Сперанского осталось не оконченным: он успел написать всего восемь глав /.../. В сей работе встречаются многие идеи, сходные с помещенными в Беседах его с Государем Цесаревичем; но вообще он дал ей совсем иной отличный вид.

Как вся она была найдена в одном портфеле с Беседами: то при выдаче копии с них дочери Графа Сперанского в 1840 году, по Высочайшему о том повелению Вашего Императорского Величества, был ей дан список и с сей неоконченной работы отца ея. Ныне она изъявляет желание напечатать сие последнее его сочинение в том виде, как оно найдено, но не смеет приступить к сему без особого разрешения Вашего Величества, впрочем потому единственно, что оно было ей выдано, хотя отдельною книгою, но вместе с копиею Бесед, которые она весьма

справедливо почитает собственностью Царственного Дома Вашего Величества, и коих копию хранит у себя как Всемилостивейший знак милостивого внимания Вашего к семейству Графа Сперанского.

Доводя о сем до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества, я осмеливаюсь полагать с своей стороны, что сие неоконченное сочинение, как частный труд Графа Сперанского, от Бесед его с Государем Цесаревичем совершенно отдельный, может по усмотрению дочери его быть издан в свет с наблюдением общих о печатании книг правил Цензуры. Подписал Гр/аф/ Д.Блудов“.

Через два дня Блудов писал „Действительной Тайной Советнице Фроловой-Багреевой. 17 марта 1845 года.

Милостивая Государыня Елисавета Михайловна,

я имел счастье докладывать Государю Императору о желании Вашего Высокопревосходительства издать в свет неоконченное сочинение покойного Родителя

Вашего Графа Михаила Михайловича Сперанского под заглавием: *Руководство к познанию законов*. Его Величество изволит находить, что сим частным трудом покойного родителя Вашего Вы можете, Милостивая Государыня, располагать по Вашему усмотрению, подчиняясь при издании оного в свет общим правилам о цензуре книг.

Поспешаю уведомить Ваше Высокопревосходительство о сем отзыве Государя Императора и считаю долгом с тем вместе сообщить о изъявленном при сем случае Его Императорским Величеством сожалении, что сей труд покойного Графа Михаила Михайловича, по Высочайшей воле предпринятый им, остался недовершенным.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть и проч. Подписал: Гр/аф/ Д. Блудов“.

После кончины Сперанского жизнь его семьи пошатнулась (граф оставил долгу 600 тысяч рублей, именина не только не приносили доходов, но требовали постоянных денежных вливаний). Летом 1844 г. произошло трагическое событие: внук Сперанского, молодой офицер, ротмистр Астраханского кирасирского полка, был в первый же день пребывания в армии на Кавказе убит во время попойки сослуживцем. Отец Михаила А.А. Фролов-Багреев не пережил этой потери. Похоронив сына и мужа, издав книгу отца, Елизавета Михайловна на долгие годы уезжает за границу, редко навещая родину: живет в Париже (она была близко знакома с П.Мериме) и Вене (держит литературные салоны), путешествует по святым местам, пишет и

публикует сочинения на французском и немецком языках. Елизавета Михайловна скончалась 23 марта 1857 г. За год до смерти она передала бесценный архив отца в Императорскую Публичную библиотеку, где директорствовал тогда ее старый знакомец М.А.Корф. Кажется, род Сперанского в мужском колене пресекся...

Сперанский умер, дело его продолжили выученики и последователи. Шли годы, однако царь и правительство чрезвычайно болезненно реагировали на любое упоминание в печати о ссылке и удалении Сперанского. В 1848 г. влиятельный Ф.В.Булгарин опубликовал фрагмент из своих „Воспоминаний“, где упоминалось изгнание Сперанского. Вскоре автор получил жесткое и недвусмысленное „Распоряжение министра народного просвещения от 7 июля 1847 г.“ графа С.С.Уварова: „Государь Император изволил сделать на упомянутую статью следующие замечания./.../ По мнению Его Величества, вся эта выходка совершенно неуместна в печати. Представляя все события несчастием незаслуженным и плодом одних происков, она как бы накидывает пред публику тень на характер Императора Александра, а с другой стороны прямо намекает на мнимую известность автору самых виновников удаления Сперанского и вообще всех подробностей дела, которое правительством донныне всегда оставляемо было под покровом тайны. /.../ Его Императорское Величество повелеть изволил /.../сделать автору приведенной статьи строгий за нее выговор“.

Итак, горестный этап жизни Сперанского оставался „под покровом тайны“. 23 апреля 1854 г. новый министр народного просвещения Авраам Сергеевич Норов (1795-1869) обратился к „попечителю С/анкт/-Петербургского учебного округа“ (имя в письме не называется) с гневным посланием: „В 6-м номере /так !/ „Москвитянина“ за сей год напечатана статья М.Дмитриева „Мелочи из запаса моей памяти“, в которой описываются между прочим подробности удаления от службы покойного графа Сперанского. Во исполнение последовавшего по сему случаю в 11-й день сего апреля Высочайшего повеления покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение по цензуре вверенного Вам, Милостивый Государь, округа, чтобы вообще не было допускаемо в печать ничего касающегося сего события“.

Развеять туман недоговоренностей и смутных легенд, витавших над гробом Сперанского, решил М.А.Корф, приступивший на основании изучения материалов богатейшего архива государственного мужа к написанию его капитальной биографии. Работа, к которой Корф привлек Репинского, Батенькова (по переписке) и иных „птенцов гнезда“ Сперанского продвигалась довольно быстро. Цензурировать (приватно) рукопись Корфа Александр II, который никогда не забывал своего покойного наставника по правовым дисциплинам, поручил графу Блудову. В архиве Корфа сохранился карандашный черновик его письма к Блудову от 2 августа 1859 г., в котором он четко очерчивает задачи и цели своего фундаментального исследования:

„Труд сей я имел счастье повергать на высочайшее воззрение Государя Императора и с тем вместе докладывал Его Величеству, что, хотя события, в моем очерке представленные, уже давно перешли в область истории, но я счел однако же нужным умолчать в нем о таких обстоятельствах, которых оглашение для публики было бы еще неуместно, особенно же об именах некоторых лиц, являющихся тут в предосудительном свете, и вообще старался изводить всю мою книгу с такою осторожностью, которая допустила бы возможность ее обнародовать: ибо чем более я углубляюсь в смысл описываемых мною событий, тем более прихожу к убеждению, что обнародовать их, ныне же, не только *нужно*, но и *необходимо* /.../.

Романическая судьба Сперанского уже издавна привлекает корыстное внимание заграничных издателей, и не трудно себе представить, в каком виде она может быть изображена людьми, имеющими единственную целью заманить публику каким-либо соблазном. Так знаменитое письмо Сперанского из Перми уже напечатано за границу в русском подлиннике и, быв пущено в свет без всяких должных объяснений, ставит самого благонамеренного читателя в большое недоумение относительно настоящего образа действий в сем случае Им/перато/ра

Александра I-го. Так напечатана и известная записка Карамзина, в которой он порицал все сделанное нашим Правительством в эпоху Сперанского и которая, быв передана читающей публике без критического разбора, набрасывает весьма странный свет на тогдашние действия.

Единственное средство против контрабандных изданий - продолжал я в моих объяснениях Его Величеству - есть - долею оглашенной правды зажать уста клевете, а с тем вместе отнять интерес у всех ее дальнейших покушений. Впрочем, Государь Им/перато/р не боится правды, да она нам и не опасна. Так, в настоящем случае простое, строго историческое изложение событий с Сперанским лучше всех возможных разъяснений докажет, что Александр I никогда не верил измене своего наперсника и, если и был вынужден силою грозных, необычайных обстоятельств к мерам, столь, по-видимому, противоположным Его характеру, то тем не менее впоследствии с редким самоотвержением, торжественно восстановил честь невинного страдальца. Такого рода откровения снимают с великого монарха тень, наведенную на Него баснословными изустными преданиями, повсюду распространенными, - и достойно правдолюбивого духа настоящего царствования“.

И через двадцать лет после смерти издание жизнеописания Сперанского могло состояться лишь с Высочайшего одобрения и разрешения.

Столетие со дня рождения великого юриста отмечалось торжественно и пышно (первый и последний юбилей Сперанского, вызвавший широкий общественный резонанс; к 150-летию со дня рождения графа предполагалось издание всех его неопубликованных сочинений, однако эти благие начинания были смыты революционной волной, захлестнувшей Россию, победившие большевики Сперанским не интересовались, относясь к его деятельности по определению враждебно). По воле императора во главе юбилейного комитета в ноябре 1871 г. встал М.А.Корф - ученик и продолжатель дела гениального кодификатора. В честь Сперанского 1 января 1872 г. была отслужена торжественная литургия в Александро-Невской лавре, учреждена премия его имени „за лучшее юридическое сочинение“, напечатан и пущен в продажу портрет мыслителя, вычеканены юбилейные медали. Юридические факультеты всех российских университетов, общественность городов, связанных с жизнью и деятельностью Сперанского, почтили его память специальными торжественными собраниями, где произносились юбилейные доклады и речи.

Александр II особым образом наградил посмертно своего учителя. Внучка Сперанского вышла замуж за князя М.Р. Кантакузина, у них родился сын Михаил, правнук сподвижника трех императоров. У графа Корфа возникла мысль передать фамилию славного предка прямому потомку Сперанского по женской линии. По неизвестной причине он не осмелился лично обратиться к императору с этой просьбой, перепоручив ее другому лицу. 30 декабря 1871 г. Александр II получил „всеподданнейшую записку“ статс-секретаря, князя С.Н. Урусова:

„Статс-секретарь барон Корф передал мне, что многие из почитателей памяти графа Сперанского желали бы, чтобы по случаю свершающейся ныне столетней годовщины графа фамилия его была перенесена на его правнука и единственного потомка князя Михаила Кантакузина, окончившего курс в Новороссийском университете с степенью кандидата прав, т.е. чтобы молодой человек назывался князь Кантакузин-Сперанский, и что родитель молодого князя на такую прибавку к их фамилии, с своей стороны, изъявляет согласие.

Так как дела подобного рода относятся до обязанностей министра юстиции, то сообщив об изъясненном заявлении барона Корфа статс-секретарю графу Палену, - приемлю смелость всеподданнейше довести о сем до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества“.

Правнук Сперанского получил прославленную фамилию прадеда (о его дальнейшей судьбе нам, увы, ничего не удалось узнать).

Завершая рассказ о „трудах и днях“ Сперанского, скажем, что жизнь нашего героя исключительно сложна, неординарна, многогранна, поучительна и... обращена в будущее. Потомки еще в течение столетий будут обращаться к трудам, сочинениям и свершениям Сперанского. Заметим, что судьбы русских реформаторов обычно более трагедийны, нежели

столь славно завершившаяся жизнь „его сиятельства“. Надеемся, что наша работа послужит отправной точкой будущих исследований жизни и творчества гениального человека, наплывшего тенью, нет, золотым медальным профилем, на историю России.

К И Л Л Ю С Т Р А Ц И Я М

- стр. 3 граф Михаил Михайлович Сперанский (*литография неизвестного художника с оригинала Иванова, 1806 год*)
- стр. 13 Павел I, император российский (1754-1801)
- стр. 26 Александр I, император российский (1777-1825)
(гравюра Б.К.Крусле по рисунку К.Скульна, начало XIX века)
- стр. 29 Шарль-Луи Монтескьё (1689-1755)
(гравюра П.-А. Тардьё с рисунка Ж.-Э. Шодэ)
- стр. 45 граф Фёдор Васильевич Ростопчин (1763-1826)
- стр. 53 граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769-1834)
- стр. 69 канцлер, граф Карл Васильевич Нессельроде (1780-1862), гравюра
Ф.Лемана, 1820-е годы
- стр. 92 Константин Павлович, великий князь (1779-1831)
- стр. 93 Николай I, император российский (1796-1855)
- стр. 114 граф Михаил Михайлович Сперанский